

Автор: Карина Хелле

Название: Долг

Серия: Братья МакГрегор

Рейтинг: 18+

Переводчик: Ксюша Попова

Совместный проект:

[Best romance books](#) и [Книжный червь](#)

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Любое копирование и распространение, в том числе размещение на сторонних
ресурсах, категорически запрещено.

Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Аннотация:

Ее жизнь изменилась в один миг.
И он единственный, кто мог предотвратить это.

Когда случилось немыслимое, Джессика Чарльз даже не должна была находиться в Лондоне.

Ей следовало остаться дома, в Эдинбурге. Возможно, провести время со своим парнем, выпить по коктейлю с сестрой или заняться йогой с друзьями. И продолжать жить своей нормальной, стабильной жизнью. Как и всегда.

Но в тот роковой августовский день, когда психически больной бывший солдат открыл огонь в общественном месте, мир Джессики изменился навсегда.

Теперь, лишившись парня и оставшись калекой, Джессика осознаёт, что напугана и осталась совсем одна. С каждым мучительным моментом теряя веру в себя и человечество.

До тех пор, пока в ее жизни не появляется незнакомец. Незнакомец, который заставляет ее снова жить.

Кейр МакГрегор всегда был сильным и молчаливым. Добавьте к этому: высокий рост, темные волосы и красоту, и вот он - почти идеальный шотландец.

За исключением того, что Кейр совсем не идеален. У него есть прошлое, от которого он убегает, и муки совести, от которых он, похоже, не может избавиться. Но, чем больше времени он проводит с Джессикой, тем сильнее влюбляется в нее.

И тем серьезнее его секрет угрожает разлучить их.

Возможно он и был незнакомцем для неё.

Но она никогда не была незнакомкой для него.

Пролог.....	4
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	55
Глава 7	61
Глава 8	66
Глава 9	77
Глава 10	86
Глава 11	96
Глава 12	102
Глава 13	112
Глава 14	117
Глава 15	125
Глава 16	131
Глава 17	138
Глава 18	144
Глава 19	149
Глава 20	151
Эпилог.....	158

*Для тех, кто живет в темных глубинах вины.
Позволь ей существовать и подняться.
Там наверху есть свет, и я прямо здесь,
плыву вместе с тобой.*

*Чувство вины для души то же,
что и боль для тела.
старейшина Дэвид А. Беднар.*

*Ты носишь вину,
словно кандалы на ногах...
словно нимб, только наоборот.
Депеш Мод «Halo»*

*Я должна быть русалкой...
я не боюсь глубин
и великого страха
поверхностной жизни.
Анаис Нин.*

Пролог

Джессика

Август

Ничто так не приводит в бешенство, как невозможность выпить пинту пива в чудовищно жаркий летний день. Особенно, когда это летний день в Великобритании, где лето - скорее выдумка, чем реальность.

И все же я вынуждена была ответить «нет» своим друзьям, сказав, что, прежде чем сегодня вечером отправиться в Эдинбург, мне необходимо купить кое-что на Оксфорд-стрит. Дело в том, что я не врала - летние распродажи зовут меня - и я долго ждала, когда в «Заре» снизят цену на одно конкретное платье.

Но мои друзья все равно разочарованы. Я редко вижу их, и, хотя в этот уик-энд меня даже не должно быть в Лондоне, я чувствую себя полной задницей, потому что отказалась им. Не говоря уже о том, что попаду в категорию «никакого веселья» раньше, чем думала.

Я встретила Полу, Джо и Шона шесть лет назад, когда записалась на месячную интенсивную программу в учебном центре Йоги в Лондоне. В те времена я жила без цели, только что перебралась в Великобританию из Канады, и йога была единственным в моей жизни, что имело смысл. Есть кое-что, что можно сказать о дружбе, которая возникла тогда, когда ты молод, сломан и у тебя нет никаких ограничений. Она, как никто другой, заставляет тебя спуститься на землю, и даже годы спустя напоминает тебе о том, кем ты был.

Но настоящая причина, по которой я не соглашаюсь выпить с ними после самой большой конференции по здоровью и правильному образу жизни в Великобритании, слишком непростая для меня. После последних двух дней посещения семинара за семинаром, просмотра выставочных стендов и постоянного поглощения травяного чая, я просто хочу побывать одна. Несколько месяцев назад у меня было четкое представление о том, кто я и где мое место в мире. Теперь, боюсь, я ничего не знаю.

Мне просто страшно.

— Ты уверена? — спрашивает Пола, кладя руку мне на плечо, когда мы стоим за пределами конференц-центра. Джо и Шон наблюдают за нами, стоя в стороне, надеясь, что Пола сможет изменить мое мнение. У них в руках пакеты с рекламной ерундой, которую они собирали весь день.

Я все еще близка с Полой, обычно встречаюсь с ней несколько раз в год и, по крайней мере, через день общаясь по интернету. В ней есть то, чему я очень завидую - способность успокаивать лишь одним прикосновением или голосом. Обычно она может убедить меня в чем угодно, но на этот раз я твердо стою на своем. Моя сила воли не ослабнет.

Игриво отмахиваюсь от нее, не желая, чтобы она слишком сильно задумывалась над этим.

— Все нормально. Я действительно должна подготовиться к полёту.

— Но это *пиво*, — в миллионный раз говорит Шон. — Ты никогда не говоришь «нет» пиву, Джессика.

И это правда. Я фанатик здорового образа жизни, палеолитическая диета и все такое, я пытаюсь как можно ближе к безглютеновой диете, но пиво - мой порок, моя ахиллесова пятка. Прошло уже несколько недель с тех пор, как я пила его, но все еще ощущаю его вкус.

— Не искушай меня, — улыбаясь, говорю я. Вынимаю телефон и смотрю на него, делая вид, что проверяю время. — Мне действительно пора. В любом случае, эта поездка возникла в последнюю минуту. И я рада, что увидела вас, ребята.

Вообще-то я не планировала приезжать на конференцию. Но когда студия йоги, где я преподаю, была вынуждена закрыться на выходные, чтобы заняться проблемой с насекомыми (противно, я знаю), и у Полы оказался дополнительный билет для оздоровительного центра, который они с Джо только что открыли вместе, меня не пришлось долго уговаривать. В пятницу вечером я поцеловала на прощание своего бойфренда Марка и прыгнула в самолет, желая уехать на несколько дней, увидеть старых друзей и подумать. Иногда расстояние показывает все в правильной перспективе.

Джо уныло вздыхает, сдувая с глаз свою неравную прядь длинных светлых волос.

— Отлично. Мы поняли. Теперь, живя в Шотландии, ты слишком хороша для нас, — говорит она, но, как всегда, на губах дразнящая улыбка.

— Если хочешь, думай так, — отвечаю ей, радуясь, что они позволяют мне уйти без лишней суеты. Обнимаю каждого из них и даю обещание, что вскоре попытаюсь приехать в Лондон. Конечно, они всегда могут приехать и увидеть меня - я уже несколько лет живу в Эдинбурге - но жизнь в большом городе оказывает на них свое влияние.

Я направляюсь к метро, вздыхая с облегчением от того, что осталась одна, но тут же начинаю кашлять из-за выхлопов проезжающих такси. Трафик здесь абсолютно ужасен, и, каждый раз, когда я приезжаю, становится лишь хуже. Поэтому я вынуждена задаться вопросом, где мои друзья находят свой мир в этом городе? Или, возможно, именно поэтому они обратились к йоге, чтобы было с чего начать... Вместо того чтобы обрести мир, они создали свои собственные миры.

Однажды у меня была такая же идея. Я переехала в Эдинбург после смерти мамы, чтобы быть с сестрой. Оставила свою жизнь в Канаде - ту, которая должна была дать мне покой, если бы не побег - и привыкла к новой реальности. Пара лет превратилась в шесть, и мне удалось создать новую жизнь, не подверженную влиянию моего прошлого.

Единственная проблема в том, что... ну, иногда жизнь дает то, чего ты хочешь, но забирает что-то другое.

Когда я еду в метро на Оксфорд-Серкус, мне жарко и тесно. Тошнота одолевает меня, когда я оказываюсь зажата между бизнес-вумен, которая пахнет так, словно купается в дешевом парфюме, и мужчиной, от которого пахнет потом и луком. Я закрываю глаза и стараюсь удержать содергимое желудка. Из-за этого проклятого желудка с утра я съела лишь рисовый тост.

Когда двери, наконец, открываются, толпа выносит меня. Я оказываюсь у эскалатора, пока не попадаю под яркий солнечный свет, в поток тел на Оксфорд-стрит. Двухэтажные автобусы громко проезжают мимо, едва пропуская курьеров на мопедах, британские флаги развеваются над улицей.

Есть в этом городе огромное чувство обезличенности. Ты можешь быть кем угодно, и никому нет до этого дела. Просто еще одно лицо в толпе, еще одна жизнь, еще один секрет. Несмотря на движение и шум, это плюс Лондона. Способность избегать того, кто ты есть.

Я позволяю толпам людей вести меня туда, куда мне нужно. Все на улице, наслаждаются редкой жарой, поздними сезонными распродажами и последними летними деньками, а я совершенно бесцельно дрейфую среди них, притворяясь, что у меня нет обязанностей или сердечных дел, требующих внимания.

Я иду к «Заре» и нахожу платье, которое хочу, но, конечно же, оно не моего размера. Так что ухожу с коротким шелковым шарфом. Грейс Келли вполне могла бы повязать подобный на шею, а затем на голову, пока ехала бы на кабриолете по Французской Ривьере. Он королевского синего цвета с еле заметными русалками, и подчеркивает мои рыжие волосы, делая их еще ярче, словно они горят в огне.

Я спускаюсь по улице, скитаясь без цели, пока толпа не становится слишком большой. Быстро ныряю в узкий переулок, чтобы передохнуть. Меня снова одолевает тошнота. Мне надо срочно съесть что-нибудь, иначе окажусь где-то в аллее, слабая и голодная.

Высокие здания отбрасывают на меня тень, и я несколько мгновений стою там, ощущая, что мой мир балансирует на краю неизвестного и полного хаоса. Ощущение странное. Но я не могу притворяться, что не знаю, откуда оно.

Когда тошнота ослабевает, и желудок начинает ворчать, вероятно, обиженный, что я все же не пойду в паб, я высматриваю закусочную «Прет-а-Манже» на другой стороне Оксфорд-стрит и начинаю двигаться в ту сторону.

Иду к светофору, торопясь перейти перекресток, чтобы успеть на горящий зеленый, когда загорается стоп. Я не успею.

Поэтому жду, толпа пешеходов у меня за спиной все увеличивается с каждой секундой.

Стая голубей взлетает рядом, заставляя волну людей инстинктивно пригнуться, пытаясь избежать помета. Птицы летят в яркое синее небо, мимо танцующих британских флагов, висящих через улицу.

Вокруг странная тишина.

Мир словно другой.

Волоски на шее встают дыбом, и я понятия не имею почему.

Затем я слышу его.

Крик.

Он доносится с другой стороны улицы, по ту сторону автобуса, мчащегося через перекресток и пытающегося успеть на светофор до того, как тот изменится.

И когда автобус уезжает, я чувствую ужас.

Ужас настолько ясный, что у меня пересыхает во рту.

Через дорогу стоит мужчина.

Мужчина с ружьем.

Пока я наблюдаю за ним, мир движется в замедленном темпе.

Он идет.

Сейчас он на середине перекрестка.

Теперь остановился.

На мгновение никто не двигается, и этот единственный крик женщины повисает в воздухе.

Затем мужчина поднимает дробовик, целясь в толпу, может быть, через две головы

от меня.

И мир, который балансировал на грани полного хаоса, теперь погружается в него.

Все кричат.

И бегут.

Все, кроме меня.

Потому что я замерла на месте и не могу поверить своим глазам.

Это просто не может происходить на самом деле.

Не может быть.

Невозможно.

Это какая-то забава. Шутка. Словно фильм стал реальностью. Я попала в самую середину фильма.

Или я сплю, все еще находясь в своем гостиничном номере. Может быть, весь этот уик-энд был сном, на самом деле я дома и вижу ужасно реалистичный кошмар.

Тот факт, что существует мужчина, идущий ко мне и держащий в руках дробовик, не может быть реальностью. Этого не может быть.

И если это так, его целью не может быть стрельба.

Но...

Так и есть.

Он нажимает на курок.

По крайней мере, должен.

Я очень внимательно наблюдаю за ним, но не вижу, чтоб он это делал. Разглядываю его, обращая внимание на важные детали и пустяки. Он высокий, но не такой уж и высокий. Тощий. Белый, как призрак. Впалые скулы. Синяки под глазами. Светло-русые волосы в беспорядке, выглядят так, словно их давно не стригли. Он с головы до ног одет в камуфляж, но я не знаю, это официальная армейская униформа или одежда, которую он купил в охотничьем магазине.

И его глаза. Они сосредоточены на том, в кого он целится, но я вижу в них отсутствие сострадания и человечности. Я вижу кого-то, у кого в голове пустота. Того, кто убивает, потому что считает, что это единственный способ выжить, возможно, единственный способ спастись. Он вообще не видит нас, испуганную толпу, он видит море монстров.

Я не хочу, чтобы эти глаза видели меня.

Но тут раздается выстрел.

Его ружье стреляет, и выстрел - он, должно быть, всего в десяти футах от меня - настолько громкий, что он, наконец, в какой-то степени, доносит немного здравого смысла до моего мозга. Начинает действовать инстинкт самосохранения, который говорит мне бежать. Удирать со всех ног. Жить.

Я поворачиваюсь и начинаю бежать.

Не знаю, кричу я или нет, все звуки сливаются воедино, становясь искаженными и далекими. Мои руки вытянуты вперед, толпа убегает, звуки страха и ужаса поднимаются высоко в воздух. Некоторые люди спотыкаются, другие врезаются друг в друга. Если бы я могла посмотреть на сцену с одного из зданий, я бы увидела, как люди разбегаются врассыпную, словно стая рыб в темном море.

Звучит еще один выстрел, а затем чья-то голова в нескольких футах от меня взрывается, превращаясь в красное месиво.

Я покрыта горячей кровью, мое тело столбнеет от шока, позволяя мне не думать об этом. Я даже не знаю, был ли это мужчина или женщина. Это не имеет значения, это не важно. Если задумаешься, можешь умереть.

Тело падает на землю, и, когда люди пытаются перепрыгнуть через него, слышится еще больше криков, отчаяние пронизывает воздух. Я чувствую запах пороха, привкус металла, и это может быть кровь, страх или адреналин, но все это вокруг меня, заполняет мой нос, когда я пытаюсь двигаться.

Я чувствую его за спиной. Знаю, за мной нет никого, кроме него. Я осознаю, что бегу к «Заре», тому самому магазину, в котором была совсем недавно, тогда, когда моя жизнь имела гораздо больше смысла.

Понимаю, что сейчас он находится не на перекрестке. Я слышу, как сигналят машины, движение одновременно и безумное и наоборот, водители не уверены, уехать ли, или стоит остановиться и помочь, а может заехать на тротуар и вырубить мужчину.

Но, если они и решатся на такое, то это не происходит прямо сейчас. Сквозь крики и сигналы машин, топот ног на тротуаре, я слышу, как ружье перезаряжают, слышу его тяжелые шаги, резкое дыхание, словно он тоже бежит.

Я слышу следующий выстрел.

Он близко.

Очень близко.

Я ничего не чувствую.

Но падаю.

Не заканчивая шаг, моя правая нога перестает двигаться, перестает слушать команду мозга, и я падаю на землю, тротуар торопиться встретить мое лицо. Чтобы смягчить падение, я поднимаю руки перед собой и чувствую, как грязь и грубый бетон царапают кожу.

Вставай, поднимайся, давай!

Это все, о чем я могу думать, когда ударяюсь о землю, растянувшись на ней.

Беги, беги, беги.

Он приближается.

Но затем я ощущаю ее.

Боль.

Настоящую боль.

Настолько невероятно интенсивную, что она поглощает меня целиком, концентрируясь в одной из моих ног. Это чистая агония, такая огромная и необъятная, что я даже не могу сказать, какая нога болит.

В меня стреляли.

Меня ранили.

Не могу поверить, что в меня стреляли.

Я умру.

Я не могу сосредоточиться ни на чем другом, кроме этих мыслей и боли, огня, пожирающего мою ногу, ощущения полного разрушения изнутри.

Он все еще здесь.

Эта мысль заставляет меня остановиться, мешает мне двигаться дальше, мешает перевернуться, чтобы посмотреть на ногу (может быть, это просто ранение, вероятно, оно неглубокое, возможно, я в порядке). Мысль заставляет меня лежать неподвижно, душит мои крики, и агония оказывается в ловушке в моей груди и горле, душа меня.

Я поднимаю голову и вижу, как его коричневые сапоги проходят мимо. Его ружьё снова стреляет, гильза падает и, отскакивая от земли, катится ко мне.

Притворись мертвой, — говорю я себе.

Гильза останавливается, попадая в мои вытянутые пальцы.

Не уверена, дышу или нет. Ощущаю холод, все словно в тумане.

Но я все еще вижу, как он уходит от меня, четыре фута, пять футов, шесть футов.

Дальше и дальше прочь.

Продолжай идти, продолжай, — умоляю я.

Его плечи напрягаются, когда он поднимает ружье и целится в кого-то другого.

Огонь.

Еще один вскрик среди хора криков.

Падает еще один человек.

Затем он останавливается там, всего в фуре от «Зары».

Стреляет в витрины, разбивая стекло.

Перезаряжает ружье.

И стреляет снова.

Снова перезаряжает ружье.

Он разворачивается и направляет ружье влево, вниз по тротуару на бегущих людей.

Стреляет снова.

Делает то же самое в другую сторону.

И все это время я смотрю на его лицо, наблюдая, как оно размывается и снова становится резким, пока мое тело пытается качать собственную кровь, и боль начинает ослабевать, когда я впадаю в шок. Не хочу смотреть на свою ногу и видеть, сколько крови теряю. Не хочу ничего, кроме как наблюдать за профилем этого человека, когда он еще раз целится и нажимает на курок.

Убит еще один человек.

И еще один.

Кто-то должен остановить его.

Я не могу перестать смотреть на него, пока он не умрет.

Затем это происходит.

Момент, когда все происходящее меняется.

Он поворачивается и смотрит прямо на меня.

Он видит меня.

Всю меня.

Его глаза настолько бледные, что я даже не могу разглядеть цвет. Крошечные черные зрачки смотрят прямо на меня, вбирая каждый дюйм.

Он идет ко мне. Медленно, но с определенной целью.

Ужасной целью.

Хочу посмотреть на людей позади него, найти храбрую душу, которая сможет остановить его, сможет спасти меня, но я не в силах отвести взгляд. Я не могу притворяться мертвой.

Меня поймали.

Я жива, хотя мне следует быть мертвой.

И я умру.

Но я поддерживаю с ним зрительный контакт, потому что это мой единственный шанс. Единственный способ спасти себя. Если он увидит меня, настоящую меня, может быть, он не причинит мне вреда.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Отпустите меня.

Оставьте в живых.

Позвольте мне жить.

Он останавливается на расстоянии пяти футов. Стоит прямо, ноги на ширине плеч. Все в нем такое правильное, настолько совершенное, он словно запрограммирован.

А это означает, он запрограммирован не видеть, кто я.

Я для него просто безликий монстр.

Ружье указывает на меня, и я смотрю прямо в дуло.

Вот оно.

Это была жизнь.

У меня было почти все.

— Разве вы не видите, — говорит мужчина-британец, его голос предает бессмысленный взгляд на его лице. Он говорит с отчаянием, словно что-то хочет от меня.

— Разве вы не видите, насколько это легко? Как легко это было? Это то, чего хочет от нас правительство. Но, пока делается дело, никто не заботится о том, насколько легко это происходит.

Я чувствую головокружение. Рот словно набит ватой. Я даже не могу

сформулировать слова для ответа.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, боже, — думаю я. — Позволь мне жить. Прошу прощения за все. Прости за Кристину. За маму, за отца. Прошу прощения за все, что я сделала не так.

— Теперь видишь, — продолжает мужчина, его голос надламывается. — Они тоже увидят. Я был создан для этого. Другими людьми, не нашими. Но все равно, правда, ведь? Все то же самое. И теперь ты знаешь.

Его палец двигается на курок.

Мое тело инстинктивно напрягается. Я закрываю глаза.

Мне невыносимо жаль.

Раздается выстрел, настолько громкий, что практически оглушает меня.

И повисает тишина.

Смертельная тишина.

А затем слышен вопль. Крик.

Грохот металла на тротуаре.

Такое чувство, словно я слышу все это под водой, но все равно слышу.

Я жива.

Открываю глаза как раз в тот момент, когда мужчина начинает пошатываться на ногах, ружье лежит на земле рядом, его ладонь открыта и тянется к оружию. Мои глаза скользят к его груди, кровоточащей ране над его сердцем.

Мужчина покачивается, а затем падает, словно спиленное дерево.

Мертвый.

Внезапно, мир оживает. Среди криков приходят резкие звуки власти, контроля, безопасности.

— Мисс, помощь здесь, — говорит голос, мельком вижу полицейскую форму. — Оставайтесь с нами.

Не уверена, что могу.

Глава 1

Джессика

Эдинбург

Шесть недель спустя

— Уверена, что справишься? — глядя на меня щенячим взглядом, спрашивает Кристина.

Я испытываю соблазн оттолкнуть ее костылями, что мне хочется сделать с того самого дня, как они у меня появились. Назовите это сестринской любовью или как хотите.

— Я в порядке, — говорю ей, глядя в небо и щурясь на солнце. Несмотря на то, что сейчас сентябрь, и Эдинбург, как правило, в это время года готовится к долгой и мрачной зиме с помощью непрерывных дождей и пасмурного неба, сейчас тепло и солнечно, а небо ясное. Вероятно, сегодня один из последних прекрасных дней в году, и мне хочется удержать его и сохранить в памяти на потом.

Я вздыхаю и смотрю на сады на Принсес-стрит. В городе по-прежнему много туристов, хотя, по мере приближения осени, их количество сокращается. Зеленая трава вот-вот исчезнет, как только толпы сейчас работающих людей хлынут на улицу. Если они не устроят пикник в парке, глядя на замок мечтательными глазами, то оккупируют уличные магазины, ища способы потратить свои с трудом заработанные деньги, или наполняют бары, чтобы выпить по кружечке пива.

Волна безнадежности проникает в сердце. Я бы все отдала, чтобы вернуться в те времена, когда в теплый пятничный вечер ощущала привычный комфорт и волнение. Теперь я просто завидую жизням вокруг. Я даже не могу пойти в «Зару», не вздрагивая при этом от страха из-за воспоминаний. Не уверена, что когда-нибудь вообще буду на это способна.

Да, я знаю. Когда кто-то переживает шокирующую трагедию, в результате которой его жизнь разваливается, последнее, что люди хотят слышать — бесконечный склон и вечные причитания. Я очень стараюсь не быть таким человеком. Мне подобное не свойственно. Обычно, я преодолеваю трудности, стараясь сделать это как можно лучше.

Вот почему я не могу просто поддастся страху и жалости. Я этого не допущу, даже если моя сестра или Пола думают, что вполне нормально погрязнуть в этих чувствах и злиться. Они нянчатся со мной, боясь, что я сломаюсь, но этого не произойдет.

Три недели назад меня выписали из больницы, и, как только я вернулась в Эдинбург, к той жизни, которая у меня была — в тот самый момент, когда моя жизнь рухнула — я начала обращаться за помощью. Не только для тела и ноги, которые никогда не будут прежними, но и для моего сердца и разума. Каждый вечер вторника в местной церкви я посещаю группу ПТСР для пострадавших от травм. Сегодня вечером будет моя третья встреча с ними, и я чувствую, что буду посещать эти встречи еще долгие годы.

— Просто не могу видеть тебя такой, — вытирая глаза, говорит Кристина. С тех пор, как все случилось, она в полном раздрае, и справляется со всем хуже, чем я. Что лишь заставляет меня изображать еще большую храбрость и притворяться, что все в порядке, даже если это не так. Если я много раз повторю ей эти слова, возможно, и сама поверю в них.

— Не могу просто наблюдать, как ты хромаешь по дороге в церковь, — говорит она. — Я могла бы, по крайней мере, проводить тебя до места. Что, если ты упадешь?

Я много падаю. Не могу винить ее в том, что она ошибается. Я не предвидела такое, что мне придется учиться падать, мое тело будет покрыто синяками, и что подняться иногда не просто больно, а порой и невозможно.

Ах, да, еще и тот факт, что мой парень Марк, с которым мы встречались три года,

бросил меня, пока я была в больнице. О, и что я потеряла работу преподавателя в студии йоги, потому что, черт возьми, я еще не скоро буду заниматься йогой. И тогда мне пришлось переехать к сестре и ее мужу, потому что я больше не могла жить с Марком.

Не ожидала, что так выйдет. Милое дополнение к тому, что меня подстрелил террорист.

— Если упаду, какой-нибудь красивый мужчина придет мне на помощь, — говорю я, спешно заправляя волосы за уши.

— Надо вызвать тебе такси, — продолжает она, кладя руку на мою.

— Кристина, — предупреждаю ее, посылая фирменный взгляд старшей сестры, который совершенствовалася на протяжении многих лет, — я в порядке. Если бы я хотела взять такси, я бы взяла такси. Путь не долгий, и, если я не научусьправляться сама, как я вообще буду передвигаться самостоятельно?

Она расстроенно морщит нос.

— Просто я беспокоюсь о тебе.

— Все со мной нормально, — раздраженно замечаю я. — Позволь пойти на встречу пешком. А обратно я вызову такси.

— Ладно, я тебя заберу, — быстро говорит она. — Буду на месте к восьми.

Я вздыхаю.

— Если ты настаиваешь. Но после встречи я собираюсь пойти в бар с одной знакомой, он находится через улицу. Так что, тебе лучше приехать к девяти тридцати.

Она кивает, и я знаю, если прямо сейчас не похромаю прочь, она силой затолкает меня в такси. Кристина может быть моложе и немного ниже меня (а я никак не высокая), но у нее есть характер, дающий ей сверхчеловеческую силу.

Посылаю ей воздушный поцелуй, «со мной все хорошо, не волнуйся за меня» улыбку (которую в последнее время использую слишком часто) и начинаю хромать через траву к Принсес-стрит.

Несмотря на то, что я много падаю — мой физиотерапевт говорит, что это абсолютно нормально — причина не в костылях. Спишем это на многие годы занятия йогой, но мое тело гибкое и, по-видимому, хорошо адаптируется к этим неуклюжим приспособлениям. Однако время от времени мой разум забывает, что одна нога не функционирует, и, если мои кости стоят не так, как следует, я падаю. Такое обучение довольно болезненное.

Я наслаждаюсь прогулкой, пока иду к церкви. Она расположена у подножья моря в великолепной области Стокбридж, примерно в десяти минутах ходьбы от садов. Пятнадцати, если вы быстро передвигаетесь на костылях.

Прохожу мимо каменных фасадов зданий на Серкус-Плейс, паба «Сент-Винсент», в который хочу заскочить позже, и иду к церкви святого Стефана.

Сама по себе церковь старая и мрачная, с высокой колокольней, выходящей на улицы. Внутри она была обновлена, длинный ряд скамеек ведет к большой открытой площади с лампами дневного света из прозрачного стекла над устрашающе выглядящим органом и гигантской люстрой. Я останавливаюсь в холле, чтобы посмотреть на все это и обрести покой — в воздухе витает запах гвоздики и свечного воска — прежде чем пойти вниз, чтобы противостоять своим демонам.

Я никогда не была очень религиозной. Каждое воскресенье мой пapa таскал нас с Кристиной в церковь, но он был величайшим грешником из всех присутствующих, и, пока я росла, христианство ассоциировалось у меня с пустословием и лжецами. Мой отец был монстром внутри, а снаружи ярким образцом почтителя Бога.

Хотя теперь я обращаюсь к ней все чаще. Не к религии, а к вере. Трудно не делать так, когда вы посмотрели смерти в глаза. Только не уверена, благодарна ли я за то, что жива или зла от того факта, что моя жизнь навсегда изменилась.

Закончив молиться, я медленно поворачиваюсь — обычно, когда делаю это слишком быстро, как правило, отступаю — и вижу, как Анна молча смотрит на меня.

Анна тот человек, с которым я хотела пойти в паб после собрания. На самом деле, она единственная, с кем я разговариваю в группе. Несколько лет назад она выжила в ужасном пожаре, случившемся в доме. Пожаре, который забрал ее младшего сына. Но прошлое все еще не отпускает ее, хотя она, как сама выразилась, каждый день начинает жизнь заново.

— Не хотела тебя прерывать, — говорит Анна с легким шотландским акцентом.

Улыбаюсь ей.

— И не надо. Полагаю, я должна уже быть внизу.

Следую за ней вниз по лестнице в подвал, где проходят встречи, при этом осторожничая еще больше. Лестница - мой враг, и в этой стране их полно.

Комната для встреч простая, но, благодаря камню, здесь достаточно прохладно. Иногда создается впечатление, что находишься в гробнице, но я слышала, как другие описывают ее как утробу. Полагаю, зависит от того, как на это посмотреть. Закрытые темные пространства могут заставить вас почувствовать удушье или успокаивать. Каждый день бывает по-разному.

Встречи просты. Памела, лидер группы, член церкви и выжившая в результате взрывов в лондонском метро в 2005 году. Она создала группу, чтобы другие, подобные ей, такие как я и Анна, могли преодолеть свои страхи и сблизиться с теми, кто пережил нечто похожее. Почти все проходят терапию или недавно прошли ее (кроме меня), но эта группа дает нечто большее. То, что не может дать даже самый понимающий психотерапевт.

Здесь девять человек, мужчин и женщин, в возрасте от двадцати двух до семидесяти пяти. Мы все здесь для одного и того же - чтобы поправиться. Дать волю чувствам. Чтобы нас поняли и воспринимали как человека. А не того, над кем стоит издеваться или жалеть, или, как в моем случае, почитать.

Придя впервые на встречу, я сидела на заднем ряду, радуясь, что мне не надо говорить, и я могу лишь слушать и смотреть. На второй встрече я рассказала о нападении на Оксфорд-стрит, каково это было, стать девушкой с плаката. На самом деле, я все еще девочка с плаката. Были еще два оставшихся в живых, но, по какой-то причине, СМИ зацепились за меня. Может быть, из-за того, что мой драматический момент между жизнью и смертью привлек внимание очень многих и его увидел весь мир. Если бы это была не я, если бы не я прошла через все это, если бы это был незнакомец, я следила бы за новостями и могла увидеть, насколько то событие было шокирующим и захватывающим.

Но это был не незнакомец. Это была я. И, как сильно бы не переживали и нервничали люди, следя за событиями в новостях, они понятия не имеют, каково это, быть там на самом деле.

Но конкретно эти люди знают. Может быть, не совсем точно, но они понимают, каково это, очнуться после того, чего с вами произойти не должно было, даже если вы только что пришли в себя. Иногда ваш дух умирает в прошлом.

Хотя, сегодня мне не хочется разговаривать. Я испытываю странные чувства и сегодня мне достаточно просто быть частью коллектива, я хочу лишь слушать. Хочу найти надежду в их историях, заблудиться в мире, который не является моим собственным.

К тому времени, когда собрание заканчивается, большую часть вечера говорил человек по имени Реджи, старый ветеран, потерявший на войне ноги - ситуация, которую я принимаю близко к сердцу и напоминаю себе, что все могло быть и хуже - я готова для пива или двух.

Я жду, пока все в комнате уйдут, не желая никого задерживать, а затем поднимаюсь по лестнице за Анной.

Ушли летние ночи, когда солнце светило до одиннадцати вечера. Теперь темно уже в восемь. Раньше я грустила о том, что лето уходило, хмурясь в августе, когда короткий сезон заканчивался, но теперь я начинаю видеть, насколько привлекательна темнота. Она зовет меня, утешает. Может быть, потому, что нападение на меня произошло средь бела

дня, среди толпы людей, в общественном месте, и я чувствую себя безопаснее, когда люди не могут видеть меня.

Паб «Сент-Винсент» - миленькое место на углу, спрятанное в ряду Григорианских домов. На улице около него есть стол, в настоящее время занятый парой курильщиков, один мужчина пришел с красивым золотистым ретривером. Когда я осторожно спускаюсь по лестницам, все мужчины смотрят на меня, но выражение на их лицах больше хищническое, чем обеспокоенное. Я привыкла к этому. Пока не получила травму, никогда не осознавала, как часто меня рассматривают как падшую лань, ту, на которую охотятся волки.

Я игнорирую их - как обычно, ни один из них не предлагает руку, просто искоса смотрят на меня - и пробираюсь в паб за Анной.

Сегодня вечером здесь достаточно много народа, но большинство людей стоят около стойки. В заднем углу есть несколько кабинок с красной и зеленой кожей, а винные бочки, покрытые бархатными накладками, выступают в качестве табуретов на другой стороне столиков.

Нам удается занять одну из кабинок, и, в то время как Анна садится на винный бочонок, я устраиваюсь на скамье. Мне повезло, что у меня были достаточно сильные руки и пресс, когда со мной случился инцидент. Я все еще уверена, как называть случившееся. Атака? Хотя так оно и было, от этого я чувствую себя жертвой. Годы силовых тренировок и йоги определенно окупились, и, так как в ближайшее время мои ноги не будут полезны, по крайней мере, верхняя часть тела постоянно работает, принимая на себя все напряжение.

Анна идет, чтобы взять нам выпить, и, пока она стоит в очереди в баре, я облегченно вздыхаю, пока оглядываю паб. Несмотря на то, что дорога от церкви до паба была короткой, я чувствую себя лучше, когда сижу. И, когда нахожусь здесь, в пабе, слушая рок восьмидесятых, доносящийся из колонок, хор смеха, разговоров и звон стаканов, на секунду я верю, что все снова правильно. Что я не покалечена. У меня все еще есть работа, квартира, жизнь. У меня все еще есть парень.

Ещё до того, как в меня стреляли, наши отношения с Марком были на грани разрыва. Поездка в Лондон, импровизированная и неудачная, словно создала пространство между нами и дала мне время подумать.

К сожалению, все изменилось. И хотя я понимала, мы с Марком недолго будем вместе, никогда не думала, что он расстанется со мной, пока я все еще буду в больнице. О, у него были причины, но каждая из них говорила мне, что последние три года я жила ложью и, на самом деле, совершенно не знала своего парня. Это было к лучшему, но мне все еще больно, более того, я зла.

Анна сейчас платит за пиво, и, когда я поднимаю глаза от меню с напитками, направленного между пластиковой бутылкой кетчупа, горчицей и майонезом, мой взгляд останавливается на мужчине, сидящем за столом напротив меня.

Я вижу лишь его профиль. Напротив него стоит пинта пива, и его лицо чуть опущено вниз. Он что-то читает, я не вижу, что именно. Есть что-то очень знакомое в его линии челюсти и щетине, и я не в силах отвести взгляд, поэтому смотрю на него с благоговейным трепетом. У меня немного сжимается сердце, когда я пытаюсь осмыслить все это.

Словно почувствовав, что я смотрю на него, он поворачивает голову ко мне. Я хочу отвести взгляд, мне, вероятно, и следует так сделать, но позволяю его глазам встретиться с моими.

Он чертовски красив, это точно, хотя, чем больше я смотрю на него, тем яснее понимаю, почему так отреагировала на него. Сильная форма челюсти, борода, все это напоминает мне актера Джерарда Батлера. Очевидно, что он не Джерард Батлер, но эти незначительные сходства заставляют меня вспомнить кое-что.

Когда мне было семнадцать, и я доучивалась последний год в средней школе,

пытаясь найти способ преодолеть бесконечный ад, которым была моя жизнь дома, я стала одержим фильмом «Призрак оперы». Джерард, играющий таинственного призрака, стал моим любимым актером. После этого я обклеила стены плакатами с его изображением и по триста раз за день смотрела на них. Я была молода, напугана и зацикlena, а он дал мне некую вымыщенную жизнь, средство спасения.

Я все еще думаю, что Джерард Батлер - довольно хороший актер, хотя, в последнее время, выбрал несколько дерзких ролей, но, ассоциации с чем-то хорошим и безопасным, по-видимому, по-прежнему работают.

Конечно, этот парень совсем другой. Абсолютно другой. Губы полнее и вытянуты в твёрдую линию, нос крупнее, но его это не портит. Волосы темно-русые, короткие по бокам и длинные сверху, а виски практически седые.

Глаза незнакомца яркие, настолько яркие, что мне достаточно посмотреть в них лишь секунду. Дело не только в том, что они миндалевидной формы и темно-зеленого цвета - словно оборотная сторона листа - в них видна мудрость, боль и таинственность. Все сразу. Глаза, которые говорят, что человек прожил много жизней, и некоторые из этих жизней начинают изматывать.

— У них закончился эль, пришлось взять тебе лагер, — говорит Анна, ставя напитки на стол и закрывая мне вид. Что к лучшему. Кажется, я начала пугать парня. Нельзя смотреть на незнакомца долго, и не понимать, что скоро это станет казаться странным.

— Спасибо, — простила горло, говорю я. — Пиво есть пиво.

— Ты права, — соглашается она, садясь напротив и поднимая бокал. — Тогда, твоё здоровье.

— Твоё здоровье, — я поднимаю бокал, и мы чокаемся через стол.

Делая первый пенистый глоток, я смотрю за плечо Анны на мужчину. Он больше не смотрит на меня, снова погрузившись в чтение. Я чувствую странное разочарование, словно хотела, чтобы он продолжал смотреть. И мне не нравится это чувство.

Независимо от того, насколько хорош парень, нет ни единого шанса, что в ближайшее время я могла принять хотя бы внимание от противоположного пола. Не только потому, что мое сердце все еще не пришло в себя после Марка, а потому что я в полном раздрое, как внутри, так и снаружи. Мне предстоит пройти долгий путь, прежде чем я снова буду полноценным человеком, и ни один мужчина, если у него нет какого-то странного фетиша, а я не могу исключить такой вариант, не захочет быть с женщиной, которая ограничена костылями. Нога которой настолько обезображенна, слаба и бесполезна, что ее едва ли можно считать конечностью. Я во многих смыслах испорченный товар, и единственный мужчина, который захочет быть со мной, должен быть поврежден и сам.

Одно из качеств, которые мне нравятся в Анне - несмотря на трагедию, которая сформировала ее жизнь и причиненный ей ущерб, у нее все еще есть здоровый взгляд на жизнь. Она пытается двигаться дальше, найти положительные моменты. Она была матерью-одиночкой, когда потеряла своего маленького мальчика Сэма, и, хотя ее дочери уже одиннадцать, она все еще не сошлась ни с кем. Однако она пытается, ходит на свидания, даже если они ведут в никуда. Я знаю, ее демоны не отпускают ее, но тот факт, что она прилагает усилия, облегчает ей жизнь.

Мне также нравится, что она говорит. Много. Когда впервые видишь ее, она может быть довольно застенчивой и ведет себя достаточно спокойно, но, когда узнаешь ее получше, начинает болтать без умолку. Думаю, она многое хранит в себе. На прошлой неделе после собрания мы пошли выпить кофе, и теперь, когда в уравнении есть алкоголь, она не может наговориться.

Анна может остаться лишь чтобы выпить полторы пинты, а затем ей надо спешить домой отпускать няню.

— Уверена, что не хочешь, чтоб я вызвала тебе такси? — спрашивает Анна, когда

встаёт.

Поднимаю второй бокал.

— Мне надо допить пиво. А может быть и то, что осталось от твоего.

— Не знаю, куда в тебя столько влезает.

— Ходьба на костылях лучше любой тренировки, — говорю ей. — Словно передвижной пилатес.

— Тогда увидимся на следующей неделе, — отвечает она, затем стучит пальцами по столу. — О, и в воскресенье будет праздник, если ты все еще хочешь пойти.

— Я подумаю, — говорю ей. Она упоминала о маленьком музыкальном фестивале, который проходит на окраине города. Какой-то фольклорный жанр музыки, к которому у меня нет никакого интереса, и нельзя забывать, что к вечеру воскресенья я могу быть полностью измотана. Я в состоянии обойти город самостоятельно, но фестиваль, полный шумных, пьяных людей, это слишком. Добавьте плохую музыку (давайте посмотрим правде в глаза - это народная музыка), и это звучит как ночной кошмар.

Она машет рукой и уходит, а я откidyваюсь обратно на стенку кабинки. Потягивая пиво, смотрю на стол Джерарда Батлера. Кружка пива там, наполовину полная, но его нет.

На этот раз я чувствую небольшое разочарование. Пока Анна болтала, я не особо обращала на него внимание, и это, вероятно, к лучшему. Мне необходимо сосредоточиться на других вещах.

Например, на том, как сходить в туалет.

Я громко выдыхаю, ненавидя тот факт, что мне нужно встать. Как жаль, что в прошлом я причитала о том, что мне надо вставать, понятия не имея, как мне повезло, что мои ноги могли функционировать. И я могла свободно перемещаться без помощи костылей, не глотая таблетки каждое утро и ночь, пытаясь подавить боль.

Но я мирюсь с этим. Я должна. Просто забиваю на остальную часть своей жизни. Не жалуйся, не обижайся, не бойся, не сердись, не грусти. Просто смирись и живи с этим.

Теперь в пабе не так уж много народа, всего несколько человек у бара и еще пара за столами. Хорошо. Значит, на меня будут меньше смотреть. Раньше я уже заметила нескольких человек, которые глазели на меня так, словно узнали.

Я пробираюсь по кабинке до тех пор, пока обе ноги не показываются из-под стола, затем хватаю костили. Осторожно, пытаясь не опрокинуть свой напиток, использую стол для равновесия, а затем, когда стакан начинает качаться, угрожая разлив пиво, переношу вес на здоровую ногу, пресс напрягается, когда я пытаюсь встать.

Я не могу удерживать равновесие так, как надо, хотя и отставляю костили в сторону, пытаясь устоять, когда начинаю падать влево.

И словно вижу будущее в замедленном темпе. Костьль заскользит, слишком большой вес и импульс переместятся на мою левую ногу, и я не смогу выпрямиться. Я упаду и, пытаясь остановить себя, вероятно, сломаю запястье, если не ударюсь головой о боковину кабинки.

Я закрываю глаза, проглатывая крик, надеясь, что смогу упасть тихо, словно опуститься на облако, и что никто вокруг меня этого не заметит.

Затем ощущаю сильную хватку на левой руке, удерживающую меня от падения.

Я ахаю и резко открываю глаза, глядя на своего спасителя.

Мужчина, которого я заметила, рядом со мной, пристально смотрит на меня, его рука вокруг моего бицепса не позволяет мне упасть.

— Я держу тебя, — говорит он, у него хриплый акцент. Возможно, он из Глазго. Голос глубокий и изумительно насыщенный, словно сливки.

Я не могу даже сформулировать предложение, поэтому он тянет меня, пока я не встаю прямо, хорошо держась на ногах, его рука действует как костьль.

— Падение было бы неприятным, — продолжает он. А я все смотрю на него, словно идиотка. Он высокий, по крайней мере, шесть футов два дюймаⁱ, если не больше. Я всего лишь пять футов четыре дюймаⁱⁱ, так что это равно, что смотреть на великанов.

Большой, сильный, мускулистый гигант. У парня плечи, как горы, он сложён словно танк. Неудивительно, что он способен удержать мое тело одной рукой.

Тебе необходимо использовать слова, — быстро напоминаю себе.

— Спасибо, — удаётся сказать мне. Затем, закрывая глаза, качаю головой. — Было бы действительно неловко.

— Неловко? — повторяет он. — Вы бы точно причинили себе вред. — Его тон звонкованный, практически покровительственный.

Я открываю глаза и улыбаюсь ему самой открытой улыбкой.

— Ну, как видите, я уже причинила себе вред.

Он кивает и смотрит на гипс на моей ноге. Я в леггинсах капри и длинном, полосатом свитере. В эти дни я всегда ношу платья и шорты, что довольно иронично, учитывая, что после того, как на следующей неделе снимут гипс, не думаю, что снова буду спешить показать всем свою ногу. Видимо я даже не узнаю ее. Лишь мысль об этом пугает меня до чертиков.

— Это хорошая история? — спрашивает он.

— А?

— Твоя нога, Рыжик, — говорит он. — Обычно к сломанной ноге всегда прилагается хорошая история.

Натянуто улыбаюсь ему, хотя и чувствую облегчение. Это означает, что он не знает, кто я, не видел меня в новостях, снятую на дрожащую камеру телефона или мою фотографию с премьер-министром, когда он навещал меня в больнице.

— История долгая и не очень хорошая, — заверяю его. — Но, спасибо. Со временем ко всему привыкаешь.

— Готов поспорить, — говорит он, и на мгновение в его глазах видна боль. Но он улыбается очаровательной улыбкой. — Куда ты шла? Я тебе помогу.

— Все нормально, — быстро говорю я.

Какое-то время он изучает меня, и я стараюсь сохранять беззаботный вид. Затем мужчина берет другой костыль и держит его.

— Позволь помочь тебе, — снова предлагает он.

Я вздыхаю, закатывая глаза. Не хочу, чтобы незнакомцы помогали мне, и в то же время польщена его заботой. В отличие от мужчин, сидевших на улице, в этом мужчине нет ничего хищнического. Он великолепен, это факт, и сложен как мужчина, о котором я могу лишь мечтать. Но от него исходит искренность, которую я не могу игнорировать. Может быть, это всего лишь мои гормоны, мое разбитое сердце, благодарность за, своего рода, отвлечение от этой новой жизни. Как бы то ни было, я не жалуюсь.

Но все же упрямлюсь.

— Мне не нужна помощь, — говорю ему, хотя, стоит словам вылететь, я тут же жалею о них.

Он поднимает бровь.

— Я не говорю, что тебе нужна помощь, Рыжик. А прошу позволить помочь тебе.

Прищуриваюсь, глядя на него.

— Рыжик? Не уверена, что мы знаем друг друга настолько хорошо, чтобы использовать прозвища.

Он ухмыляется.

— Но я ведь не знаю твоего настоящего имени, так ведь? Но знаю, что ты маленькая и у тебя огненная шевелюра.

— Полагаю, это лучше, чем покалеченная девушка.

— Или ты могла бы просто сказать мне свое настоящее имя, — говорит он, все еще держа в руках костыль. — Не могу обещать, что перестану называть тебя Рыжиком, но это может помочь.

— Джессика, — отвечаю я, протягивая руку, один костыль у меня под мышкой.

— Кейр, — говорит он. «Р» выходит грубо. Клянусь, из-за этого что-то происходит

со мной, и я ощущаю слабость в коленях, хотя ощущала ее с самого начала. Его рука, теплая и твердая, пожимает мою. — Ты не местная... — он пристально смотрит на меня, и я инстинктивно замираю, думая, что он, возможно, наконец, узнал меня. — Или?

— Шесть лет живу в Эдинбурге, — отвечаю с гордостью. — Но я канадка. Родилась и выросла в Британской Колумбии.

— Да? А где именно? В юности я провел там немного времени.

Мне хочется рассмеяться. Ему никак не может быть больше сорока.

— Город называется Камлупс. Всего лишь станция на железной дороге с целлюлозным заводом. По крайней мере, тогда было именно так. В городке есть и приятные районы, но я, так сказать, росла на другой стороне дороги.

И затем я закрываю рот. Почему я вообще рассказываю ему это?

Он делает шаг вперёд.

— А я вырос в Глазго, также на неправильной стороне дороги. Готов поспорить, моя была чуть тяжелее твоей. Камлупс - это город ковбоев, я прав?

Я киваю, все еще шокированная тем, что поделилась чем-то подобным с незнакомцем. Никто не любит признавать, что вышел из низов.

— Так или иначе, я счастлива здесь. Это отличный город.

— Хорошо, — говорит он. — Значит, ты никуда не собираешься. — Он быстро оглядывает меня сверху донизу. — Хотя, думаю, именно сейчас ты все же куда-то направляешься.

— Всего лишь в туалет, — говорю ему, протягивая руку к другому костылю. — И ты поможешь, вернув мой костыль.

— Не хочешь, чтобы джентльмен сопроводил тебя в туалет? — спрашивает он. — Возможно внутрь? Тебе может быть нелегко снять штаны.

Стараюсь не улыбаться и просто смотрю на него.

— Не умничай.

Он отдает мне костыль и поднимает руки в насмешливой капитуляции.

— Я не умничаю. Ты бы поняла, если бы я так сделал.

Я беру костыль и подталкиваю его под другую руку. Он делает шаг в сторону, позволяя мне пройти мимо.

— Рыжик, — говорит он, и его голос хриплый, когда я направляюсь к задней части комнаты.

Я останавливаюсь, чтобы посмотреть на него через плечо.

— Выпьешь со мной, когда вернешься? — спрашивает он.

Я жую губу, пытаясь игнорировать бабочек в животе. Прошло столько много времени с тех пор, как я ощущала их. Это было задолго до несчастного случая.

Вот почему тебе нужно поумнеть, — говорю себе. Возьми чертову сетку для бабочек и прикончи этих тварей.

— За мной скоро приедет сестра.

— Так выпей со мной, пока она не приедет.

Он кажется таким честным, таким искренним, предлагая это. Что невозможно ответить «нет».

— На самом деле я не ищу... — и замолкаю. Не хочу быть самонадеянной, но, в то же время, он должен понимать, что я не похожа на других одиноких женщин, которых можно найти в баре. Хотя, возможно, он уже знает это.

— Я не ишу ничего, кроме компании, пока наслаждаюсь пивом. Вот и все, — уверяет он. Должно быть, он видит согласие на моем лице, потому что быстро улыбается и говорит: — Что будешь пить?

Я отвечаю, что лагер, потому что у них закончился эль, а затем поворачиваюсь и спешу в туалет. Не хочу, чтобы он видел, как я улыбаюсь, словно какая-то идиотка.

Глава 2

Кейр

Я наткнулся на нее случайно.

Но разве можно назвать случайностью ситуацию, если находишь то, что ищешь?

Возможно, это рок. Судьба. Слова, которые никогда ничего не значили для меня, теории, которые мой разум раздавил бы. Конечно же, раньше именно так все и было. В былые времена все было по-другому.

Я смотрю, как она ковыляет в туалет, используя свои костили, как чертов чемпион. В женщине столько жизни, столько грации, что, находясь с ней всего лишь секунду, я словно избавляюсь от своего бремени. Не всего, но от какой-то части.

Полагаю, это была просто глупая удача. Или, может быть, что-то, относящееся к той чепухе из «Секрета»ⁱⁱⁱ, что вселенная предоставит вам то, что вы ищете. Вы получаете то, что открываете миру.

И я искал. Целый месяц я искал Джессику Чарльз.

Через несколько недель после произошедшего, я поехал в больницу в Лондоне, чтобы встретиться с ней, но обнаружил, что ее выписали.

Я использовал Google, что бы выяснить, куда она могла уйти.

Затем, когда обнаружил, что она в Эдинбурге, приехал сюда. Выбор был направиться или сюда или обратно в Глазго, поэтому решение оказалось простым. Мне нужно было место, где бы я жил, мог начать все с начала, и она была оправданием.

Я, словно проклятый сталкер, пошел в студию йоги, где она преподавала, и выяснил, что она там больше не работает. Но не смог получить от них больше информации, не вызывав подозрений. Я играл роль давно потерянного друга, который увидел ее в новостях и забеспокоился о ней. Судя по выражению лица администратора, казалось, это была не редкость. Внезапно у Джессики обнаружилось много потерянных друзей.

След был потерян, и я подумал, что это к лучшему. Мои причины для поиска Джессики Чарльз были полностью эгоистичны, и, в конце концов, я не заслуживал найти ее. Я был готов согласиться с этим, насколько мог.

Но сегодня я вышел из дома, просто перешел Секус-Лейн, направляясь за угол, чтобы посмотреть, не хочет ли мой кузен Лаклан выпить кофе. И тут увидел ее на костилях, когда она переходила дорогу. Она направлялась прямо в темную церковь, поднялась по лестнице, как профессионал, и на мгновение встала в проходе, молясь Богу или, возможно, проклиная его.

Я ошивался у дверей, не желая прерывать ее, не желая, чтоб меня заметили. Я не был уверен, что это она, хотя все мои инстинкты говорили обратное. Ведь я много раз видел ее лицо в новостях, да и сне умолял ее о прощении.

Затем к ней подошла подруга, и Джессика повернула голову. Из-за мерцания свечей в церкви мне показалось, будто я вижу ангела. Наконец-то я получил ответ на свою молитву.

Я не знал, что делать дальше. Не хотел следовать за ней вниз по лестнице в церковь. У меня появилось ощущение, что это какая-то группа поддержки, и, хотя сам я не причинил ей никакого вреда, все же я понимал, все, что я делаю, выглядит плохо.

Поэтому я перешел через улицу, направляясь в место, которое назвал бы своим пабом, хотя жил по соседству всего лишь две недели. Я ждал снаружи с выпивкой, слушая, как курильщики ноют о своей работе и браках без любви. Сидел и ждал, пока не увидел, как она вместе с подругой вышла из церкви и отправилась в паб.

Я сел внутри с пивом, ушел с головой в «Танец с драконами» (при. пер. роман в жанре эпического фэнтези за авторством американского писателя Джорджа Р. Р. Мартина, пятая часть саги «Песнь Льда и Пламени») и сделал вид, что уже давно сижу здесь.

Я не планировал долго разговаривать с ней. У меня была заготовлена речь. Я бы объяснил ей, кто я такой, кем я был, а потом рассказал бы, что стрельба случилась по моей вине. Сказал бы, что сожалею и прошу ее о милости, что угодно, чтобы избавиться от этой вины.

Но несколько недель назад все стало меняться. Чем больше я видел ее по телевизору, словно чертово олицетворение этой катастрофы, тем больше понимал, что недостаточно просто сказать, что я сожалею.

И теперь, когда она была здесь, я понял, что этого никогда не будет достаточно.

Наверное, я мог бы остаться в тени. Мог бы просто наблюдать за ней и, может быть, найти успокоение в том факте, что она, похоже, держится очень хорошо. Я был на пути к тому, чтобы притвориться, будто ее не существует.

Но затем она начала падать.

И у меня не было выбора.

Я подошёл, помог ей, и теперь понимаю, что не могу отвернуться.

В данный момент я почти боюсь повернуться к ней спиной и пойти в бар, как будто с ней может что-то случиться, пока она в туалете. Словно без меня рядом она беззащитная жертва. Я знаю, что это не так.

Но все же беру напитки так быстро, как могу - две пинты лагера - а затем ставлю туда, где я сидел раньше. Ей легче забираться и выбираться из кабинки.

Что ты делаешь, чтотворишь?

Голос, тот голос, который преследует меня с августа, шепчет мне на ухо. Я знаю, что я, вероятно, должен уйти. Понимаю, что ее улыбки и стойкости должно быть достаточно, чтобы сказать мне: с ней все в порядке. С ней все будет хорошо и без моей помощи, без правды. Я никто для нее, просто незнакомец. Ей не нужно знать меня. Так для нее будет лучше.

И все же, я остаюсь.

Внезапно она оказывается рядом со столом и смотрит на меня. А я даже не слышал, как она вышла из туалета.

— На этих штуковинах ты тихая, как мышь, — говорю ей, снова играя роль очаровательного незнакомца, безобидного мужчины в баре.

— Я громкая, лишь когда открываю рот, — отвечает она, посылая мне дерзкую улыбку.

У нее великолепная улыбка. Все в ней великолепно. Я понимаю, почему СМИ зацепились за ее образ и ее историю. Нет ничего более привлекательного или душераздирающего, чем красивая молодая женщина в беде. Джессика словно создана для экрана, зарабатывает их симпатию, располагает к себе из-за того, что с ней произошло.

Ее челюсть и скелет резкие, почти мужские, как и ямочка на подбородке. Но губы полные, пышные, женственные, легко изгибаются в широкую улыбку. Ее глаза темно-синие и очень выразительные, а волосы, цвета осенних листьев, густые, длинные и блестящие, уложены на прямой пробор. Ее лицо не соответствует современным стандартам красоты, но много лет назад ни один великий художник умер бы, лишь бы у него была возможность нарисовать ее портрет.

Я осознаю, что пялюсь на неё, как чертов идиот. Последнее, чего я хочу, заставить ее почувствовать себя некомфортно.

Так что указываю на кабинку.

— Присаживайся. Не посмею предложить тебе помочь, знаю, ты это ненавидишь.

Она странно смотрит на меня.

— Ты, кажется, уже довольно много знаешь обо мне. Уверен, что мы нигде не встречались?

У меня перехватывает дыхание, даже несмотря на то, что я понимаю, она шутит.

Джессика садится в кабинку и поднимает свой бокал.

— Что ж, хоть я, вероятно, не успею допить это, спасибо за выпивку.

Я поднимаю свой бокал, кивая ей.

— Sláinte^{iv}, — говорю ей.

— Sláinte, — произносит она в ответ. Делает глоток и ненадолго закрывает глаза. Это даже не лучшее пиво. Пены почти нет, и бочонок нужно сменить, и все же она наслаждается напитком, будто это лучшее, что она пробовала за всю свою жизнь. И я задаюсь вопросом, все ли в ее жизни сейчас кажется другим, лишь потому, что ей пришлось посмотреть в лицо смерти.

Опять же, я много раз видел смерть.

Много раз умирал.

Единственное, что изменилось во мне - осознание того, что мне нужно выбраться, что я должен вернуться к той жизни, которая у меня была, где смерть не следовала за мной, как рой злых пчел.

Но было слишком поздно. К тому времени, когда я решил не возвращаться в армию на еще один срок, Льюис Смит нанес свой урон. Сумасшедший открыл огонь в центре Лондона, убив многих.

Но не Джессику. Говорят, она одна из счастливчиков, но не уверен, согласна ли она с этим. Можно считаться счастливчиком, если тебе с самого начала удалось избежать всего этого.

Я о стольком хочу спросить ее, но она не знает, что я в курсе, кто она такая, и это к лучшему. Я видел облегчение на ее лице, когда сделал вид, что не знал о ее ноге. Уверен, куда бы она не пошла, ее везде замечают. Мало того, что она потрясающая женщина с гипсом и на костылях, так она еще и известна.

— Итак, Кейр, — говорит она, когда открывает глаза. — Ты живешь неподалёку?

— Да, — отвечаю я. — Вообще-то, за углом. Этот паб ближайший от моей квартиры.

— Он хороший, — оглядываясь, замечает она. — Бар. И район.

— У моего кузена квартир там, — указываю я плечом. — Он живет с невестой. Совершенно случайно он знал место поблизости по хорошей цене, и я занял его. Пожилая дама внизу одержима красными цветами. Ты заметишь это место, если пройдёшь мимо Серкус-Лейн.

Она вздыхает, мечтательный взгляд в глазах.

— Я знаю место, о котором ты говоришь.

— Да?

— Вся улица очень красивая, словно это улица на юге Франции, — она делает паузу, скользя бледными тонкими пальцами по сторонам бокала. — Раньше я мечтала жить где-нибудь здесь. Это почти произошло, но мой парень был слишком практичным.

— Парень? — спрашиваю я. Этого я не предвидел, хотя должен был. В конце концов, это не имеет большого значения, но, даже несмотря на все это, я ощущаю обжигающую ревность. Совершенно необоснованно, но она все равно есть.

Джессика смущенно улыбается.

— Бывший парень, — быстро говорит она. — Прости. Я все еще не смирилась со многими вещами, — прочищает горло. — Мы расстались. В прошлом месяце. От старых привычек трудно избавиться и все такое.

— Мне жаль, — говорю ей и действительно имею это в виду. — Кажется, не вполне справедливо расстаться с кем-то в твоём положении.

— Откуда ты знаешь, что это не я порвала с ним? — спрашивает она, резкость слышна в ее тоне.

— Понял по твоим глазам, — отвечаю я. — В них все ещё видна уязвимость. Когда кто-то обижает тебя, пусть ты знала, что это произойдёт, боль другая.

— Ты очень наблюдателен, — замечает она, делая долгий глоток. — А скажи-ка мне, чем ты занимаешься, раз у тебя такие привычки? Эксперт-криминалист?

Настало время, Кейр. Скажи ей правду. Расскажи, что ты служил в армии в Афганистане. Поведай ей, кто такой Льюис Смит.

— Я - механик, — признаюсь я. Что все еще правда. Я был механиком, прежде чем присоединился к армии, и я был механиком в армии, работая в составе экипажа на IVF, даже когда стал младшим капралом. — Когда-то давно у меня был свой магазин. И я думаю открыть его снова.

Джессика наклоняет голову в сторону, показывая тонкую шею.

— А, механик. Ну, я полагаю, ты должен знать, как соединяются все детали, а без наблюдения это невозможно.

— Разочарована?

Она качает головой.

— Совсем нет. Полагаю, тебе нравится твоя работа.

— Я люблю заниматься этим.

Полюблю. В данный момент достаточно проблематично любить что-то.

— До тех пор, пока ты любишь то, чем занимаешься, этого не стоит стыдиться.

— А что, если ты наркодилер или проститутка?

Она искоса смотрит на меня.

— Не удивлюсь, если ты играешь роль адвоката дьявола.

— Тоже неплохая работенка, если она тебе нравится.

Джессика смеется. И это изумляет меня. Тот факт, что она может смеяться после всего того, что произошло.

Я решаю испытать свою удачу.

— А чем занимаешься ты, Рыжик? Работой, которую любишь?

Ее лицо грустнеет, и я сразу же сожалею о том, что сказал. Что-то темное появляется в ее взгляде.

— У меня была работа. Я была инструктором по йоге. Как и ты, хотела открыть собственный бизнес и делать то, что любила. Мечтала о своей собственной студии, — она вздыхает, глядя на свое пиво. Слегка пожимает плечами, что делает ее невероятно маленькой. — Но потом со мной случился инцидент, и все изменилось. Меня отпустили с должности. Я еще долго не смогу заниматься йогой, не говоря уже о том, чтобы преподавать.

Есть многое того, что мне хочется сказать в попытке улучшить ситуацию. Я хочу заверить ее, что есть много инструкторов йоги, которые были инвалидами, у которых были травмы. Даже если они не оправились от них, они все еще могут адаптироваться. Даже учить. Но я знаю, ей уже говорили подобное. Могу сказать, что она не может вернуться к тому, что было, независимо от того, сколько раз ей говорили обратное.

— Мне жаль, — говорю я, желая, чтобы она посмотрела на меня.

И мне, правда, жаль.

Ужасно жаль.

Мне больно от всего этого так же, как и ей.

Но я не могу думать об этом, не могу зацикливаться.

Сейчас речь не обо мне.

Наконец, она смотрит на меня: глаза блестят, словно слезы едва коснулись их и ушли.

— Спасибо. Большинство людей просто говорят мне, что все будет хорошо.

— Я понимаю, с чего бы им хотеть этого, — говорю ей, игнорируя сокрушительную боль в груди. — Твои глаза рассказывают всему миру, что ты чувствуешь. Просто люди не хотят, чтоб ты страдала. Они предлагают любую ложь, лишь бы твоя боль исчезла. Ты даже готова солгать самой себе.

Она резко смотрит на меня.

— Ты прав.

Я пользуюсь шансом.

— Так что случилось с твоей ногой?

Джессика удерживает мой взгляд, зрачки становятся все меньше. Она простирает горло и расправляет плечи, вооружаясь ложью.

— Это неловко, — говорит она, затем посыпает мне фальшивую улыбку. — Я была в душе со своим бывшим. Мы немного заигрались. В ход пошло мыло. Я поскользнулась, и моя нога поехала не туда.

История оседает вокруг нас, как пыль. Она не хочет говорить мне правду.

Я тоже не хочу рассказывать ей правду.

— Джессика!

Высокий голос слышен через паб, я поворачиваю голову и вижу девушку, ростом еще ниже, чем Джессика, идущую к нам.

— Привет, — говорит девушка, замечая ее, а затем хмурится, глядя на меня. Должно быть, это ее сестра. Они выглядят практически одинаково. Только девушка рыжеватая блондинка, но у нее такая же прическа, знакомые голубые глаза и широкий выразительный лоб.

— Привет, — говорит ей Джессика. И кивает в мою сторону. — Кристина, это Кейр. Кейр, это Кристина.

Кристина предлагает мне вежливую улыбку, хотя я знаю, она немного сбита с толку моим присутствием здесь.

— Это парень из твоей группы поддержки?

Подняв брови, я смотрю на Джессику. Ее глаза широко раскрыты, она умоляет Кристину не говорить ничего больше.

Группа поддержки. Ха. Так я был прав насчет нее.

— Нет, — быстро отвечает Джессика. — Мы с Кейром познакомились сегодня вечером. Я чуть не упала, а он спас меня.

— А, рыцарь в сияющих доспехах, — говорит Кристина, скрещивая руки на груди и изучая меня.

— Больше похоже на тусклую броню, — шучу я.

— Он купил мне выпить, — продолжает Джессика, начиная выходить из кабинки.

— А мы все знаем, что это моя слабость.

— Ммм, — бормочет Кристина, соглашаясь, пока поднимает костыли, прислоненные к столу. — Что ж, не хочу торопить тебя, но я припарковалась в неподходящем месте.

— Нет проблем, — говорю им обоим. — Было приятно посидеть в компании.

Джессика встает, и Кристина передает ей костыли.

— Тебе нужна помощь? Здесь скользкий пол. Хочешь, я дам тебе руку?

Джессика отмахивается от нее, и я понимаю, почему она так пренебрегает моей помощью. Затем она смотрит на меня сверху вниз.

— Еще раз спасибо за напиток, Кейр. Приятно было познакомиться.

Она нервничает, думаю, это связано с оплошностью. Она словно боится, что я собираюсь спросить, в какую группу поддержки она ходит.

— Было очень приятно с тобой познакомиться, — говорю ей. — Может быть, еще увидимся.

Она кивает, посыпая мне нежную, почти благодарную улыбку.

— Может быть. Удачи во всем.

И затем моя собственная паника накрывает меня, в груди появляется резкая боль от осознания того, что, возможно, я никогда снова не увижу ее. Я могу не получить успокоение, в котором нуждаюсь.

Но я должен быть в порядке, хотя бы на какое-то время.

— И тебе, — отвечаю я, поднимая бокал.

Они с сестрой поворачиваются и уходят.

И я снова один.

Я остаюсь в пабе до закрытия, не желая идти домой и находиться там в одиночестве. Мне нравится квартира. Я живу на верхнем этаже, там немного места, учитывая, что это небольшой дом, но для меня его более чем достаточно. Единственное, что я разделяю с Табитой, моей хозяйкой, главная лестница и двор. Я даже не заглядываю туда. Ее одержимость выращиванием красных цветов распространилась и на эту область, и она кричит на меня, даже если я смотрю на ее сад.

Когда свет гаснет, я допиваю напиток, прощаюсь с барменом и иду вверх по улице. Ночь холодная, в воздухе пахнет опавшими листвами. Я откидываю голову назад и смотрю в небо, желая увидеть больше, чем просто несколько звезд и ночь, освещенную городскими огнями.

Если судить по свету в гостиной, который я вижу, когда прохожу мимо квартиры Лаклана, он дома. Но у него и его американской невесты Кайлы есть личная жизнь, и я не хочу беспокоить их в одиннадцать вечера. Лаклан - спокойный человек, но ему не надо ничего говорить мне, чтобы я понял, Кайла - маленький фейерверк. Я был в их компании лишь несколько раз, и у нее постоянно было такое выражение лица, словно она в любой момент может затащить его в спальню. Если позвоню в его дверь сейчас, я определенно прерву что-то.

Признаться честно, я завидую. У Лаклана были проблемы в прошлом, и его нелегко любить, по крайней мере, именно это всегда говорит моя семья (хотя, откуда им знать), и все же он нашел свое счастье, свою вторую половинку. Сомневаюсь, что подобное суждено и мне.

Это не значит, что время от времени я не хожу на свидания. Однажды я даже был помолвлен. У меня было несколько интрижек между службой. Но я так и не нашел то, что нашли многие мои товарищи. Человека, которому можно написать, по которому можно скучать. Женщину, которая встретит вас в аэропорту со слезами на глазах, обнимет и скажет, что все будет хорошо.

Я всегда возвращался в пустой дом. И уезжал в никуда. Всегда был лишь я.

Я и люди, вместе с которыми я воевал. Я и мое подразделение.

Люди как Льюис Смит.

При мысли о нем я ощущаю холод в груди.

Он действительно был моим лучшим другом. Мы рассказывали друг другу все, насколько на это способны мужчины. Но вы удивитесь. Во время операции, когда вы далеко от всего, что знаете, когда смерть скрывается за каждым углом и борется за господство над бесконечной скучой, вы разговариваете. Узнаёте друг друга, рассказывая вещи, которые никогда бы не стали обсуждать с друзьями дома.

Я отлично знал Льюиса. Вот почему так больно. Вот почему во всем случившемся так много моей вины. Я знал своего друга, и он признался мне. Он рассказал обо всех ужасных мыслях, что были у него, о снах, криках о помощи. Я был единственным, кто слушал. Кто понял. Когда ударил смертник, и мы потеряли рядовых Анселя и Роджера, мы понесли потери вместе. Когда однажды ночью Льюис встал и покинул свой пост, дезертируя из армии и бросив нас, я был единственным, кто понял.

Я знаю, он был болен и не получал помощи, в которой нуждался.

Но я не очень сильно старался спасти его.

— Кейр, — слышу грубый, но веселый голос в стороне от меня.

Я поворачиваюсь и вижу, как Лаклан шагает по дороге с тремя собаками на поводке. Одна, с грустной мордой - Лионель, милый маленький питбуль с самыми добрыми глазами на свете. Другая - Эмили, собачонка с редкой шерстью, которая постоянно смотрит на всех с подозрением. Третья - еще один питбуль с шерстью

стального серого цвета, почти сияющей под тусклыми фонарями, крошечный, с еще меньшим намордником.

— Привет, — говорю ему, кивая на собак. — Завел еще одну?

— Ага, — отвечает он, глядя вниз на серую собаку. — Это - Петунья.

Я не в силах сдержать улыбку.

— Петунья?

Лаклан криво усмехается и смотрит на свою квартиру.

— Кайла дала ей кличку. Она новичок в приюте, и мы стараемся дать ей немного больше любви. Над ней жестоко издевались, и никто до сих пор не взял ее, так что мы надумали взять ее домой.

Лаклан МакГрегор - не только татуированный тренер «Эдинбург Рагби» и звездный игрок, он также любитель собак, управляющий собственным приютом для животных «Любимый забияка». Он пытается спасти всех собак, но особенно питбулей, у которых, благодаря средствам массовой информации, в этой стране ужасная репутация. Несмотря на то, что большинство из них сладкие, как пирог - по крайней мере, те, которых встречал я - в соответствии с законом, все они должны носить намордники. Большинство из них усыпляют. Жизненная цель Лаклана - изменить ситуацию.

Теперь Лаклан смотрит мне в глаза.

— Когда-нибудь думал о том, чтобы завести собаку?

Я вынужден рассмеяться. Лаклан очень убедителен. Он убедил своего брата Бригса завести собаку, и я слышал, что песик устроил ему веселенькую жизнь.

— Думаю, мне нужно сначала разобраться со своим дерьмом, прежде чем я даже подумаю об этом, — говорю я ему.

Он пожимает плечами.

— Эй, однажды я тоже так думал. Оказалось, собаки помогают тебе разобраться со своим дерьмом, — он замолкает, глядя на Петунью. — Или просто добавляют своего собственного. Может быть, рядом с камином.

Петунья смотрит на него, словно говоря «а тебе-то что?».

— Куда ты идешь? — спрашивает он. — Хочешь зайти?

— Просто прогуливаюсь по дороге домой, — отвечаю я. — Я бы с радостью, но, уже поздно.

— Мы -очные пташки. Вообще-то, ты мой кузен и живешь в квартале от меня. Мой дом - твой дом.

— К сожалению, это не работает в обратном направлении.

— Да, — говорит он, проводя рукой по челюсти. — Мисс Шипли обязательно стала бы тыкать меня лицом в свой розарий, — он указывает головой на свою квартиру. — Пойдем. Не могу предложить тебе пиво, но у меня много чая.

— Все равно я уже достаточно выпил, — говорю ему и следую за ним и собаками в здание, благодарный, что получил отсрочку от собственного одиночества. Несколько ночей я нахожусь во власти собственного мозга и ужаса снов, и могу сказать, что эта ночь складывается так же, как и всегда и ведет меня туда же.

Если честно, я не очень хорошо знаю Лаклана. В некоторых семьях кузены действительно близки. Люди, которые понимают вас, потому что вы все связаны одной сумасшедшей семьей. Но, в случае с моими двоюродными братьями, мы встречались вместе лишь когда были детьми, и то только по праздникам. Я вырос в Глазго с родителями, братом Малом и с сестрой Мейзи. Как я сказал Джессике, мы выросли на неправильной стороне дороги. Мой отец был суровым, холодным, авторитарным человеком, который больше всего любил играть в азартные игры. Большую часть времени, независимо от того, какие деньги отец зарабатывал, пока работал на фабрике, участвовал в скачках, играл на игровых автоматах или где-то еще, где у него был шанс выиграть, пусть даже этот шанс был ничтожно мал, мы жили в трущобах.

Шансы всегда были малы.

В то время как у Лаклана было тяжелое детство, его усыновили в Эдинбурге. Мои тетя и дядя, и мой кузен Бригс - прекрасные люди, но они вышли из привилегированного общества. Жили той жизнью, которой я никогда не знал. Даже у Лаклана теперь есть деньги, он заработал их сам, благодаря своей карьере.

Еще у меня есть другие тетя и дядя. Они не такие милые и смеютворно богаты. Их два сына, Брэм и Линден, живут сейчас в Штатах, в Калифорнии.

Моя семья оказалась черной овцой, но я не переживал по этому поводу. Я не часто общался с ними, вместо этого мы просто держались рядом с людьми, которые нас понимали. К счастью, несмотря на то, что мы росли в опасной части Глазго (что говорит о многом), в конце концов, мы смогли подняться на ноги. Мейзи занимается благотворительностью в Африке, а Мал - успешный фотограф.

И есть я. Я до сих пор не знаю, что собой представляю, не говоря уже о том, кто я.

Но мне повезло. Когда я оказался в Эдинбурге, в основном из-за Джессики, я позвонил Лаклану (Бригс работает профессором в Лондоне) и попытался снова наладить связи с семьей. Я знал, что Лаклан, по крайней мере, поймет меня, даже если он не знает всей истории.

Он знал о мисс Табите Шипли, которая жила на соседней улице, она поклонница регби и каждую неделю приносила ему цветы. Стоило ей упомянуть, что ее арендатор съехал, а Лаклан знал, что мне нужно место, где я мог бы жить, он почти сразу же все устроил.

Я все еще не уверен, понравился ли я ей, но это хорошая квартира и первый шаг по возвращению к нормальной жизни.

Второй шаг к нормальной жизни? Ну, я надеялся, что, когда найду Джессику, получу ответ.

Но сейчас у меня еще больше вопросов.

И первый: когда я снова увижу ее?

Глава 3

Джессика

- Что ты делаешь? Ты должна быть на правой полосе.
- Я не могу перестроиться в правую полосу, там идиотский грузовик.
- Если не сделаешь какой-то умный манёвр, мы опоздаем
- Съеду на следующем съезде, он приведёт нас на А7. Мы не опоздаем.
- Не опоздаем? Мы всегда чертовски опаздываем.
- Женщина, ты можешь хоть две секунды помолчать?
- Мне так жаль, Джесс.

Боковым зрением я вижу, как сестра поворачивается на пассажирском сиденье, чтобы посмотреть на меня, но я продолжаю смотреть в окно. Сегодня мир серый, каменные фасады Эдинбурга сливаются друг с другом, чередуясь с вывесками магазинов, газетных киосков и маникюрных салонов.

Кристина и ее муж Ли везут меня в Эдинбургскую королевскую больницу для еще одной встречи с доктором. Все надеются, что эта встреча будет последней перед тем, как мне снимут гипс. Но я напугана.

Прошлой ночью я плохо спала. Вороилась и не могла уснуть, и когда, наконец, заснула, сны были ужасны.

Они всегда одинаковы и снятся мне все чаще и чаще. Я брожу по Эдинбургу одна среди ночи. Опускается туман, и, как в мрачном фильме, все в черно-белых тонах. Булыжники старого города сияют так, словно покрыты кровью. И запах, чего никогда раньше в снах не было. Металлический и обжигающий, как свежая рана.

Я быстро иду на своих идеальных ногах, и убеждена, кто-то следит за мной. Поворачиваю за угол и ныряю в переулок, который, по мере того, как я иду дальше, все сужается и сужается. Туман клубится непонятно откуда.

В конце концов, передо мной появляется туман, плавающая белая стена, через которую я пройти не могу, и мне приходиться развернуться.

Только на другом конце стоит *мужчина*, у него в руках ружье.

Его глаза в темноте сияют голубым.

Он кричит мне, однако я не понимаю его слов. Но это не важно.

Я должна умереть. Он говорит мне, что я должна умереть.

Он начинает идти, затем бежать, и я изо всех сил вжимаюсь в туман, отчаявшись сбежать.

Наконец, я прорываюсь, туман холодный и хватает меня, словно мертвыми руками.

Я начинаю бежать, протягивая руки, не имея понятия, куда направляюсь.

Затем моя правая нога слабеет.

Я падаю на землю, булыжники врезаются мне в лицо, и смотрю назад. Моя нога испарилась, на ее месте лишь пустота, тень мужчины приближается.

Каким-то образом мне удается встать на одну ногу. Я начинаю прыгать на одной ноге, довольно быстрое движение, чтобы у меня появилась надежда на спасение.

Затем другая нога тоже пропадает.

Исчезает бесследно.

Я падаю на землю и перекатываюсь на спину, лишь голова, туловище и руки.

И наблюдаю, как приближается тень.

Он подбирается все ближе и ближе, туман расступается для него, пока он не оказывается прямо передо мной.

Я смотрю в затуманенные глаза Льюиса Смита, когда он прижимает дуло ружья к моему лбу. Оно холоднее самого холода.

Он готовится нажать курок.

Затем его лицо превращается в лицо отца, как он выглядел, когда я был маленькой. Когда он останавливался у моей спальни и говорил мне, чтобы я закрыла рот.

Наконец, я кричу.

Ружье исчезает.

Я проснулась в поту, хватая ртом воздух. Гостевая спальня, в которую Кристина меня поселила, маленькая, светлая и приятная, но после этих снов она, словно гроб.

Я спустилась и сделала себе чай, а затем сидела и перелистывала дурацкие журналы, пока не взошло солнце. Только тогда, как и много раз до этого, я, наконец, уснула.

— Мы на месте, — самодовольно говорит Ли, когда машина резко подъезжает к знаку Стоп, его голос вырывает меня из моих воспоминаний. — Сказал же, что мы успеем.

Я действительно устала от больниц, и переутомление не помогает моему угрюому настроению. Я скрываю его, чтобы ни Кристина, ни Ли не пытались заставить меня почувствовать себя лучше. Кристина помогает мне выйти из машины, а Ли находит место для парковки. Сестра смотрит на меня, как будто я собираюсь взорваться или что-то в этом роде. Я стараюсь как следует улыбнуться ей, когда мы направляемся в больницу, надеясь, что она отстанет от меня.

— Ах, Джессика, — говорит доктор Синклер позже, когда заходит в смотровую комнату. — Приятно видеть тебя снова.

— Хотела бы я сказать то же самое и о вас, Док, — отвечаю ему.

Он смеется. Доктор Синклер все отлично понимает. Он молод, может быть, на пять лет старше меня, но иногда ведет себя, как ваш дедушка. У него полно банальных отцовских шуточек и есть мудрость, которую он еще не заработал. Он также помешан на власти, и поэтому проявляет ко мне особую заботу и терпение. Ответственность за, по крайней мере, часть моего выздоровления - его заслуга.

— Что ж, надеюсь, мы перестанем видеть друг друга так часто, — говорит он, облокачиваясь на стойку, на которой лежат ватные тампоны и шпатели для языка. — Хотя, должен сказать, я буду скучать по твоей улыбке.

В ответ улыбаюсь ему идеальной ненастоящей улыбкой.

Осмотр такой же, как и всегда. Он спрашивает о моих еженедельных занятиях с физиотерапевтом, наблюдает за тем, как я иду, а затем отправляет меня на рентген ноги. Когда приходят результаты, он помещает их рядом со светом и с восхищением смотрит на снимки.

Даже для меня, моя нога выглядит совершенно иначе, чем семь недель назад. Семь недель назад я едва понимала, что смотрю на ногу. Первые рентгены показывали, что кость полностью разрушена, в сухожилиях застряла шрапнель. Теперь нога относительно прямая и сделана, в основном, из металлических стержней.

Конечно, все могло быть и хуже. Пуля, оставленная во мне Льюисом Смитом, повредила бедренную артерию. Если бы парамедики не появились так быстро, если бы полицейские, которые выстрелили и убили его, сразу не надавили на рану, меня бы здесь не было. Я бы истекла кровью на улице.

Но ущерб все же нанесён. Врачам в Лондоне пришлось восстановить мою ногу изнутри с помощью металлических стержней и винтов, определяя, какие кости они могут вернуть на место. Я знаю, мне очень повезло, что у меня вообще есть нога. Учитывая, что террорист использовал дробовик, существовала вероятность того, что ее придется ампутировать.

Им удалось спасти мою ногу - еще одна причина, по которой мое выздоровление было воспринято как чудо для всех, начиная от прессы и заканчивая врачами. Но я не ощущаю себя так, словно со мной случилось чудо.

— Хорошие новости, — говорит доктор Синклер, оборачиваясь и посылая мне банальную улыбку, как в какой-то мыльной опере. — На следующей неделе снимем гипс.

После этого оденем тебе медицинский ботинок, который тебе придется носить в течение нескольких недель, и ты начнешь физиотерапию три раза в неделю. Тебе снова нужно научиться ходить. Но ты на пути к выздоровлению, Джессика. Не могу выразить словами, как сильно я горжусь тобой.

Кристина обнимает меня, прежде чем разразиться счастливыми слезами. Пока она болтает с врачом, который в действительности ничего не сделал, лишь продолжил работу, которую проделали врачи в Лондоне, я обмениваюсь взглядом с Ли.

Я знаю, о чём он думает. Он ждёт, когда я поправлюсь, вернусь на работу и уберусь из их проклятого дома. Я думаю, Ли всегда считал меня чем-то вроде препятствия между ним и Кристиной. Знаю, я слишком защищаю ее, и не зря, но это моя работа. Это всегда было моей работой, просто теперь яправляюсь с ней лучше. И хотя у меня нет проблем с Ли - он хороший парень и все такое - он знает, что я сильно влияю на ее жизнь, к лучшему или худшему. Некоторые мужчины видят в этом опасность.

Делаю себе мысленное замечание, прийти сегодня вечером позже и дать им немного времени наедине. Сегодня вечером я собираюсь в церковь, после этого снова пойду в паб и возьму домой такси, независимо от того, как сильно будет возражать Кристина.

И я притворяюсь, что не собираюсь пойти в паб в надежде снова увидеть Кейра.

Неа. Я едва думаю о нем.

Но к тому времени, когда они высаживают меня у церкви, моя сестра, как обычно, просила позволить позже забрать меня, я оказалась на месте на двадцать минут раньше.

Я могла бы зайти внутрь, сесть на скамью и прочитать несколько молитв. Могла бы пойти в подвал и поговорить с Реджи, который всегда приходит пораньше и ест уцененное песочное печенье из жестяной банки.

Или могла бы пойти в паб.

Когда Ли отъезжает, я машу им вслед, наблюдая, как их машина исчезает за углом, а потом смотрю на «Сент-Винсент». Солнце лишь начинает прорываться сквозь облака, хотя и сидит низко в небе, и болтовня людей на террасе паба оживленная и приветливая.

«Я должна заскочить, — говорю себе. — Всего на секунду. Выпить пинту до начала встречи».

До того, как могу передумать, я быстро перехожу через улицу.

На улице немного людей, две девушки и парень лет двадцати пяти, они стоят вокруг стола с бокалами в руке, курят и смеются. Они замирают, когда я пробираюсь по короткому лестничному пролету. К счастью, я делаю это с легкостью, уверенно улыбаясь им, хотя совсем не ощущаю уверенность.

В пабе пахнет парфюмом, разлитым пивом и маслом из фритюрницы. И я направляюсь прямо к бару, люди уходят с моего пути, когда я ковыляю. Я пытаюсь посмотреть поверх голов всех, как бы между прочим пытаясь увидеть, есть ли свободное место в задней части зала, когда мужчина, стоящий передо мной и заказывающий пиво, привлекает мое внимание.

Высокий и широкоплечий. Затылок загорелый, волосы темные, местами с сединой и слегка закручувающиеся на концах. Когда я слышу, как он разговаривает с барменом, говоря ей спасибо, я уже знаю, кто это.

В моем сердце что-то шипит, словно дождь падает на горячий тротуар.

Я закрываю рот и жду, пока он повернется.

В тот момент, когда он видит меня, его глаза расширяются. Сначала от шока, затем от чего-то похожего на трепет.

Никто никогда раньше не смотрел на меня вот так. Такой взгляд делает со мной нечто такое, что не должен.

Глупая улыбка появляется у меня на лице, а щеки краснеют.

— Привет, — говорю я громче, чем планировала. Мой странный канадский акцент с намеками на шотландский выделяется в подобном месте, и я чувствую, как головы поворачиваются в мою сторону.

— Привет, — говорит он, быстро прочищая горло. — Джессика, — больше похоже на вопрос.

— Не Рыжик? — спрашиваю я, и теперь, слыша свой неловкий застенчивый голос, понимаю, что пытаюсь флиртовать. Я ведь совсем забыла, как это делается.

— На данный момент, нет, — говорит он, его улыбка немного дрожит. — Честно говоря, не ожидал увидеть тебя снова.

— Ну, теперь, когда я знаю, что у меня есть потрясающий паб через дорогу от... — я замолкаю, понимая, что он не знал, куда я направлялась, — так или иначе, как я могла пройти мимо?

Мое сердце бешено стучит, но он лишь поднимает бокал и говорит:

— Действительно. Тогда не против выпить со мной еще один напиток? Или я испытываю удачу?

Нет смысла даже притворяться, что я пришла сюда не за этим, я ведь втайне надеялась наткнуться на него.

— Конечно, — соглашаюсь я.

— Секунду, — говорит он, поворачиваясь и заказывая мне эль, который, на этот раз, у них есть.

— Ты запомнил, — впечатленная подобным, сообщаю ему.

— Да. Эль пьют лишь настоящие женщины.

Я ухмыляюсь.

— Подобный комментарий может принести тебе неприятности.

Он пожимает плечами.

— Я привык к неприятностям.

Бармен вручает ему идеально выглядящее пиво в ледяных бокалах, и я отхожу, когда Кейр начинает пробираться к задней части бара. Нам везет, мы занимаем то же самое место, что и в прошлый раз.

В ту минуту, когда я сажусь, я понимаю, что мне придется либо выпить напиток залпом, либо отказаться от него через десять минут. В противном случае, я пропущу встречу.

— Что-то не так? — спрашивает он, темные брови нахмурены.

— Ничего, — говорю ему, пытаясь мысленно придумать оправдание, которое могло бы вытащить меня отсюда. Не хочу, чтобы он думал, будто это связано с ним.

— Итак, Джессика, — говорит он. Мое имя, слетающее с его губ, звучит просто великолепно. В его голосе есть грубоść и глубина, которые я ощущаю всем нутром.

— Итак, Кейр, — я чувствую себя странно беззаботной, настолько, что мне хочется сесть прямее перед незнакомцем и улыбаться ему, даже когда нет никаких поводов для улыбок. Я хочу напомнить себе, что он просто красивый незнакомец, и нет причин радоваться этому, но мне так чертовски надоело иметь дело со всем происходящим, что Кейр - прекрасное отвлечение.

После этого мы ничего не говорим друг другу, но тишина приятна. Он делает долгий глоток пива, не отрываясь смотря на меня.

— Ты знаешь, где я живу. Будет честно, если и я буду знать, где ты живешь, — говорит он.

Качаю головой.

— Я живу с сестрой и ее мужем. В Восточном Крейге, — делаю паузу, облизывая губы. Подставка для бокала на столе неожиданно кажется интересной. — Если честно, не совсем там я рассчитывала оказаться в тридцать лет.

Мгновение он смотрит на меня, вспышка тьмы в глазах, прежде чем кивает.

— Думаю, порой мы все обнаруживаем себя в подобных местах. Местах, в которых, как мы думали, никогда не окажемся. Я до сих пор не могу до конца понять, как ты сломала ногу, — мое лицо сразу же краснеет, не от смущения, а от стыда. — Похоже, что твой бывший был частично виноват, и все же в конце он все равно оставил тебя. Надеюсь, в следующий раз ты не выберешь такого победителя.

Мне столько всего хочется сказать. В следующий раз? Звучит так, словно Кейр ищет работу добровольца. Но это просто принятие желаемого за действительное.

«Это не принятие желаемого за действительное, — напоминаю я себе. — Как бы мил он не был, ты поврежденный товар, а он нет. Не забывай об этом».

— Я больше не повторю эту же ошибку, — говорю я, глядя ему в глаза. — Планирую еще довольно долго не вступать ни в какие отношения.

— Думаю, ты умна, — к моему удивлению, отвечает он.

— Умна?

— Но все равно не надо все специально планировать именно таким образом. Если подобному суждено произойти, позволь всему идти своим чередом. Но, чтоб ты знала, судя по всему, твой бывший настоящий мудозвон.

Я начинаю смеяться, тут же рукой прикрывая рот.

— Мудозвон, — повторяю я, — давненько не слышала подобное слово.

— Но ты ведь согласна со мной?

— Да, — говорю я, имитируя его акцент. — Марк был настоящим мудозвоном, это точно. Все стало сложно, и он свалил.

— Что-то подсказывает, что ты, так или иначе, не нуждалась в нем.

— Ты чертовски прав, — я поднимаю свой бокал и чокаюсь с ним.

Он откладывается назад и быстро улыбается мне.

— Сколько у тебя сегодня времени, прежде чем ты меня покинешь?

— Покину? — моргаю я, глядя на него.

Вот черт.

Быстро вынимаю сотовый из сумочки и смотрю на время. Встреча начинается через пять минут.

Смотрю на Кейра.

— Как ты узнал, что мне куда-то надо?

— Я наблюдательный, помнишь? За последние несколько минут ты расслабилась. А остальное время вела себя так, словно следила за часами.

Господи. А он и, правда, наблюдательный. Мне нужно быть с ним поосторожнее.

— Не важно, куда я собиралась, — отвечаю я. — Теперь я никуда не пойду.

Он удивленно поднимает брови.

— Даже так? И почему?

Пожимаю плечами, явно обыденно. Я знаю, что не должна пропускать встречу, мне нужны Анна и Реджи и все в группе поддержки. Насколько я знаю, еженедельные встречи — единственное, что удерживает меня в здравом уме.

Но нечто в этом мужчине делает то же самое. Я не могу это объяснить. Я все еще не знаю этого парня, но этого достаточно, чтобы заставить меня сначала пойти в паб в надежде найти его, а затем заставить меня остаться.

Последнее, чего я хочу, внушить ему неправильную идею.

— Решила вместо этого выпить побольше пива, — говорю ему, а потом пью это самое пиво.

Он смотрит на мое горло, пока я глотаю, и на мгновение мне кажется, что я вижу вспышку тепла в его взгляде, нечто более чувственное, а не веселое. Но, прежде чем успеваю сосредоточиться на ней, она быстро исчезает.

Он простирает горло.

— Я определенно могу помочь тебе в этом. Мог бы даже присоединиться к тебе.

Мы оба допиваем наше пиво, и он встает, намереваясь взять еще. Я внимательно слежу за ним, когда он подходит к бару, смеясь с барменом. Она симпатичная, с веснушками на носу, круглым лицом, и ей, очевидно, нравится Кейр. Он с ней так же дружелюбен, как и со мной.

То, что я чувствую, это не ревность - не совсем. Мне просто интересно, почему этот мужчина решил выпить со мной, а не с кем-то другим. Я сказала ему, полагаю, немного преждевременно, что была здесь не для отношений. Я пришла в бар не подцепить парня. И все же он был очень рад угостить меня выпивкой два раза на этой неделе.

«Может быть, он думает, что ты сексуальная», — говорю я себе.

Раньше именно это я и предположила бы. Но с момента инцидента мне с трудом верится, что какой-то мужчина может хотеть меня. Марк был первым примером, и независимо от того, сколько раз я думала, что между нами все может быть кончено, то, что меня отвергли, все еще причиняет боль. Подобное оставляет на мне практически такой же глубокий след, как и то, что в меня стреляли.

«Отказ порождает одержимость», — также говорю себе, цитируя Тони Роббинса. Да, в последнее время я много занимаясь самоанализом.

Хотя я вижу, как легко стать одержимой Кейром. Он, безусловно, самый мужественный мужчина здесь, не говоря уже об Эдинбурге. Полная противоположность Марку. В то время как все мои бывшие предпочитали отглаженные рубашки и уложенные волосы, Кейр приверженец футболок Хенли и практичных штанов. Если вы будете думать о защитнике, именно его и будете представлять.

Хотя слишком поздно для этого.

Теперь он идет ко мне с напитками, потоки пены проливаются через край и бегут по его большим рукам. Что-то прячется в его глазах, когда они встречаются с моими, что-то скрытое, и я даю себе слово провести остаток вечера, узнавая о нем больше и наблюдая за ним, как он, кажется, наблюдает за мной.

Затем это случается.

В баре раздается выстрел.

Я кричу и инстинктивно бросаюсь под скамью, ужас наполняет меня, мир становится нечетким и серым.

Должно быть, я хнычу. Испуганный, хриплый звук, как у загнанного животного, исходит из моего горла. Я закрываю глаза и молюсь о том, чтобы все закончилось, ногтями впиваюсь в деревянную скамью.

Он нашел меня. В конце концов, он не умер. Он пришел закончить свою работу.

— Джессика, — доносится еле слышный голос.

Рука касается моего плеча.

Я вздрагиваю и открываю глаза. Потолочные светильники светят позади темного лица, и я словно снова смотрю в мертвые глаза Льюиса Смита.

— Джессика, — повторяет он, у него грубый акцент, и я начинаю четче видеть его лицо.

Кейр стоит надо мной, его рука на моем плече. Он приседает на один уровень со мной, другой рукой отводя волосы с моего лица.

— Все в порядке, — говорит он, внимательно глядя на меня. Он выглядит так же испуганно, как я себя чувствую. — Это была просто пробка от шампанского.

Я моргаю, пытаясь понять, что, черт подери, только что произошло.

Пробка от шампанского.

Я была абсолютно уверена, что это был выстрел. Более того, я думала, что переживаю все снова. Думала, мертвые пришли за мной.

И я выставила себя полной идиоткой.

Я пытаюсь успокоиться и сеть. Кейр пытается помочь мне, но я быстро отмахиваюсь от его помощи.

— Нет, я в порядке, — но я не в порядке. Мое сердце вот-вот выскочит из груди. Тем не менее, я должна притворяться.

Мне как-то удается улыбнуться, пока я прихожу в себя, осторожно оглядываясь. Как я и думала, несколько человек смотрят на меня, вероятно, раздумывая, что, черт возьми, не так с этой крошкой, что ей пришлоось резко нагнуться и укрыться, когда вылетела пробка от шампанского. Мои щеки горячие и красные, но, более того, я чувствую отвращение к самой себе за то, что настолько уязвима. Возможно, в конце концов, мне и не следовало пропускать встречу.

Но, хотя все есть еще время перейти через улицу, и, хотя логическая, рациональная часть моего мозга говорит мне, чтобы я пришла в себя и пошла, я остаюсь.

На данный момент.

— Что там произошло? — садясь, тихо спрашивает он. Подталкивает мое пиво ко мне. Внезапно мне хочется выпить кучу шотов, схватить бутылку виски и выпить до дна, пока не перестану чувствовать вообще все.

Я надеялась, что он проигнорирует то, что только что произошло, так же, как он проигнорировал мою сестру, которая на прошлой неделе ошиблась и спросила его, состоит ли он в группе поддержки. Я ожидала, что сегодня он спросит об этом, но пока об этом, казалось, он упоминать не собирался, но спросил о том, что произошло только что.

— Ничего, — отвечаю я.

— Ничего? — повторяет он, очевидно не веря мне.

В моем распоряжении много лжи, и все же мне необходимо достаточно много времени, чтобы придумать оправдание.

— Просто я нервничаю, — говорю я ему. — Плохо спала прошлой ночью.

Осторожно смотрю на него. Кейр удерживает мой взгляд, он кажется таким же твердым, как и объятие. У меня нет выбора, кроме как смотреть на него, провоцируя узнать меня, настоящую меня.

Наконец, он говорит:

— Ты не производишь на меня впечатление нервной особы.

— Нет? А какое я на тебя произвожу впечатление?

На его губах возникает улыбка.

— Той, которая обычно не стала бы тратить на меня время.

Теперь моя очередь удивляться.

— Ага, конечно.

— Я серьезно. Ты не просто красивая, Рыжик, ты смелая. Ты ешь таких ребят, как я, на завтрак. И парни вроде меня не станут возражать.

Тогда как мой пульс начал замедляться от ранее испытанного страха, эти слова заставляют его снова участиться. На этот раз кое-что еще волнует меня. Эти чертовы бабочки.

— Нечего ответить на это? — говорит он, дерзко поднимая подбородок, зеленые глаза игриво блестят. — Какой сюрприз.

— Я не ем..., — начинаю я, а потом замолкаю. Независимо от того, что я скажу, прозвучит не очень хорошо. — Неважно.

— О, пожалуйста, продолжай, — поддразнивает он. — Мне бы хотелось услышать о том, что ты ешь, а что нет.

Я смотрю на него, совсем не весело.

— Очень смешно. Так или иначе, ты должен быть смелым, если ты калека. Мир неумолим, и, если ты не проложишь себе путь, останешься позади.

Кажется, тени заполняют его глаза, лоб немного хмурился.

— Не уверен, что к тебе следует применять термин «калека».

— Ну, я не могу ходить без костылей, — говорю ему, защитное тепло растет в груди. — И как только на следующей неделе снимут гипс, кто знает, какой женщиной после этого я буду? Мне могут потребоваться месяцы, чтобы снова научится ходить без

какой-либо помощи, и я все равно никогда не буду прежней. Я никогда не смогу сделать все эти гребаные вещи, которые я когда-то считала само собой разумеющимися.

Он немного наклоняет голову, оценивая меня сквозь длинные темные ресницы.

— Самое время.

— Самое время для чего? — практически рявкаю я.

Он кивает в мою сторону.

— Для этого. Расскажи мне, как ты на самом деле себя чувствуешь. Ты смелая, Джессика, как я уже сказал. Но эта смелость скрывает что-то в равной степени болезненное и мощное.

Проклятый наблюдательный наглец.

Я громко вздыхаю, словно все это время задерживаю дыхание, и не смотрю ему в глаза.

— Прости.

— Не стоит. Я рад, что увидел часть тебя настоящей.

— Я все время была настоящей, — быстро указываю я, хотя это отчасти ложь.

— Я знаю, — мягко говорит он. — Но у всех есть оболочка. Я просто счастлив, что увидел то, что есть под ней.

В его словах слышится подтекст. Слишком плохо, что эта идея не приводит меня в ужас.

Я меняю тему разговора.

— Так ты говорил, что раньше был механиком. И хочешь открыть свой собственный магазин. Такое чувство, что есть какая-то недостающая часть. Чем еще ты занимаешься? Что еще делал?

— Я много путешествовал, — говорит он, поглаживая свой бокал с пивом. Я обращаю внимание на его руки и то, как он хватает стекло. И ненадолго представляю себе, как эти руки сжимают мою грудь, и как будут ощущаться на моей мягкой коже.

Вау, Джесс, попридержи коней.

Я прочищаю горло.

— Ездил в какие-то в интересные места? — спрашиваю я, зная, что он говорил об этом довольно расплывчально.

— Интересные, да. Вернулся ли я обратно? Мне потребовалось большая часть жизни, чтобы понять, кочевая жизнь не для меня.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать восемь, — отвечает он.

— И ты путешествовал большую часть своей взрослой жизни?

Он кивает, и его глаза путешествуют по узорам на стенах, словно он что-то ищет.

— Да. Шотландия — дом. Я почувствовал, что пришло время начать все заново.

— Быть ответственным.

— Что-то в этом роде, — говорит он, глядя теперь на меня и слегка улыбаясь. —

Мы не можем избежать ответственности перед собой. Или другими.

Ему не нужно напоминать мне об этом. Прежде всего, если бы я не ощущала ответственность за Кристину, не уверена, что жила бы в Эдинбурге. Я люблю этот город, но в последнее время, даже до происшествия, у меня была сумасшедшая идея собрать вещи и уехать. Сбежать и начать все с начала. Теперь, как никогда раньше, я ощущаю себя привязанной к этому месту, словно я раненное животное с одной ногой в капкане.

К счастью, Кейр меняет тему на более безобидную. Мы говорим о погоде и о том, что никто из нас не видел большую часть Шотландии, за исключением Эдинбурга, Глазго и Абердина. Мы говорим о регби, о том, как его кузен Лаклан был одним из звездных игроков в Эдинбурге (и если он тот парень, о котором, я думаю, мать божья, он горячий. Полагаю, горячие шотландские гены распространяются на всю их семью).

Затем мы говорим о татуировках, потому что у вышеупомянутого Лаклана их очень много. Я упоминаю русалку, которую я набила вокруг лодыжки. Которую, к сожалению,

я, вероятно, никогда не покажу снова, учитывая, что она нарисована на моей раненой ноге, и слова Ральфа Уолдо Эмерсона «Никогда не теряйте возможность увидеть что-нибудь прекрасное» на ребрах. Кейр говорит мне, что у него есть несколько штук, но ведет себя очаровательно скрытно, не рассказывая подробности о них.

— Что ж, это несправедливо, — говорю ему, тяжело ударяя ладонью по столу. — Я только что рассказала тебе о своих.

Он допивает свое пиво и вытирает рот ладонью.

— И это была твоя ошибка.

— Дай угадаю, поясница? Племенная татуировка в нижней части спины? — дразню я.

— Тебе придется найти их самостоятельно, — говорит он. Голос его низкий и грубоватый, от чего у меня на затылке волоски встают дыбом.

Я начинаю чувствовать себя не в своей лиге. В тот момент, когда я поправляю ноги, боль поражает меня, сразу же напоминая мне, кто я.

— Вероятно, я скоро пойду, — поспешно говорю ему. Время пролетело, и в баре стало тихо, лишь один мужчина разговаривает с барменом.

— Ты легко сдаешься, — замечает он, разочарование написано у него на лбу.

Я хмурюсь.

— Относительно чего?

— Относительно моих татуировок, — говорит он. — Тебе не любопытно.

— Мне любопытно, я просто...

— Я тебя испугал.

Быстро качаю головой, ненавижу, что он снова оказывается прав.

— Нет, ты меня не напугал. Я...

— Почему бы тебе не поужинать со мной? — прямо спрашивает он.

Теперь я ошеломлена. Мне так же должно быть страшно, но я ощущаю тепло от этого приглашения.

— Хм, я так не думаю, — понимаю, что отвечаю ему.

— Я знаю, как ты себя чувствуешь, — говорит он мне. — Знаю, ты только что закончила отношения. И в курсе, что тебе не нужны еще одни. Понимаю, что тебе не любопытно узнать о моих татуировках самостоятельно. Я все понимаю.

Тьфу. Но он не понимает. Потому что мне чертовски любопытно, и, если бы это зависело только от моего эго, тела, моей похороненной, долго игнорируемой похоти, я бы абсолютно точно сказала «да».

— Я все это знаю, — продолжает он. — Но это не значит, что мы не можем поужинать друг с другом. Ты мне нравишься, Джессика. Я хотел бы узнать тебя получше. Не по воле случая. А сознательно. Как друга, если не остается ничего другого.

— Мужчины и женщины не могут быть друзьями, — упрямко говорю я. — Особенно это касается привлекательных мужчин и женщин, которым нравится вместе выпивать в барах.

— Никогда не узнаешь, если не попробуешь.

Что-то сжимается у меня в груди, словно сердце тянется к нему. Словно оно говорит мозгу сдаться и следовать за ним.

Я достаю телефон и смотрю на время, мне необходимо взять себя в руки, пока моя сила воли не отказалась от меня.

— Мне надо вызывать такси.

В течение долгого времени Кейр наблюдает за мной. Тишина, напряженность между нами, оседает как туман. Затем он поворачивается и щелкает пальцами в сторону бармена, прося ее вызвать мне такси.

Он поворачивается ко мне, открывая ладони так, словно говорит, что он пытался, и произносит:

— Жаль, что я не смог убедить тебя. Может быть, тогда я еще увижу тебя. Если удача окажется на моей стороне.

— Может быть, — говорю я ему, и вспоминаю, что именной я говорила в последний раз, когда ушла.

Будучи настоящим джентльменом, он помогает мне подняться на ноги, и я позволяю ему, чувствуя себя ужасно за то, что отвергла его. Я знаю, что проведя месяцы в одиночестве, я оглянусь в этот момент и пожалею, что не сказала «да».

Но я также знаю, что еще не готова рискнуть. Если взрыв пробки от шампанского ассоциируется с выстрелами и заставляет меня спрятаться, в ближайшее время я буду чертовой катастрофой.

Он провожает меня на улицу, и я последний раз вдыхаю его аромат, что-то ментоловое и пряное, как зубная паста с корицей.

Такси подъезжает практически сразу, и вдруг приходит время прощаться.

— Спасибо за выпивку и компанию, — говорю я Кейру, протягивая руку.

Он берет мою руку в свои ладони, его хватка твердая и теплая, а затем наклоняется. Я задерживаю дыхание, когда он нежно прикасается губами к моей скуле, а затем шепчет мне на ухо низким голосом, от которого дрожь пробегает по позвоночнику:

— Если тебе когда-нибудь понадобится компания, ты знаешь, где меня найти.

Затем он поворачивается и спускается по лестнице, его большое тело исчезает в теплом пабе.

Минуту я наблюдаю за ним, мой мозг, сердце и тело борются друг с другом, прежде чем открываю дверь и сажусь в такси.

«Сент-Винсент» и загадочный человек, находящийся внутри, исчезают, когда мы двигаемся вверх по темным улицам Эдинбурга, уносясь в ночь.

Глава 4

Джессика

Я не могу это сделать.

Не могу.

— Вставай, Джессика, — говорит мой физиотерапевт монотонным голосом. Обычно я терплю ее прямолинейность по отношению ко мне. Обычно такое отношение придает мне храбрости, делает меня сильнее.

Но не сегодня. Потому что у меня нет сил. Я на полу, а она нет.

Она заставляет меня работать на износ. Развигает пределы моих возможностей. Говорит мне, что после этого все будет лишь сложнее. Гипс помогает мне, и, когда через несколько дней его не будет, вот тогда начнется настоящая работа.

Но если он и помогает мне, сегодня я не ощущаю никакой поддержки.

— Вставай, — повторяет она, а затем отпихивает ходунки с дороги. — Твои дни стабильности подходят к концу. Ты должна быть готова.

Я смотрю на нее, лицо красное и сердитое. Разве она не может понять, насколько мне уже тяжело? Я лежу на линолеуме в ее кабинете, руки вытянуты вперед (хотя последнее, что вы должны делать, когда падаете, это выпрямлять руки). Я распласталась, левая нога болит от лишнего напряжения, а кости правой ноги ноют.

— Ползи, — говорит она, скрестив руки на груди и глядя на меня поверх очков в черепаховой оправе, — Ты учишься и падать и вставать.

Для акцента она снова ударяет ходунки, пока они не падают.

— Какого хрена? — кричу я.

— Ползи, — повторяет она, — тебе придется.

Я ругаюсь и делаю глубокий вдох, прежде чем попытаться протащить свое тело по полу. Мне даже больше не больно, мне стыдно. Я боюсь, что мне никогда не станет легче. Что я всегда буду покрыта шрамами, как внутри, так и снаружи.

Я добираюсь до ходунков и встаю, все это время тихо ругая Кэт. Они кажутся крепкими, но я должна добраться до верха ходунков, находясь в самом низу.

Я практически плачу, когда хватаю поручни и пытаюсь поднять себя. Мой пресс, руки, грудь, я чувствую, как напрягается каждая мышца. Начинаю дрожать от прикладываемых усилий, левое колено едва ли помогает подняться.

— Ты не дышишь, — подходя ближе, напоминает она мне, — ты делаешь вдох и делаешь выдох.

Я часто неосознанно задерживаю дыхание, когда делаю эти упражнения, что разочаровывает еще больше, учитывая, насколько важно дыхание, когда занимаешься йогой.

Громко выдыхаю. Выходит как сердитый рев. Я хочу, чтобы он подпитывал меня. С грубым криком, поднимаю себя вверх, конечности горят.

— Ну вот, — уверенно говорит она, — иногда тебе просто нужен толчок.

Пот струится по моему телу, когда я смотрю на нее и ее самодовольное лицо.

— Легко тебе говорить, — парирую я. — Если ты так относишься ко мне, когда на мне гипс, который должен удерживать меня неподвижной, как, черт побери, ты собираешься помогать мне, когда его снимут? Бросать меня в дермо и заставлять ползти?

— Если придется, — говорит она прямо. Я верю ей.

Выдыхаю, сердце снова начинает замедляться, когда я опираюсь на ходунки. Как только вернусь домой, приму долгую горячую ванну с кучей соли.

— Некоторые дни труднее других, — говорит она, изучая меня. — У тебя плохой день. Их будет много. И это нормально.

— У меня не плохой день, — огрызаюсь я.

Конечно, это неправда. Я была в дерзком настроении с тех пор, как покинула Кейра в баре во вторник вечером. Прошло несколько дней, и не было ни минуты, когда я не пожалела, что ответила «нет».

Это был просто ужин. Он бы ничего не значил. То же самое, что провести с ним несколько часов в баре, просто еще была бы еда. Я знаю, что продолжаю говорить, что я его не знаю, но так бы я могла попытаться узнать его.

Но я упрямая, и, более того, напугана. Смертельная комбинация.

Тем не менее, мой мозг не может перестать снова и снова воспроизводить проклятый последний момент. Взгляд его глаз. Разочарование.

Черт.

Затем то, как его губы прижались к моей щеке, звук его хриплого голоса у моего уха. Приглашение, которое все еще в силе, которого жаждало мое тело, если не мой мозг.

Оглядываясь назад, я понимаю, что было бы лучше, если бы в тот день я не пошла в «Сент-Винсент», а, как и планировала, отправилась бы на встречу. Тогда я могла бы вспоминать о Кейре, как о мимолетной встрече. Вместо этого я воспринимаю его, как нечто реальное, может быть, потому, что он символизирует возможность. Маленький луч надежды, когда я склоняюсь к чертовому ходунку, мое тело и душа истощены.

Но правда в том, что я солгала Кейру о том, как получила травму, и я не могу продолжать обманывать его и дальше. Было бы ужасно исповедаться ему и позволить видеть себя жертвой. Пока я его невижу, ложь может жить дальше.

— Дальше будет сложнее, — говорит Кэт, вырывая меня из моих мыслей.

Резко смотрю на нее.

— Я в курсе. Ты постоянно твердишь это.

— А затем все станет лучше, — терпеливо говорит она, — продолжай держаться. Продолжай верить. И не забывай дышать.

Не забывай дышать. Не уверена, что мне когда-либо было легко.

Когда сеанс терапии закончен, Кристина ждет меня около кабинета.

— Трудно было? — спрашивает она, когда видит меня, ее лицо кривится от беспокойства.

— Ничего такого, с чем я бы не могла справиться, — улыбаясь, быстро говорю ей.
— Пошли.

Она изучает меня, когда я прохожу мимо. Ранее я была в отвратительном настроении, а теперь она еще более настороженно относится ко мне.

И потому что она более настороженна, она не ведет меня сразу домой. Это еще один великолепный день, теплый и солнечный, после нескольких дней дождя, поэтому она везет нас в Старый город в один из моих любимых ресторанов в восточном конце Королевской Мили.

Она хочет подбодрить меня. Типично для нее, как и всегда. Глубокая потребность угодить, которая росла, как цветок, во времена нашего дерзкого детства. Я понимаю ее, из-за чего мне хочется угодить ей в ответ. Порочный круг, два листца, пытающихся разобраться, как угодить друг другу.

«Монтит» - миленкое место с оригинальным фермерским меню и забавными коктейлями, которому каким-то образом удалось избежать участия и не стать туристической ловушкой, несмотря на то, что они находятся на одной из самых популярных улиц Эдинбурга. Узкая и извилистая лестница и мои кости не подходят друг другу, поэтому мы направляемся прямо к закрытому патио и располагаемся там.

Мы только что заказали напитки, и я просматриваю меню в поисках сытного, но безглютенового варианта, когда мои глаза смотрят поверх меню, и я замираю от шока.

Марк Физерстоун ждет у стойки администратора, пока его посадят, а какая-то молодая красивая девушка рядом с ним смеется над тем, что он сказал.

Я ахаю и тут же опускаю глаза, поднимая меню повыше, пытаясь закрыть лицо.

— Что такое? — с тревогой спрашивает Кристина, наклоняясь ко мне.

— Ш-ш-ш, — говорю ей. — Не двигайся и не привлекай к нам внимание.

Но, конечно же, она сразу же оглядывается по сторонам как ищетика, вынюхивающая след.

— Боже мой, — резко шепчет она. — Марк здесь. А что это за шалава с ним?

Не уверена, лучше знать или не знать, кто она, но, полагаю, я знаю. За несколько лет я была на паре рождественских вечеринок Марка, и уверена, что «шалава» - это Мэгги, его помощница.

Я снова смотрю поверх меню, чтобы удостовериться в этом. Слава богу, они не похожи на пару, потому что для меня это было бы слишком. От того, что я вижу его в добром здравии и счастливым, мне и так становится не по себе.

Я не хочу, чтобы он увидел меня. Все уже и так невероятно неудобно, плюс я не в форме после физиотерапии: волосы убранны назад и распущены, тушь размазана под глазами, тональный крем исчез. Конечно, я одна из тех, кто сталкивается с бывшим, когда выглядит как полное убожество.

Администратор подходит, намереваясь отвести их к столу, и я вижу, как Марк кладет руку на спину Мэгги. Она остается там, и подобный жест не может быть истолкован по-другому.

От этого вида меня начинает мутить.

Затем его взгляд падает на наш стол и в его глазах виден шок.

Я вижу его. Взгляд «о, гребаное дермо» в его глазах, тот, который я обычно замечала, когда ловила его на лжи или чем-то таком. Лишь эта мысль заставляет меня почувствовать себя рохлей за то, что столько лет провела с ним, думая, что мы можем стать чем-то большим, чем были.

— Простите, — говорит он Мэгги и администратору, — вернусь через секунду.

Мэгги в замешательстве хмурит тощие брови, прежде чем смотрит туда же, куда и он. Она морщится, когда замечает меня и сразу же отворачивается, следя за хозяйкой в глубь патио.

— Джессика, — говорит Марк, останавливаясь в конце стола, сложив руки перед собой. — Какой сюрприз. Как дела?

У него этот «я на твоей стороне» голос, который он использует с клиентами, пытаясь заставить их доверять ему свои с трудом заработанные деньги. Голос, который всегда срабатывает на них, и когда-то так было и со мной, но не сейчас. Не теперь, когда я знаю, каков настоящий Марк Физерстоун.

Я стараюсь улыбнуться ему той легкой улыбкой, которая ему нравилась, выходит натянуто.

— Ясное дело, никогда не чувствовала себя лучше, — говорю я, делая глоток воды и сверля его взглядом.

Как ты мог?

Он смотрит на Кристину, которая зло смотрит на него.

— Рад видеть и тебя, Кристина, — говорит он ей.

Она ничего не говорит, продолжая шуриться, глядя на него.

На этот раз он выглядит так, словно испытывает дискомфорт и не контролирует ситуацию. Я решаю надавить на него.

— Это Мэгги, ее я видела? — спрашиваю я. — Ты такой хороший босс, раз решил наградить свою помощницу, приведя ее в такое место.

Он кашляет, потирая рукой затылок.

— Да, нам необходимо обсудить несколько важных вопросов. Надеюсь у тебя все хорошо. Знаешь, у меня все еще есть кое-какие твои вещи в коробке. Я думаю, что это...

— Оставь себе, — быстро говорю я. — Я взяла все, что мне было нужно.

Он кивает, глаза бегают по залу.

— У тебя все в порядке? Твоя терапия? Тебе нужно помочь с деньгами или...

Кристина резко смеется.

— Помочь с деньгами? Ты, черт возьми, избавился от моей сестры, когда ее подстрелил террорист, — она говорит это так громко, что все в ресторане смотрят на нас. — Она тогда еще даже не вышла из долбаной больницы, ты, чертов мудак. Ей от тебя не нужно ничего, только чтобы ты убрался с ее глаз и держался подальше. Держи свои гребаные деньги и предложения при себе, — бормочет она, — эгоистичный козел.

Я пытаюсь подавить улыбку, когда, широко открыв глаза, смотрю на Кристину, затем на Марка.

Он беззвучно открывает рот, зная, что ему нечем оправдываться, и краснеет. А потом, наконец, произносит:

— Желаю тебе удачи, Джесс.

Затем поворачивается и спешит к другому концу внутреннего дворика, головы поворачиваются ему вслед, когда он идет.

Конечно, все теперь смотрят на меня и складывают два и два. Я девушка, оставшаяся в живых, геройня, которая не сделала ничего, всего лишь не умерла.

— Кристина, — удается сказать мне, не уверена, стоит ли ее ругать или нет.

Она пожимает плечами.

— Жаль, что мне не жаль. Этот парень - самый большой мудак на свете. Я всегда знала, что ты слишком хороша для него, но помалкивала. Просто отстой, что он показал свое истинное лицо в самое худшее время.

— Люди никогда не показывают свои истинные лица, когда все в порядке. А когда все катится к чертям, сразу видно, из чего действительно сделан человек, — криво усмехаясь, говорю я.

— Точно, — она вздыхает и поворачивает голову в его сторону. Я даже не хочу смотреть. Хочу есть и притворяться, что его там нет. — Тем не менее, он стал красивым, как свекла. И эта девушка потирает его спину, вероятно, пытаясь сказать ему, что мы просто парочка сучек. Она понятия не имеет, да?

— О, думаю, она в курсе, — бормочу я. — Но некоторым людям все равно. Какими бы ни были их отношения, что, кстати, заставляет меня задуматься о том, как много раз он встречался с ней после работы, уверена, что они оба рассматривают меня как своего рода животное, которое пришло усыпить.

— Ужасные слова, — произносит она, кладя руку мне на запястье. — Пожалуйста, не говори, что ты в это веришь.

Я отодвигаю руку.

— Конечно же, нет.

Не совсем.

Неудивительно, что после этого я едва могу доесть свою еду, и единственное, что хорошо - это половина бутылки вина, которую я разделила с Кристиной, и главным образом потому, что я пью большую часть. Сейчас лишь три часа дня, но мне очень хочется исчезнуть.

К сожалению, Марк и все, что у нас было, не осталось на заднем плане. Все снова всплыло, и мне приходиться думать об этом. Я чувствую его присутствие позади меня, понимаю, что он чувствует облегчение, избавившись от мертвого груза. Это я сейчас, бремя, которое нужно везде таскать с собой, и когда я задумываюсь об этом, вероятно понимаю, что он всегда себя так и чувствовал.

Я познакомилась с Марком через общих друзей. Линн, женщина, которая ходила в мой класс йоги, мы быстро подружились. В конце концов, она переехала в Лондон, но успела познакомить меня с Марком. У него всегда была подружка - серийный моногам, как описывала его Линн - пока однажды он не оказался один.

Он завоевал меня с помощью обаяния. Мне нравилось, как приятно он выглядел в костюмах и что он действовал так, словно владел миром, и кому-то вроде меня повезло узнать его. Когда вы не уверены в себе, и я, конечно, тогда была именно такой, подобный

мужчина решит все ваши проблемы. Я определенно была захвачена идеей отношений с мужчиной, у которого в жизни порядок, чем на самом деле самим Марком.

И я знала его. Довольно хорошо. Я любила его. И верила, что он любил меня, по крайней мере, в течение первых двух лет. Но иногда искра, которую вы видите в глазах другого, исчезает. И вам приходится бороться сильнее, чтобы она снова появилась. Отношения - это работа, я знаю это, но всегда должны присутствовать любовь и уважение. Нет необходимости менять весь свой мир, чтобы другой человек осознал, что вы нужны ему.

Я всегда хотела ребенка, которого можно было бы любить, как способ исправить прошлые ошибки, и я подумала, что, если забеременею, это исправит все между мной и Марком. Соединит нас, сделает сильной, стабильной семьей, которую я всегда хотела.

Вскоре я поняла, что это не так, и поняла это слишком поздно.

Ребёнок бы изменил все.

И теперь Марк явно двинулся дальше, или, может быть, он продолжал жить давным-давно. Полагаю, то же самое можно сказать и про меня. У меня просто не было другой кандидатуры. У меня вообще не было плана.

— Знаешь, хорошо, что ты не с ним, — говорит Кристина позже, когда мы едем домой. — Имею в виду, слава богу, ты не вышла за него замуж.

Я фыркаю. Моя голова прижата к окну.

— Об этом и речи не было.

— Вы даже никогда не поднимали эту тему?

Пристально смотрю на нее.

— Я же тебе говорила. Самое большее, что я получила от него, что хотя бы отдалено символизировало чувства - ожерелье, и это было много лет назад. Когда мы обсуждали будущее, он всегда говорил, что ему надоело планировать будущее для других людей, что он просто хотел оставить наше на волю судьбы, — в то время это звучало романтично, но теперь я понимаю, это была отговорка.

— В любом случае, — говорит она, — это не имеет значения, потому что теперь ты понимаешь, что он за козел. Неприятно говорить такое, но он, вероятно, все это время трахал и эту цыпочку.

Волна унижения накрывает меня. Я вздыхаю.

— Вполне возможно.

В тот вечер во время ужина с Ли и Кристиной я молчу, мой разум все еще занят мыслями о Марке, сеансе физической терапии и всем, что ждет меня в будущем. Я словно бегаю по кругу и не могу сойти с него. Когда ужин заканчивается, вместо того, чтобы посмотреть с ними новости, как обычно делаю, я направляюсь наверх в кровать, мне необходимо побывать одной.

Я открываю окно, небо - нечеткая голубая дымка, и делаю глубокий вдох, пытаясь быть благодарной. В воздухе ощущается ранняя осень, витает аромат сухих листьев и холодных ночей.

«Тебя не должно быть здесь, — шепчет тихий голос в моей голове. — Ты должна была умереть. Ты этого заслуживаешь».

Голос часто говорит мне такое. Мне хочется спорить. Бороться за свою ценность. Я так устала игнорировать его. Вина выжившего - так Пэм описала это на первой встрече. Чувство, что мы тоже должны были умереть, что мы не заслуживаем жить или в нас нет ничего особенного, чтобы нас пощадили.

Дело в том, что всю свою жизнь я сражалась с виной выжившего. С того времени, когда Кристине было всего пять лет, а мне было десять, я чувствовала себя никем, лишь обузой за то, что выросла, оставшись невредимой. Так что в этом не должно быть ничего нового.

Но такое ощущение, что все это происходит впервые.

У меня начинает болеть голова, нога горит. Я беру «Перкоцет» и ложусь на кровать, даже не переодеваясь и не накрываясь одеялом. Для этого требуется слишком много сил, а у меня их практически не осталось.

Если тебе понадобиться компания, ты знаешь, где меня найти.

Слова Кейра всплывают у меня в голове, как и в последние несколько ночей.

Последнее, чего я хочу - признать, что нуждаюсь в ком-то.

Я сильная. У меня есть доспехи. Пуленепробиваемое сердце и железная решимость.

Мне никто не нужен.

Но, конечно же, правда в том, что в моей броне есть щели. У моего сердца - трещины. И сталь покрываются ржавчиной по краям.

Мне нужен кто-нибудь.

Может быть, даже он.

Мой незнакомец.

Глава 5

Кейр

Автомобиль подпрыгивает на дороге, создавая клубы пыли, поднимающиеся высоко в воздух. Льюис называет их «дьявольскими хвостами», и они распускаются над бесплодным ландшафтом, сигнализируя, что кто-то едет. Или идет.

Тот сигнал, в котором мы не нуждаемся.

Горы находятся на расстоянии, достаточно далеко, и нам не нужно беспокоиться о снайперах или о том, что попадем в засаду, но, даже в этом случае, наши машины выделяются в пустыне, как аномалия. Та, к которой страна на данный момент привыкла, но все равно аномалия. Эта часть Афганистана бесплодна и настолько непригодна для жизни, что она забирает жизни. Вот как я это вижу. Все люди, которые умерли в горных пещерах, в деревнях, на дорогах. Обе стороны. Слишком много смертей. Эта земля высосала души.

Это должно было закончиться. Британцы передали ключи афганцам, сказали им, что теперь те должны самостоятельно противостоять талибам. Мы внедрялись, устраивали резню, покидали территорию. Они подчищали наш беспорядок. Войска провели здесь тринадцать лет, погибло четыреста пятьдесят три британских военнослужащих и женщин. И мы думали, что уйти будет легко.

Некоторое время так и было, пока движение «Талибан» снова не набрало силу. Велись бесчисленные кровопролитные бои. Сражения. Потери.

Афганская полиция нуждалась в нашей помощи. Мы втянули их в этот беспорядок, нам пришлось показать им, как из него выбраться.

Америка активизировалась первой. Они перебросили тысячи солдат в провинцию Гильменд, чтобы помочь с обучением афганской армии. Затем были отправлены несколько наших подразделений.

Я не знал, чего ожидать. На этот раз я возвращался в чине младшего капрала. На этот раз нашей миссией было обучение, а не борьба. После шести лет в армии в Кэмп Бастион^v все должно было пройти легко.

Так и было.

До сих пор.

Четыре месяца здесь было уныло и скучно, но все меняется. Я чувствую это. Мы все это чувствуем. Я постоянно испытываю жажду, мой разум превращается в пыль, и я начинаю чувствовать, что моя команда исчезает. Никто другой не видит этого - я всегда был хорош в обмане людей - но я это знаю. Тем не менее, я все еще сохраняю контроль над реальностью.

Льюис, Ансель, Роджер и Брик находятся под моим командованием, и я смотрю на них сейчас, когда мы сидим в машине. Ансель за рулем. Его глаза поглощают все, словно кислород, сейчас защищены темными очками. Ансель - самый голодный из всех нас, прикладывает дополнительные усилия при каждом шансе, который получает. Роджер устал и скучает по своей жене и детям. У Брика имеются проблемы с гневом, которые сходят на нет лишь ночью, когда он смотрит романтическую комедию на своем ноутбуке.

А еще Льюис. Он на пять лет моложе меня, но с таким же успехом ему можно дать и восемнадцать. Его энтузиазм едва ослабел, но вот паранойя усилилась. Если честно, такая комбинация пугает меня, то, как он склонен показывать характер без предупреждения.

Хотя он мне нравится. Мы говорим об отцах, которым пытались угодить, о наших неудачных отношениях и карьере дома. Мы честны, не так, как с другими, и эта честность несет ответственность. Позволять другому узнать, когда ты не в порядке.

В этот момент Льюис смотрит на меня и качает головой. Он говорит:

— У меня плохое предчувствие по этому поводу. — Он сжимает пистолет и смотрит на меня. Напуганный до смерти.

И я тут же понимаю, что это сон. Один из трех снов, которые преследует меня, словно призраки.

Понимание, что это всего лишь сон, не останавливает страх. Все становится лишь хуже. Потому что я знаю, что случиться дальше, и я знаю, что буду вынужден снова жить.

На самом деле в тот день в разгар движения нашей колонны по знакомой грунтовой дороге меня поразило внезапное желание закричать СТОП! Необъяснимый ужас накрыл меня, как мелкий песок пустыни. В тот момент это было всего лишь чувство - обострившаяся интуиция - но чувство было настолько сильным, что на несколько секунд я оцепенел.

Несколько секунд это слишком много.

В реальности Льюис не сказал ни слова, но в моем сне он говорит слова, которые хотел бы сказать я.

Взрывается бомба, громкий гул, превращающийся в огонь и металл, атака шума и тепла, от которых мой мозг сжимается.

Мой мир разрушен.

Меня пронзают осколки.

Бросает в мир боли, которую я не понимаю.

Но я жив.

Как и Льюис.

И Брик.

Мы лежим на земле, среди обгоревших и горящих обломков, такие ужасно живые.

Ансель и Роджер, два храбрых мужчины, они не выживают. И во сне я вижу, как их обезглавленные тела разрывает пополам, и они падают на землю. И продолжаю удивляться, почему я ничего не сказал.

Они говорят мне, что это моя вина. Я молчу. Проглатываю слова, когда должен был высказаться.

И Льюис, поднимаясь надо мной, как темная тень, направляет оружие на мою голову.

Говорит мне, что это и моя ошибка.

Я - причина, по которой он сделал то, что сделал.

Он нажимает на курок.

Я резко просыпаюсь, весь в поту, легкие в огне. Шрамы на боку горят в том месте, куда вошли осколки. А сердце болит.

Мне всегда нужно несколько минут, чтобы успокоить тело. Даже если разум знает, что это был сон, тело переживает его так, словно я снова оказался там. Я встаю и выпиваю несколько стаканов воды из-под крана, измученный бесконечной жаждой, затем иду к окну и поднимаю его.

Холодный, свежий воздух проникает в комнату, омывая мое лицо. Несмотря на то, что я живу в городе, это морской бриз с примесью соли и минералов.

Я делаю несколько глубоких вдохов, высунувшись в окно, чтобы заполнить легкие. Луна висит низко над соседними зданиями, освещая камень.

Завтра понедельник. Если бы завтра был вторник, я мог бы надеяться. Что у меня появится шанс снова увидеть Джессику.

Но на этот раз не думаю, что мне повезет.

Я видел это по ее глазам. Взгляд, который сказал мне, что она не вернется.

Я знаю, что она пришла в паб в поисках меня. Понимаю, что она пропустила встречу, чтобы провести время со мной. Я осознаю, она видит что-то во мне, даже если я не понимаю, что именно.

Но что бы это ни было, я спугнул ее. Был слишком смел. Слишком напорист.

Я имею в виду, серьезно, о чем, черт возьми, я думал, говоря ей, что она сама должна найти мои татуировки. Самые дурацкие слова, которые слетали с моих губ. И затем я пригласил ее на долгий ужин.

И я осознаю, это напугало ее. Последнее, что хочет эта женщина прямо сейчас - интрижка, она много раз говорила об этом. Даже нечто большее, чем друзья, для нее слишком, а я надавил на нее. Не имеет значения, что иногда я вижу, как она смотрит на мое тело, едва различимый огонь тлеет в ее взгляде. Из того, что я знаю, мне это могло просто померещиться. А вот что мне не привиделось, так это то, что я подталкивал ее к большему, когда не должен был.

Я повел себя эгоистично. Дело не в том, что я хочу следить за ней, защищать её, чувствуя себя обязанным ей. Я все еще ощущаю все это. Ситуация никогда не изменится. Но теперь я еще хочу и поговорить с ней, послушать ее голос и посмотреть, как невероятная улыбка появляется на ее лице. Я хочу, чтобы она была рядом со мной, не только потому, что должен ей больше, чем когда-либо смогу дать, а потому, что она заставляет меня чувствовать, что я не обязан ей абсолютно всем.

«Ты чертов идиот», — говорю себе, качая головой. Я смотрю на луну, и, кажется, даже она разочаровалась во мне.

Из-за того, что я столько времени наблюдал за Джессикой и видел ее в новостях, а затем проводил с ней время, я зациклился и запутался. Вина - навязчивая идея - заставляет меня жаждать ее, ни больше, ни меньше.

Но я знаю, что это неправда. И тот факт, что я, скорее всего, не увижу ее снова, не говоря уже о завтрашнем дне, - это то, с чем мне придется иметь дело и через что придется пройти. Любые чувства, которые я испытываю к ней, надо зарыть глубоко внутри, пока мое сердце не станет похожим на кладбище.

Я закрываю окно, словно закрывая свой разум от дальнейших рассуждений, затем возвращаюсь в кровать, молясь о том, чтобы мне ничего не приснилось.

В конечном итоге следующий день я провожу с Лакланом, помогая ему в приюте. Ему нужен был доброволец, так как два его волонтера заболели, и необходимо было разобраться с разным деръемом.

Честно говоря, есть небольшая проблема. Я не лгал, когда сказал Джессике, что у меня есть планы открыть собственную мастерскую. Я десять лет не занимался бизнесом, а механиком на гражданском секторе не работал лет восемь. И не уверен, с чего начать.

В течение последних семи лет все, чем я занимался - служил в армии. У Мала и Мейзи есть работа, моей была армия. Когда я решил уйти, не продолжать службу, я никому не сказал. Моя мать живет на острове Айлей со своим новым мужем, и, хотя я редко общаюсь с ней, я знал, что она гордится тем, что я в армии и моей ролью там. Я не смею признаться ей, что сделал, пока не найду что-то еще, чем она может гордиться.

— Как твои брат и сестра? — спрашивает Лаклан, когда мы выгуливаем собак, по три у каждого. Все питбули, все с разными характерами. Люди почти отпрыгивают с нашего пути, когда мы проходим, хотя я не уверен, потому, что у нас самые опасные собаки в стране, или потому, что мы с Лакланом похожи на парочку качков, ищущих, с кем бы подраться.

— Хорошо, насколько я знаю, — признаюсь я. — Нас всех порой трудно отследить. Когда я был в армии, общение с моей стороны было нерегулярным. Они оба тоже много путешествуют, так что и от них редко что слышно.

— И они все еще не знают, что ты ушел из армии? — спрашивает Лаклан. — Ты вообще собираешься говорить им?

Резко смотрю на него, но на его лице, как обычно, нет ни следа злости или осуждения.

— Когда придется, я скажу им. Им нет до этого дела, я просто...

— Хочешь к тому времени уже чем-то заниматься.

— Точно.

Мы оба останавливаемся, когда собаки обнюхивают участок травы, кажущийся им бесконечно захватывающим.

— Знаешь, у меня есть связи, — тихо говорит Лаклан. — Как и у отца с матерью. Мы поможем тебе, чем сможем. Уверен, отец будет счастлив вложить деньги в гараж.

— Спасибо, — говорю ему, хотя ощетиниваюсь, и слова звучат больше небрежно, чем благодарно. — Я справлюсь сам.

Правда в том, что у меня есть сбережения. Прежде чем присоединился к армии, я продал свой старый магазин в Глазго, и едва ли прикасался к этим деньгами. И вообще, я не хочу полагаться ни на кого другого, кроме себя самого. Принимать подачки от семьи — последнее, что мне нужно.

Он наклоняет голову, изучая меня. Проходит минута или две.

— Если позволишь дать тебе совет, Кейр, не дай гордости удерживать тебя. В какой-то момент нам всем приходиться начинать с начала, и не всегда легко найти помощь. Лучшая помощь, которую ты получишь, это первая помощь, которую сможешь принять.

Я провожу языком по зубам, прежде чем натянуто улыбнуться ему. Мой кузен хочет как лучше, как всегда, но я лучше все пойму сам, чем стану прислушиваться к чужому совету.

— Так почему ты покинул армию? — спрашивает он, когда мы снова начинаем идти, собаки тянут поводки, взволнованные возможностью помочиться в следующем месте.

— Хочешь правду? — спрашиваю в ответ. Понятия не имею, почему доверяю ему подобное, мой самый большой позор. Может быть, потому, что мне больше некому рассказывать это, и я слышал эту историю слишком много раз.

— Конечно, — говорит он, но в его глазах есть настороженность, словно он боится того, что услышит.

— Я больше не подходил для этой работы, — сообщаю ему. — Я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Не в своей тарелке?

— В прошлый раз, когда мы были на миссии, случилось... кое-что. Ты ведь знаешь, я много лет провел в Афганистане. Я видел, как умирают люди. Видел, как умирают дети. Я видел то, что никогда не думал, станет для меня привычным зрелищем, но я привык к этому. Это само по себе было дико. Этого от меня и ждали. Не говори о том, что видел. Не рассказывай о своих страхах и чувствах. Никогда не позволяй никому знать, как сильно ты был разрушен, — смотрю на него, и по его нахмуренным бровям знаю, что он понимает. Я выдыхаю через нос, легкие горят. — Все было прекрасно, с нами было все в порядке, но мы были не в порядке. Затем мы находились в группе, которая была отправлена обратно в Кэмп Бастион, теперь называемый Кэмп Шорубак, чтобы помочь афганским войскам сражаться. Обучить их. Все должно было быть легко.

— Ничего из того, о чем ты рассказываешь, не кажется лёгким, — говорит Лаклан, когда тянет назад одну из собак, чтобы та не вышла на дорогу.

— Я был со своими людьми, обычная поездка с базы в один из небольших городов. Террорист-смертник на машине появился из ниоткуда. Врезался прямо в нас... часть команды, сидевшая напротив, погибла. Остальные были ранены. Один из них потерял ногу. У меня в боку оказались осколки, и я получил несколько ожогов. Другой спасся, всего несколько царапин. Ни единого ожога. Он был моим другом, и охрененно нестабильным. Льюис Смит.

Лаклан, который внимательно слушал, спрашивает:

— Почему это имя кажется знакомым?

— Потому что Льюис Смит потерял рассудок. Потому что я видел, как это произошло. Вина оставшегося в живых погубила его. И меня тоже. Я был в ответе за них, и потерпел неудачу. Но я смог продолжить жить. Льюис не смог. Он перестал спать. Он говорил со мной о том, что не должен был выжить, что война бессмысленна, что правительство не имело представления о потерях здесь. Такое впечатление, что он скрывал все мысли о войне, которые у него были многие последние годы, а теперь, наконец, они вышли наружу, и он ухватился за них. Он говорил со мной... о том, чтобы причинить вред людям. Как он хотел, чтобы люди дома знали, каково это, бояться умереть, — я замолкаю, глотая воздух, почти забывая дышать. — Я попытался помочь ему. Сказал врачам. Переговорив с ним, они сказали, что все в порядке. Но я знал, что он не в порядке. Он притворялся, и они это знали. Они не могли позволить себе потерять солдата. Мы чертовски дорого стоим. Поэтому они его удерживали. И однажды ночью Льюис покинул свой пост. Он ушел посреди ночи. Он всегда говорил, что хочет убежать. Правда в том, что он дезертировал. После этого его отдали под трибунал.

— Так он покинул армию, — говорит он. — Это, должно быть, облегчение.

— Могло бы им быть. За исключением того, что я знаю, что сказал Льюис, он хотел, чтобы весь остальной мир знал, что значит умереть. А потом это случилось.

— Что случилось?

— Причина, по которой ты знаешь его имя. В прошлом месяце он проехал по Оксфорд-стрит. Бросил машину. Вынул ружье из гитарного футляра и начал стрелять.

Лаклан округляет глаза.

— Господи, брат. Это был он?

Я киваю.

— Да. Он сделал то, о чем и говорил мне. Он убил людей, чтобы они познали тот страх, который он чувствовал. Я не сомневаюсь, что он, в конце концов, убил бы себя, но полиция выстрелила в него первая, прежде чем у него появился шанс прикончить еще одного человека.

Джессику.

Несколько секунд мы молчим. Мое сердце бьется безумно быстро от того, что я рассказал правду. Я знаю, у Лаклана голова идет кругом от услышанного. Мы доходим до перекрестка и ждем, пока свет изменится.

Он вздыхает и смотрит на меня.

— Ты многим рассказываешь эту историю?

Качаю головой.

— Никому.

— Тогда никто и не говорил тебе, что это не твоя вина. Поможет, если я скажу тебе об этом?

— Нет, — отвечаю я, громко выдыхая. — Не поможет. Все уже произошло. Я знал об этом. Я мог бы остановить его.

— Но ты пытался.

— Мог бы приложить больше усилий.

— Ты не можешь жить, основываясь на том, что могло бы случиться и что следовало сделать. Так ты уничтожишь себя.

«А может, я этого заслуживаю», — думаю я. Не произношу это вслух, но понимаю, что Лаклан все равно знает, о чем я думаю.

— Вот поэтому я ушел.

— И почему ты здесь, в Эдинбурге? Имею в виду, на самом деле. Разве было не легче вернуться в Глазго, ближе к матери, где у тебя была карьера?

— Смена декораций, — говорю я ему.

— Ты ведь знаешь, что не можешь убежать от чего-то вроде этого, Кейр, — говорит Лаклан через мгновение, когда мы приближаемся к приюту. — Ты должен взглянуть проблеме в лицо.

— Аналогия с регби? — иронизирую я.
— Единственная аналогия, которую я знаю.
И вот так мы закрываем эту тему.
О чём Лаклан понятия не имеет, так это о том, что я не убегаю, а бегу к кое-чему. К кое-кому. Той, которая может подарить мне прощение.
У неё рыжие волосы и яркая улыбка.

К тому времени, как я ухожу из приюта, уже становится темно. Мы выгуляли много собак, но, к счастью, потом разговаривали с Лакланом о регби, вместо того, чтобы обсуждать нечто личное. Я все еще удивлен, что открылся ему. Не жалею об этом, но странно знать, что кто-то в курсе моей истории. Словно я доверяю ему нести что-то драгоценное и хрупкое.

Сегодня понедельник, и я знаю, что нет ни единого шанса увидеть Джессику, но паб «Сент-Винсент» манит меня. Я занимаю место в баре, болтая с Джилл, барменом.

— Ищешь кого-то? — спрашивает она после того, как я беру третье пиво и смотрю на двери, в которые только что вошла пара.

Поворачиваю голову к ней, чувствуя себя немного глупо.

— Я? Нет.

Она ухмыляется.

— Не красивую рыжую, которую я видела здесь прошлые пару недель?

Я что, был настолько очевидным?

— Вторник еще не наступил, — говорю Джилл, делая глоток пива. — По вторникам мне везет.

— Ты уверен? — спрашивает она, двигаясь дальше вдоль стойки, чтобы обслужить новых клиентов.

Я сразу оглядываюсь вокруг, сердце бьется о ребра.

— Ты о чём? — кричу ей вслед.

Она вынимает из холодильника пару бутылок сидра и посыпает мне понимающую улыбку.

— Рыжая была здесь сегодня. Сидела в баре, как и ты. И все не переставала оглядываться.

— Что? — я встаю, чтобы лучше видеть помещение.

— Сейчас ее нет. Ушла час назад.

Черт.

Я раздраженно сажусь обратно на место, стул грохочет от моего веса.

— Нихрен себе. Трахните меня.

— Уверена, такой вариант еще возможен, — говорит Джилл, подходя ко мне и вытирая руки об тряпку. — Не сомневаюсь, она приходила ради тебя.

— Она что-то сказала?

— Ни слова. Но бармен всегда поймет.

— Сегодня ведь не вторник.

— Получается, это что-то значит, да?

Это значит, я облажался с выбором времени. Бл*дь. Только подумать, Джессика была здесь раньше, искала меня так же, как я притворяюсь, что не ищу ее.

Ну, что толку суетиться теперь. Если она была здесь и не нашла меня, она не вернется. Завтра будет еще один шанс, но сейчас мне ненавистно оставлять все на произвол судьбы. Мне кажется, я слишком сильно испытываю собственную удачу.

Залпом допиваю остатки пива, бросаю несколько купюр на стойку, пока прощаюсь с Джилл, и отправляюсь домой.

Засовываю руки в карманы и бреду по мощеным улицам Серкус-лэйн, тянувшейся слева от бара. Как бы я не злился, что упустил ее, факт остается фактом, она пришла. Она снова искала меня.

Я знаю, в следующий раз, когда увижу ее, не позволю ей уйти.

У меня уходит минута, чтобы дойти до дома, и когда подхожу к зданию, замечаю, что свет в гостиной включен. Табита обычно ложится спать около девяти, а быстро взглянув на телефон, вижу, что уже больше десяти.

Я вставляю ключ в замок и замечаю движение внутри. Вздыхаю, прежде чем открыть дверь. Последнее, чего я хочу, это застрять, разговаривая с ней. Как я уже говорил Лаклану, не думаю, что Табита уже привязалась ко мне, она предпочла бы поговорить с ним. Кто знал, что восьмидесятидвухлетняя садовница может быть такой поклонницей регби?

— Кейр? — слышу, как она зовет, когда я захожу внутрь, закрывая за собой дверь.

— Не мог бы ты подойти сюда на минутку?

Ее голос доносится из гостиной. Устало вздыхая, я расправляю плечи и готовлюсь помочь с какой-нибудь странной просьбой. Именно это она обычно хочет, когда зовет меня. Заменить лампочку, разобраться с протекающим краном, затем с осинным гнездом на заднем дворе.

— Добрый вечер, мисс Шипли, — говорю я, заходя в комнату. Сначала смотрю на неё, сидящую в своем розовом кресле. Затем на человека, расположившегося на маленьком диване с узором из цветов.

Джессика.

Она сидит там с чашкой чая в руке и настороженной улыбкой на губах, костили прислонены к подоконнику.

Пока я неловко моргаю, пытаясь понять, что происходит, Табита говорит:

— Твоя подруга пришла, чтобы увидеть тебя, но тебя не было дома. Почему я никогда не встречала ее раньше? Она прелестна.

«В самом деле, так и есть», — думаю я, смотря на нее, сидящую на диване. На ней изумрудно-зеленый сарафан и белый кардиган, подходящий по цвету к ее гипсу. Волосы распущены и свободно лежат на плечах, губы красные, как рубины.

— Прости, я не хотела появляться так неожиданно, — извиняется Джессика. Она ставит чай на покрытый салфеткой журнальный столик, руки дрожат. Черт. Она нервничает.

— Не стоит, — отвечаю ей.

— Ну, не стойте там, мистер МакГрегор. Присаживайтесь, — говорит Табита, вставая с кресла. — Я принесу еще чаю.

— Совсем не обязательно, — говорю ей вслед, но она лишь ворчит, пока исчезает на кухне.

— Мистер МакГрегор, — задумчиво произносит Джессика, когда я подхожу к дивану. Она смотрит на меня, склонив голову в сторону. — Я не знаю твою фамилию.

— А я все еще не знаю твою, — лгу я.

— Чарльз.

— Рад познакомиться с тобой, Джессика Чарльз, — говорю ей, садясь рядом в кресло в стиле Честерфилд.

— Приятно познакомиться, Кейр МакГрегор, — отвечает она. Прикусывает губу и смотрит на свой чай. Я знаю, насколько близко сижу к ней и что смотрю на нее совершенно открыто, но не могу сдержаться. — Прости еще раз, что пришла вот так.

— Тебе станет лучше, если я скажу, что ты лучшее, что произошло со мной за этот вечер? — мягко заверяю ее, опираясь локтями на колени, слегка толкая ее плечом. Она пахнет яблоневым садом, возможно, это ее лосьон для тела. Что бы это ни было, аромат очень аппетитный.

— Правда? — спрашивает она, быстро взглянув на меня, прежде чем занять руки чаем. Чашка все еще слегка дрожит. — Я помню, ты сказал, что живешь в доме с красными цветами у входа. Я была по соседству и... подумала, что поздороваюсь.

— А раньше ты была в пабе, — она открывает рот. — Джилл, бармен, рассказала мне, — сообщаю ей.

Она закрывает глаза.

— Боже мой. Я похожа на сталкера.

— Поверь мне, ты не сталкер, — делаю паузу. — Я очень рад, что ты здесь. Если бы знал, я бы поспешил. Должно быть, ты сидишь здесь уже какое-то время.

Теперь ее щеки практически одного цвета с ее волосами. Она снова робко смотрит на меня.

— Мне нужно было набраться смелости. Так что я пошла прогуляться, прежде чем постучать в дверь, — она качает головой и стонет. — Боже, клянусь, обычно я не такая. Мне нужно идти.

Джессика ставит чашку, и та гремит на блюдце, когда чай переливается через край, затем пытается спешно подняться.

Я беру ее за руку, твердо удерживая на месте.

— Ты никуда не пойдешь, — говорю ей, — если только со мной. Останься. Пожалуйста.

Я осторожно тяну ее вниз, моя рука удерживает ее руку. Ее кожа, словно атлас, невероятно мягкая, а мышцы твердые. Интригующая комбинация.

Она смотрит в сторону кухни.

— Я не хотела ее задерживать. Когда она сказала, что тебя нет дома, я повернулась, чтобы уйти. Но она настояла, чтобы я осталась. Сказала, что не знала, что у тебя есть друзья.

Стараюсь не морщиться при этих словах.

— Уверен, она тебе все уши прожужжала.

Джессика посыпает мне мягкую улыбку.

— Она не переставала говорить о твоем кузене.

Закатываю глаза.

— Совсем не удивлен.

— А вот и я, — говорит Табита, словно знает, что мы говорили о ней, хотя она глуховата. Она несет чашку чая для меня и ставит ее передо мной с несколькими песочными печеньями на блюдце.

Я благодарю ее, и она садится на свое потрепанное кресло, прежде чем атаковать Джессику вопросами.

Рыжик относится к ним спокойно, и я понимаю, что слушаю каждое ее слово, жаждый до любой дополнительной информации о ней. В то время как она заметно напрягается и уклоняется от вопросов о своем детстве, она с радостью рассказывает о времени в Ванкувере, где она училась в университете на учителя. Но если она и мечтала стать школьным учителем, прежде чем переключилась на йогу, она не называет нам причины и основание для смены деятельности.

Я составляю список вопросов, которые хочу задать ей позже, когда мы останемся наедине, если такое случится. Но, когда мы допиваем наш чай, и Табита начинает засыпать в кресле, все мои вопросы вылетают в трубу. Все, на чем я могу сосредоточиться, это горсть веснушек на ключице Джессики, интересно, каково будет прикоснуться к ним языком. Есть в воздухе нечто такое, похожее на электричество, которое растет между нами. Я должен списать это на то, что мы находимся у меня дома, а не в баре, хотя мы все еще не одни.

— Мы должны уйти, — говорю я Джессике, помогая встать и вручая ей костыли. Голова Табиты лежит на кресле, она немного похрапывает.

Мы выходим в коридор, хотя я не уверен, куда нам следует пойти. Сейчас одиннадцать вечера, и я до сих пор не знаю, почему Джессика искала меня сегодня.

Смотрю на лестницу, ведущую к моей квартире, и поднимаю брови, глядя на Джессику.

— Хочешь подняться наверх?

— Мне не следует, — быстро говорит она и, похоже, собирается уходить, но останавливается, кусая губу, пока наблюдает за моей реакцией.

— Не следует, — повторяю я. — Только я спросил не об этом. Я спросил, хочешь ли ты, — киваю головой в сторону лестницы. — После этого чая тебе может понадобиться стаканчик на ночь. У меня есть виски.

Не хочу показаться наглым. Не хочу давить на нее. Но могу сказать, что она сомневается в том, что хочет делать, и том, что она думает, должна делать. Это две совершенно разные вещи. Один вариант может закончиться в моей постели или просто на диване за разговором. Другой заберет ее у меня, и, как я уже говорил себе, прежде чем вернулся домой, я не отпущу ее так легко.

— Виски было бы хорошо, — наконец, произносит она, застенчиво глядя на меня.

— Может помочь мне расслабиться.

— Пойдем, — говорю ей, указывая, чтобы она следовала за мной по лестнице. — Знаю, я не должен спрашивать, но тебе нужна помощь?

Она отвечает «нет», и я осторожно наблюдаю, как она легко поднимается по лестнице.

— Не знаю, как у тебя получается делать подобное с таким изяществом, — замечаю я, пока открываю дверь. Я знаю, что не должен слишком беспокоиться, потому что наружная дверь всегда заперта, но паранойя иногда берет надо мной верх.

— Ой, да ладно, — насмехается она. — Видел бы ты меня на терапии на днях.

Открываю для нее дверь.

— Ненавижу снова играть роль адвоката дьявола, но уверен, такие сеансы заставляют обыденные вещи казаться легкими, — жестом приглашаю ее в квартиру. — Добро пожаловать в мою скромную обитель.

Она входит и осматривается. Предыдущий владелец оставил большую часть мебели, множество старинных стульев и столов с сельской живописью. Несмотря на это, здесь довольно пустынно, что мне нравится. Самое лучшее, что есть здесь, темные паркетные полы и арки над дверными проемами.

Когда она молчит, я говорю ей:

— Я знаю, место маленькое и здесь мало что есть, но квартира справляется со своей задачей.

— Нет, Кейр, здесь красиво, — возражает Джессика, глаза раскрываются шире, когда она рассматривает все. Наконец, улыбается мне. — На самом деле. И она подходит тебе. Есть здесь что-то очень... не знаю, мужское что ли, во всем этом. Полная противоположность тому, что находится внизу.

— Скорее всего, потому, что я не коллекционирую фигурки черепах и не кладу кружевые салфетки на все, что есть в доме, — говорю ей, направляясь к маленькой кухне. — Присаживайся. Хочешь воды или льда для виски?

— Немного воды будет замечательно, — выбирает она, и я быстро достаю свою лучшую бутылку виски, торфянную смесь из Спейсайд^{vi}. Наполняю оба стакана и несу их в гостиную.

Мой диван маленький, из черной кожи, с деревянными ножками. Думаю, он выглядит довольно готическим, словно достался от старого аптекаря, но Джессика, сидящая на нем, заставляет его выглядеть величественным и изысканным. Она добавляет ему света, и всей комнате тоже.

— Выпьем, — говорю я ей, вручая стакан. Поднимаю свой. — За то, что ты здесь.

— За то, что ты не думаешь, будто я психопатка, — говорит она, чокаясь стаканом о мой.

— Если бы все психопаты были похожи на тебя, я бы проникал в сумасшедшие дома, — отвечаю ей. Может быть, это неправильный выбор слов - конечно, это неправильный выбор слов - потому что ее лицо бледнеет.

До того, как я успеваю что-то сказать, она простирает горло и смотрит на свой напиток, покручивая бокал с янтарной жидкостью.

— Я... думаю, я должна рассказать тебе истинную причину, почему пришла сюда.

Мой пульс ускоряется. Она знает обо мне? В курсе, что я знал Льюиса Смита, человека, который сделал это с ней?

— И что это за причина? — с беспокойством спрашиваю я, пот выступает у меня на лбу. Мне необходимо открыть окно.

— Мне надо признаться кое в чем, — тихо произносит она.

Я поднимаю голову, мой пульс замедляется.

— Признаться?

Она кивает и робко смотрит на меня. О чем бы она не собиралась рассказать, могу сказать, что это тяготит ее.

— Я знаю, мы не знаем друг друга.

— Тебе пора перестать говорить так.

— Но даже в этом случае, я солгала тебе, и мне нужно во всем сознаться.

Господи, дай мне смелости сделать то же самое.

Я с трудом сглатываю.

— О чем ты? Тебя зовут не Джессика? На самом деле у тебя есть парень?

— Нет. Все было правдой. За исключением одной маленькой детали, — она стучит костяшками по костылю. — Как я сломала ногу. Понимаешь, это была не забавная сексуальная авантюра. Боже, да я вспомнить не могу, когда в последний раз у меня было сексуальное приключение или вообще какое-то приключение, — она криво улыбается. — Прости. Это было из эпизода «Друзья». Нет, правда в том, что не было странной сцены в ванной, и моя нога на самом деле не сломана. Больше похоже на... взрыв.

— Взрыв? — мой голос едва громче шепота.

Она медленно кивает.

— Да. Уверена, ты слышал об этом. В прошлом месяце в Лондоне была стрельба, — она замолкает. Ожидает, что я скажу «это ты?» Или что-то в этом роде, но я не могу набраться сил, чтобы изобразить удивление. — Террорист, не какой-то радикальный мусульманин, как многие думают, когда говоришь о таком, а местный английский парнишка, озверел. Начал стрелять в людей. Несколько человек умерли. Многие пострадали. Я была одной из тех счастливчиков, кто избежал смерти.

— Ты чувствуешь, что тебе повезло? — спрашиваю я, зная, что она ожидает другой реакции.

Она качает головой, в глазах стоят слезы.

— Нет. Не чувствую. Я чувствую себя ужасно. Я знаю, все могло быть хуже, каждый день пытаюсь напоминать себе об этом. Я могла потерять ногу. Потерять обе ноги. У меня могла быть травма мозга. Я могла умереть. Если думать так, то я знаю, что мне повезло. Но тяжело видеть в этом счастливое событие.

Она откидывается на спинку дивана, и я практически чувствую облегчение, исходящее от нее. Она сняла этот груз с плеч. Я завидую. Охрененно завидую ей.

Сделав глоток виски, она с любопытством смотрит на меня.

— Ты не удивлен тем, что услышал. Имею в виду, большинство людей, как правило, немного шокированы тем, что в меня стрелял террорист, но ты относишься к этому спокойно. Ты можешь показывать свою реакцию. Я не против.

— Я знал, — говорю я.

Она выпрямляется.

— Что?

— Я знал, кто ты. Не тогда, когда встретил тебя, но вскоре после этого. Когда пришла твоя сестра и упомянула группу поддержки, тогда все и сложилось.

— Ты знал, — шепчет Джессика. Жует губу, и посыает мне умоляющий взгляд. — Почему ты ничего не сказал? Зачем позволил мне врать?

Я пожимаю плечами, пытаясь подыграть.

— Тебе нужна была ложь. И я хотел позволить тебе быть той, кем ты должна была быть рядом со мной. Честность и доверие, они не приходят легко. И не всегда данность. Я решил, что ты скажешь мне правду, когда будешь готова. Я действительно чертовски рад, что ты это сделала.

Пару секунд ее подбородок дрожит, затем она отводит взгляд. Я растеряюсь, если она расплачется передо мной.

Она делает глубокий вдох и беспокойно потирает ладони о бедра, платье поднимается, показывая намек на ее бледные бедра. Я должен отвести взгляд. Есть в ней сейчас что-то очень эротичное, и мои чувства совершенно неуместны.

— Ну, тогда, спасибо тебе, — тихо говорит она. — За понимание. Не знаю, почему я соврала. Или, полагаю, знаю. Просто я так устала от людей, которые смотрят на меня с жалостью. А если не с жалостью, то с какой-то нездоровой гордостью. Словно мир знает, кто я, и будто я его собственность. Полагаю, вот он, истинный признак того, насколько могущественны средства массовой информации. Не то чтобы ко мне подходили люди, или нечто такое, но они, определенно, узнают меня. А я не хочу жалости и не хочу, чтоб мной гордились и ставили на пьедестал.

— Но ты знаешь, что это нормально, дать им чувствовать себя именно так. Ты не можешь изменить чьи-то чувства, особенно незнакомых тебе людей. Они смотрят на тебя именно так, потому что ты показала людям, как подняться и упорно добиваться своего. Ты их вдохновляешь.

— Но я не хочу этого! — резко отвечает она. — Я никогда об этом не просила. Я вообще не делала ничего особенного. Всего лишь оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. Меня подстрелили. Я выжила. Сделала то, что сделал бы любой другой. Я не герой. Герой бы остановил Льюиса Смита. А я лишь приняла его пулью. Я никого не спасла, даже себя не спасла.

При упоминании имени Льюиса мое сердце падает.

— Прости, — повторяет она, хмуря лоб и выпуская стон. — Прости, прости, прости. Извини за все эти дни.

— Эй, — тихо говорю я, кладя руку на ее, чтобы она перестала волноваться. — Все нормально. Можешь извиняться или можешь вообще не извиняться. В любом случае, я поддержу тебя.

Она хмурится, намек на недоверчивую улыбку появляется на ее губах

— Почему ты так добр ко мне, Кейр МакГрегор?

— Не знаю, — осторожно говорю ей. — Просто знаю, что значит, не чувствовать себя хорошо.

— Не чувствовать себя хорошо?

Я не хочу, чтобы все стало слишком личным. Я не должен открывать слишком много. Я не такой смелый, как она.

— Иногда... в наших сердцах идет война. Мы разрываемся в двух направлениях. То, как мы себя чувствуем, и то, как мы должны себя чувствовать. Редко такие чувства вступают в союз. Битва продолжается. Я знаю, что значит стоять посреди этого поля битвы и не знать, какую сторону принять,

Ее губы слегка приоткрываются, шок красной вишни на белом фоне. Интересно, каково было бы поцеловать ее. Интересно, могу ли я, следует ли мне. Если это еще одна война, я не уверен, как победить.

Я резко встаю, убираю руку с ее руки.

— Извини, — спешно бормочу я, направляясь в туалет. Оказавшись внутри, я закрываю дверь и, глубоко дыша, прижимаюсь лбом к зеркалу.

Будет нелегко, но я знаю, что должен делать. Я знаю, это не может продолжаться. Мне нужно все прояснить, как это сделала она. Расскажи ей все. Сделайте это сейчас, прежде чем ситуация зайдет слишком далеко, прежде чем что-нибудь случится между нами. Она, возможно, даже сможет понять.

Но я не хочу говорить ей правду. И я выбираю эту сторону, на все сто процентов. Я не могу провести все свое время с ней, проживая эту войну внутри, обсуждая, когда и где скажу ей то, что должен.

В истине есть только вред. Она освободит мою вину, но заставит Джессику чувствовать себя скомпрометированной. Разрушит ее доверие ко мне, а у меня такое чувство, что она редко кому доверяет, и мне в этом повезло.

Поэтому я хороню все эти мысли в себе. И могу лишь надеяться, что они останутся там.

Глава 6

Джессика

В тот миг, когда Кейр исчезает в туалете, я шумно выдыхаю, словно снова задерживаю дыхание. Только мое тело не напряжено, есть нечто еще, что-то более глубокое.

Он знал. Чертов мужчина знал, что все это время я врала. Конечно, оглядываясь назад, я понимаю, что это было очевидно. То, как он не обращал внимания на мои промахи. Не настаивал, пытаясь выяснить больше информации. Он знал и позволял мне понять, кем я должна быть.

Я могла бы поцеловать его за это. Вероятно, так и следовало бы сделать. Затем он произнес эту проникновенную речь о том, что его сердце является полем битвы (куда более душераздирающе, чем Пэт Бенатар), и встал, чтобы спешно уйти в ванную.

Теперь я сижу здесь, недоумевая. Последнее, что я хотела сделать, это отпугнуть его. Он все отлично понимает, учитывая, что я - девушка, которая в прямом смысле слова отправилась в его любимый бар, чтобы отыскать его, а затем, когда не нашла, выяснила его адрес по нескольким ориентирам, час бродила по окрестностям, пытаясь успокоиться. Которая зашла так далеко, что очутилась в гостиной его арендодательницы за чаем. Не говоря уже о том, что я призналась в довольно серьезном вранье.

Что заставляет меня задуматься, сказал бы он что-то, если бы я не призналась. Как долго он собирался позволить всему идти своим чередом? Я сижу здесь в его спартанской квартире лишь потому, что искала Кейра. Если бы я этого не сделала, увидела бы я его снова? Полагаю, мяч всегда был на моей стороне поля с тех пор, как я отклонила его приглашение на ужин.

Теперь у него не может сложиться ложное впечатление. Честно говоря, я не совсем уверена, чего ожидала от сегодняшнего вечера. Первоначально я думала, что увижу его в баре и скажу правду, а потом, если бы мне повезло, узнала бы, в силе ли приглашение на ужин. Я не ожидала, что окажусь у него дома и буду пить виски.

И теперь, когда я здесь, не уверена, что делать дальше. Все, что сказала ему, все еще актуально. Я не хочу отношений. Я слишком разбита, чтобы связываться с кем-то. Мои демоны возьмут надо мной верх и уничтожат нас обоих.

Хотя у него тоже есть демоны. Ты видела их в его глазах, буквально недавно. Он слишком хорошо понимает тебя, чтобы жить без них.

Это правда. Есть в Кейре нечто темное и поврежденное, что похоронено глубоко внутри. Он скрывает боль в тени своей души. Теперь я вижу. Но кто будет платить, когда наши демоны выйдут, чтобы поиграть друг с другом? Если я чему-то и научилась, так это тому, что минус на минус не всегда плюс, и поэтому два испорченных человека никогда не смогут быть чем-то хорошим.

Но вот секс. Секс - это совсем другое дело. По-своему ужасающее по многим причинам, но такое далекое от всего, что могло бы причинить мне боль.

Правда в том, что когда я рядом с ним, я чувствую, что мое тело оживает так, как я не ощущала уже долгое время. Я не помню, когда в последний раз чувствовала удовольствие, в какой бы то ни было форме. Мое тело обернулось против меня. Все всегда причиняет боль. Ничто не ощущается правильно.

А я хочу этого. Я хочу чувствовать себя хорошо. Никакой боли, просто желание. Я хочу уступить человеку, который возьмет на себя ответственность и защитит меня, кто будет думать за меня и позволит мне просто чувствовать. Я ощущала его руки на своей коже, я знаю, в нем есть грубость, я знаю, он мужчина, который мог бы дать мне именно то, что я хочу.

Но я боюсь. Я новичок в этом, у меня никогда не было подобного. Последний раз, когда я занималась сексом с Марком... ну, я не хочу об этом думать. Но это было

несколько месяцев назад. И до этого прошло несколько месяцев. А до него я ни с кем не встречалась. Слишком много багажа прошлого, слишком много прицуд и страхов, которые мешали мне сблизиться с мужчинами. Я могу посчитать своих сексуальных партнеров по пальцам одной руки.

Есть в Кейре нечто такое, что очаровывает меня, заставляет чувствовать себя в безопасности. И тот факт, что он великолепен, красив и, несомненно, мужественен, заставляет меня почувствовать возбуждение лишь при мысли о сексе с ним (и когда, черт побери, мое тело чувствовало подобное в последний раз?), является лишь частью этого уравнения. Если бы я не доверяла ему, меня бы здесь не было.

«И что именно ты делаешь?» — спрашиваю себя. Смотрю на ванную, размышая, в порядке ли он или я сделала что-то не так. Вероятно, мне стоит пойти.

Допиваю остатки виски, горло горит, когда жидкость течёт по нему, а затем встаю с дивана.

В это время дверь ванной распахивается, и он выходит, странный огонь в его взгляде.

— Думаю, мне пора, — говорю ему, но слова затихают, когда он приближается. Выражение его лица — зеленые глаза, сверкающие, словно камни, напряженная челюсть — заставляет меня замолчать.

— Ты никуда не пойдёшь, — отвечает он. — Сядь. Я принесу тебе еще выпить.

— Становится поздно, — слабо возражаю я, но все равно сажусь, ощущая вспышку боли в ноге.

— Тебе нужно что-то от боли? — спрашивает он, замечая, как я вздрагиваю.

— Виски поможет, — быстро говорю я, не желая, чтобы он суетился. — Но я, правда, должна идти.

— Почему? — спрашивает Кейр с кухни. Я слышу, как он открывает бутылку и всплеск жидкости в стакане. — Где ты должна быть?

Мне необходима минута, чтобы подумать об этом. Он подходит и протягивает стакан.

— Я не буду удерживать тебя, если ты не хочешь находиться здесь. Но если ты хочешь, не надо оправдываться.

Я беру у него стакан, осторожно держа его в руке. Он стоит надо мной, словно массивная стена, ожидая какого-то ответа.

— Я просто... — начинаю я. — Я... — делаю глоток для храбрости. Проглатываю.

— Я не очень хороша в этом.

— Хороша в чем?

— В... этом. Общении с мужчиной.

Когда он ничего не говорит в ответ, я смотрю на него. У него на лице необычная улыбка, брови подняты.

— Ты называешь это «общаться с мужчиной»?

Прочищаю горло, ощущая, как начинаю краснеть.

— В смысле. Я говорила тебе раньше...

— Да, что ты не ввязываешься в отношения и не занимаешься сексом.

— Я никогда не говорила, что не занимаюсь сексом, — быстро напоминаю я.

Он, не отрываясь, смотрит на меня.

— Тогда о чём ты? Что ты боишься сказать?

Внезапно мне хочется убежать, и я знаю, он видит это, потому что указывает на меня и говорит:

— Не смей снова говорить, что тебе нужно идти. Я хочу, чтоб ты вернулась к тому, что сказала, будто не очень хороша в чем-то. О чём речь? О нас? Нет ничего таинственного между мной и тобой, Джессика. Ты отлично знаешь, что я чувствую.

Шокировано смотрю на него.

— Знаю? Откуда?

Он нетерпеливо смотрит на меня.

— Я пригласил тебя на ужин, а ты отказалась.

— Но потом ты сказал, просто как друзья.

— И я это и имел в виду. Но есть разные типы друзей. И тебе решать, к какому типу относимся мы.

Со стуком ставлю свой напиток.

— Господи, — и теперь у меня горит не только лицо, а все тело, с ног до головы.

— Ты горишь, Рыжик, — говорит он, его взгляд, скользящий по мне, такой голодный, что я почти чувствую его кожей. — Должен сказать, мне это нравится. Ты выглядишь горячей и взволнованной.

— Снова двусмысленность, — комментирую я, но мой голос едва слышен.

— Нет, на этот раз никакой двусмысленности. Сегодня вечером ты искала меня не потому, что хотела сделать признание, а потому, что тебе что-то надо от меня. Что именно? Что ты хочешь от меня? Что ты думаешь, я могу дать тебе?

Боже. Это так чрезвычайно нервирует. Его слова проходят сквозь меня, его глаза срывают слои, пытаясь добраться до чего-то, в чем я сама не уверена.

Если я солгу, он поймет. С ним я могу говорить лишь правду.

— Я хочу... — делаю глубокий вдох, отводя глаза. — Мне нужна... компания.

— Компания? — удивленно спрашивает он.

Я киваю.

— Это правда. Я одинока. И боюсь. И я устала от того и другого. Я хочу быть с кем-то, кто заставляет меня забыть, кто я. Ты заставляешь меня чувствовать себя отважной, а я не думала, это возможно.

Вот она. Правда. Большая часть. Она висит в воздухе, сгущая напряжение.

Он садится рядом со мной и пьет виски.

— Bay, — произносит он, проводя рукой по бороде на челюсти. — А я-то думал, тебе нужен мой член.

Я начинаю смеяться. Как и он, удивительный звук. Напряжение в комнате ослабевает.

— Прости, — говорю ему, когда удается восстановить дыхание. — Полагаю, это может значить одно и то же.

Кейр ненадолго прикусывает губу, в глазах появляется похоть.

— Если ты этого хочешь. — Несколько минут мы смотрим друг на друга. Затем он отводит взгляд и говорит: — Почему бы тебе не остаться?

И вот она. Возможность узнать, каково будет ощущать эти полные губы на моих, какова на вкус его кожа.

— Не уверена, что готова... — думаю о ноге в гипсе, о том, как я, должно быть, выгляжу обнаженной, такая опустошенная и неухоженная, думаю о том, что боюсь быть с ним настоящей и уязвимой в другом смысле.

— Нам не обязательно трахаться, — поясняет он, и от того, как он говорит «трахаться», мой живот ухает вниз, его хриплый акцент заставляет слово звучать абсолютно непристойно. — Это означает, что ты просто можешь остаться. Для компании. Моя кровать достаточно большая для нас двоих. Обещаю, я не притронусь к тебе, если ты не попросишь.

— А если я попрошу тебя?

Его взгляд становится чувственным, опускаясь к моим губам.

— Я сделаю все, что ты хочешь. Просто скажи, Рыжик. Хочешь, чтобы я поцелуем убрал вкус виски с твоих губ, я сделаю это. Хочешь, чтобы я скользнул пальцами между твоих ног, я тоже это сделаю. Я в твоем полном распоряжении, каждый мой дюйм.

Bay. От таких слов я теряю дар речи. Уже практически ощущая его между ног. Мое тело в огне.

«Время идти, — голос говорит мне. — Поставь напиток, вызови такси и иди. Он поймет, что ты не готова».

Но готова или нет, я не хочу слушать голос. Я никогда не была ни к чему готова, так зачем начинать сейчас?

— Хорошо, — медленно говорю ему. — С удовольствием. Я о той части, где ты сказал просто осться. Но запомню и остальное.

Он кивает, откидываясь назад, рука вытянута на спинке дивана позади меня. Как было бы легко просто облокотиться назад и позволить ему обнять меня, крепко удерживая на месте.

Тем не менее, это немного раскачало бы лодку, тогда как я просто согласилась осться на ночь.

— Мне не в чем спать, — сообщаю ему, и теперь осознаю, что у меня нет зубной щетки, дезодоранта или чего-то еще важного.

— Спи голой.

— Ты бы этого хотел.

— Да, хотел бы. Хотя тогда не прикасаться к тебе станет намного сложнее. Послушай, у меня есть футболка, которую ты можешь надеть. И лишняя зубная щетка. Я покупаю их упаковками.

— Всегда готов?

— Именно, — он поворачивает свой бокал, наблюдая за мной. — Так, сейчас уже поздно, и скажи, завтра тебе надо вставать рано или я могу сделать тебе завтрак?

— Завтра вечером у меня встреча, но до этого ничего. Хотя, полагаю, мне стоит написать Кристине и сообщить, где я.

Пока я вынимаю свой телефон, он спрашивает:

— Она часто беспокоится о тебе? Я имею в виду, до происшествия.

Качаю головой.

— Нет. Все было совсем наоборот.

— Понятно. А что за встреча?

Морщусь, пытаясь взглядом извиниться.

— Это группа поддержки ПТСР и подобных. Круг людей. Я хотела начать поправляться как можно скорее.

На его губах мрачная улыбка.

— Для этого требует много мужества. Признаться, что тебе нужна помощь, а затем получить ее.

Быстро печатаю сообщение сестре и киваю.

— Да. Но опять же, я не чувствую смелости. В половине случаев я ничего не чувствую.

— Тогда нам нужно изменить это, — говорит он, и резкий тон его голоса сообщает мне, что он точно знает, как это сделать.

Внезапно я начинаю нервничать. Все нервные окончания на теле оживают, меня словно накрывает волной крошечных иголок, а затем я покрываюсь холодным потом.

Кейр указывает на мой стакан.

— Допивай. Пока не передумала.

— Не передумую, — отвечаю я, и залпом допиваю напиток, кашляя в локоть. По крайней мере, боль в ноге утихла.

Мой телефон издает звук, и я смотрю на него.

Кристина написала: «Что? Ты серьезно? Ты не знаешь этого парня! Это небезопасно. Тебе нужно вернуться домой».

— Даже после такого сообщения? — спрашивает Кейр, глядя мне через плечо, чтобы прочитать его.

Убираю от него телефон.

— Даже после него.

Отвечаю сестре: «Мне тридцать, и я ему доверяю. Позволь мне жить своей жизнью. Я позову тебе завтра. Доброй ночи». Затем отключаю телефон.

И вот так начинается немного неудобный процесс подготовки ко сну в незнакомом доме с мужчиной, которого вы находитте ужасно привлекательным, но все еще не очень хорошо это понимаете. Добавьте тот факт, что вы на костылях, и у вас гипс, и это определенно не самая простая и спокойная ночевка вне дома, которая у меня была.

Но Кейр делает все, чтобы я чувствовала себя комфортно. Он дает мне поношенную футболку с эмблемой Guns N' Roses, которая висит на мне, как ночнушка, и, пока я в ванной снимаю макияж и чищу зубы, он делает кровать более удобной.

Как и остальная часть его квартиры, спальня скучно обставлена: лишь большая кровать и комод из тикового дерева. Никакого намека на его личность и никаких личных вещей. Широкие окна выходят в сад, и свежий морской бриз проникает сквозь щелочку, заставляя кровать выглядеть еще более привлекательной.

— Нужна помощь, чтобы забраться? — спрашивает он, стоя на другой стороне кровати. Я нахожу вопиюще несправедливым то, что он все еще одет в рубашку и джинсы, в то время как я почти голая.

Смотрю на него.

— Я могу справиться сама.

— Я знаю, — терпеливо говорит он, — но ты спиши с поднятой ногой? Прошло время с тех пор, как я ломал кости. Тебе нужна подушка? Тебе нужны подушки, — он выходит в коридор, и я слышу, как он роется в бельевом шкафу.

— Я в порядке, — заверяю его, но он уже возвращается с тремя подушками в руке.

— Я не врач, но знаю, как это работает, — замечает он. — Забирайся в кровать.

— Сэр, так точно, сэр, — говорю я ему, будто он сержант армии.

Кажется, ему это не нравится.

— Просто залезай, — говорит он, откидывая серые простыни.

Ладно, вернемся к неловкости. Как лечь в кровать, не показывая ему свое нижнее белье? На это требуется нескольких попыток.

Он все время с иронией наблюдает за мной. Наконец, я оказываюсь в постели, и он берет в руки мой гипс. Я почти чувствую жар ладоней сквозь гипс. То, как он обращается с моей ногой, заставляет меня испытать то, что я не могу описать. Словно какие-то крошечные нити над моим сердцем рвутся одна за другой. Я уязвима как никогда, и под его полным контролем.

— Симпатичные трусики, — говорит он, подкладывая подушки.

И от этих слов я начинаю сходить с ума еще больше.

Я резко опускаю руки, пытаясь потянуть футболку, но безрезультатно. Боже мой, я даже не знаю, когда в последний раз использовала воск. Двигаю здоровую ногу ближе к другой, закрываясь от его взгляда.

— Дразнишься, — игриво бормочет он, затем осматривает свою башню с подушками. — Все хорошо?

— Да, — тихо говорю я.

Он подходит к своей стороне кровати, и я ожидаю, что он выключит свою прикроватную лампу, прежде чем начнет раздеваться, но, к моему шоку, он хватает край рубашки и стягивает ее через голову.

Кажется, все происходит в замедленном темпе. Неторопливая демонстрация снизу вверх, сначала V его бедер опускающаяся под пояс брюк, затем дорожка тонких волос, ведущих от плоского живота вниз. Отдельные части его каменного пресса — один, два, три, четыре, пять, шесть кубиков. Затем его грудь: широкая, массивная и твердая, как скала, ведущая к могучим плечам. Его бицепсы слишком велики, чтобы можно было обнять их. А предплечья восхитительно крупные и испещрены жилками, как и прежде, но теперь, когда я вижу остальное его тело выше пояса, я понимаю, что они подходят к нему.

Блин.

Этот мужчина создан для того, чтобы сражаться.

И вот тогда я обнаруживаю одну из его секретных татуировок. Латинские слова нацарапаны на груди похожим на средневековый шрифтом: *Nec Aspera Terrent*^{vii}.

Затем он немного поворачивается, чтобы бросить свою рубашку поверх комода, и я вижу то, что не ожидала увидеть. Большой рубец на левом боку. Вся область, от ребер до бедер, усеяна толстыми рубцами, как белыми, так и слегка розоватыми.

Не хочу спрашивать, что случилось, и прежде чем у меня появляется шанс передумать, он начинает снимать штаны, привлекая мое внимание к другому месту.

Его джинсы с легкостью скользят вниз, и он стоит в синих боксерах, обтягивающих мускулистые квадрицепсы и чудовищно большую выпуклость.

До сих пор он избегал смотреть мне в глаза, хотя он знает, что я пялюсь на него, как какая-то озабоченная девочка-подросток, но теперь он глядит на меня.

— Ты, наконец-то нашла мои татуировки, — говорит он. — Хорошо рассмотрела?

Татуировки? И затем я замечаю большой, мастерски затемнённый парусник: старинное судно с рваными парусами и воронами, летающими вокруг.

Точно. Татуировки. Вот на что я смотрела. А не на то, что в его трусах.

— Красивая, — тихо говорю я, хотя голос дрожит. — Имею в виду, они хороши, — делаю пометку позже расспросить его о них, посмотреть поближе, но сейчас я должна отвести взгляд.

Я тут же поворачиваю голову, закрываю глаза и делаю вид, что пытаюсь уснуть.

— Тебе нужно от меня что-то ещё? — хрипло спрашивает он. — До того, как я погашу свет?

Да, чтоб ты не снимал белье. Не уверена, что сделаю, если эта штуковина уткнется в меня посреди ночи.

— Все хорошо, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал сонно.

— Хорошо, — говорит он, и я сопротивляюсь искушению взглянуть на него в последний раз, прежде чем он выключит свет. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — отвечаю я.

Комната становится черной, за исключением луны, светящей через окно. Через некоторое время я вижу его силуэт, лежащий рядом со мной, его дыхание становится все тяжелее с каждой минутой. Впервые с момента происшествия я сплю не одна. Впервые чувствую себя в безопасности.

Есть в этом близость, которую я никогда не предвидела. Просто деля кровать, ночь, разделяя сны и ужасы, которые могут прийти. Часть меня жаждет протянуть руку и коснуться его кожи, попросить его прикоснуться ко мне. Почувствовать его, всего его, каждым дюймом, который у меня есть.

Это было бы так легко.

И так хорошо.

Я засыпаю с рукой, протянутой в его сторону.

Глава 7

Кейр

Я сижу в грязной комнате с картами на стенах и одним столом посередине. На нем стоит радио. И микрофон с песком по краям, покрывшийся коркой.

Я никогда раньше не был в этой комнате. Она зарезервирована не для меня. А для тех, кто держится позади и получает входящие звонки, информацию о рейдах, бомбах, жертвах. Они диктуют, а другие сражаются

Но теперь я здесь и я один.

Звонят разведывательные группы.

Им нужна поддержка. Они нуждаются в подстраховке.

В рации раздается стрельба.

А я ничего не могу сделать.

Массовый хаос. Массовая смерть вокруг меня. На расстоянии я слышу их крики, их просьбы:

— Помоги, Кейр, помоги нам.

Моих друзей, моих людей убивают, и я ничего не могу сделать

Затем комната погружается во тьму. Солнце чернеет.

Волоски на затылке встают дыбом, когда температура падает, как всегда бывает ночью. Почти мороз.

Затем крики прекращаются.

Лишь тишина.

Но никакого облегчения.

Потому что я знаю, люди мертвые.

И в комнате со мной есть кто-то еще.

Я не вижу его, но слышу. Его рваное дыхание.

Льюис.

— Не могу больше терпеть это, — шепчет он, и его голос звучит словно радио, то обрывается, то слышится снова. — Почему люди не понимают, что они наделали? Эта война была оплачена за счет их налогов, они заплатили за эту смерть. Они виноваты в этом так же, как и мы.

Я пытаюсь сказать Льюису, что это часть работы, часть игры, что так всегда было, мы знали, на что подписались, каждый из нас.

Но эти слова для него словно пустой звук, как и раньше.

— Здесь нет плохих парней, — продолжает он. — Нет хороших. Просто куча бедолаг, пытающихся остаться в живых, убивая друг друга. Лучшее, на что можно надеяться, что выживешь и увидишь другой день. Но какой это будет день? В чем смысл всего этого страдания? — длинная пауза. — Теперь они здесь.

Несмотря на то, что уже и так темно, тени появляются в углах комнаты.

— Они забрали мужчин, которых ты должен был защитить, теперь они идут за тобой.

Тени приближаются. Я знаю, что должен делать. Меня отлично обучили.

Мое тело готово бежать.

— Ты никого не можешь защитить, — шепчет Льюис мне на ухо. — Не себя, ни ее. Ни от меня. Ущерб уже нанесен. Ты потерял ее еще до того, как даже начал бороться.

Бомба взрывается передо мной, белый горячий ужас.

Я сажусь и хватаю ртом воздух, словно тону, а затем спрыгиваю с кровати, бегая по комнате, пытаясь найти винтовку, оружие, чтобы сражаться.

Мне необходимо жить.

— Кейр, — сквозь затуманенное сознание пробивается тихий, испуганный голос.

Оружия нет, но вокруг меня солдаты, я вижу их тени.

Я бросаюсь к одному, собираюсь разорвать его на части, когда мои руки ударяют комод.

— Кейр, пожалуйста, что такое? Что случилось?

Наполненный паникой голос Джессики прорывается сквозь мои мысли. Джессика.

Я замираю, глядя на открытый ящик, пальцы сжимаются вокруг ручки. Я моргаю, привыкая к темноте, в комнате виден лишь слабый свет от луны.

Джессика сидит на моей кровати, опираясь на руки, в глазах отражается страх.

— Я в порядке, — хриплю я. — Все нормально. Кошмар. Просто чертов ночной кошмар.

— Ты уверен? Я подумала... — она замолкает, и я слышу страх в ее голосе. Чтоб меня. Я, наверное, до чертиков напугал ее.

— Прости, — говорю я, все еще пытаясь отдышаться. Последнее, чего я хочу, чтобы она стала свидетелем моих ночных кошмаров. В тот момент, когда она согласилась остаться, мне даже не пришло в голову подумать об этом. Я принял решение забыть о прошлом.

Но у прошлого есть свои способы, как прокрасться, пока ты спишь, погружая тебя во мрак.

— Правда, я в порядке, — говорю ей. — Сейчас, принесу немного воды. — Я выхожу из спальни на кухню, где зелено-голубые часы на микроволновке говорят мне, что сейчас четыре утра. По крайней мере, нет необходимости спать всю ночь, потому что нет ни единого шанса, что мне удастся уснуть после такого.

Залпом выпиваю стакан воды и наполняю один для неё, затем несу его в спальню.

Она все ещё сидит и смотрит на меня в темноте.

— Вот, — говорю я, ставя стакан рядом с ней. — Выпей немного воды и ложись спать, — словно это она проснулась, бегая по комнате в поисках оружия.

— Хочешь поговорить об этом? — мягко спрашивает она, когда я забираюсь обратно в кровать.

— Это был всего лишь сон, — заверяю ее. — Не надо было пить столько чая перед сном, — добавляю я, пытаясь казаться убедительным. — Из-за него мне снятся кошмары.

— А, — говорит она.

— Сможешь снова заснуть? — спрашиваю ее, почти надеясь, что она скажет «нет», что она останется со мной, и мне не придется мучаться в темноте в одиночку.

Но она говорит:

— Ага. Кровать очень удобная.

Улыбаюсь ей в темноте.

— Тогда еще раз спокойной ночи.

— Не возражаешь, если я приму душ?

Я поворачиваю голову и вижу Джессику, стоящую в дверях спальни на костылях, она зевает и чешет голову. С утренним светом, льющим через окна, ее волосы похожи на один огненный венец.

— Конечно, нет, — отвечаю я. — Хорошо спала? — надеюсь, она не станет упоминать, или вообще не вспомнит, что случилось прошлой ночью. Я не мог спать после своего маленького инцидента. Так что взял книгу, пошел в гостиную и с тех пор почти не двигался.

— Вообще-то, да, — говорит она, немного улыбаясь. Ее глаза яркие и прекрасные без макияжа. — Не хотела спать так долго, но это просто... наверное, лучший сон, который у меня был в течение длительного времени.

От этого признания у меня теплеет на душе, а сердце словно увеличивается в

размерах. Моя кровать дала мне так мало комфорта, ей же удалось получить гораздо больше.

— Хорошо, — говорю ей. — Под раковиной есть дополнительные полотенца. Я начну готовить завтрак, — встаю со стула и вытягиваю руки над головой. — Какие-то пожелания?

Когда я поднял руки, моя футболка задралась на несколько дюймов, и Джессика пристально смотрит на мой живот. С этого ракурса я знаю, она видит мой пресс, а не кучу шрамов на боку.

Затем она отводит глаза, и немного краснеет.

— Все что угодно. Я не привереда. Яйца вполне сгодятся.

— Хлеб?

— Он без глютена?

Опускаю руки и ухмыляюсь.

— Ты на безглютеновой диете?

Она пожимает плечами.

— Больше похоже на палеолитическую^{viii}. Натуральные и органические продукты. Что-то в этом роде.

— Но ты пьёшь пиво, это как-то не вяжется с диетой.

Она пару секунд жует губу, а потом дерзко смотрит на меня.

— Это моя слабость.

— Ты не очень-то умеешь контролировать ее. Есть другие пороки, о которых мне необходимо знать?

Моему это хотелось бы верить, что в ее глазах отражается нечто горячее и беспокойное, словно она размышляет о том, что я мог бы оказаться ее пороком. Я, конечно, не против.

— Только пиво, — говорит она. — И мужчины, похожие на Джеральда Батлера.

Затем она уходит в ванную, бросая на меня застенчивый взгляд через плечо, прежде чем закрыть за собой дверь.

Что ж, черт побери. Полагаю, я мог бы стать ее слабостью. Я давно не слышал этого сравнения, но согласен на него.

Я направляюсь на кухню и начинаю готовить завтрак, неспособный удержаться и не улыбаться, как дурак. Ночные ужасы ушли, она понятия не имеет, как тяжело было спать рядом с ней всю ночь и не прикасаться. Но гипс, приносящий чувство уязвимости, напомнил мне, что мяч был на ее половине поля. Наверное, я мог повести себя более нахально, но сперва я планирую быть джентльменом, а позже, если потребуется, животным.

И я чертовски надеюсь, что потребуется.

К тому времени, как она выходит из душа - на голове полотенце, лицо раскраснелось - завтрак уже готов. Она надевает зеленое платье, в котором была вчера, но без кардигана, демонстрирующее ее подтянутые руки. Мне хочется соединить языкок веснушки на ее ключице и более бледные точки на плечах, они одинаково соблазнительны.

— Выглядит потрясающе. Тебе не стоило так стараться, — говорит она, беря кофейник и наполняя чашку. На столе картофельные оладьи из сладкого картофеля, бекон, колбаса, жареные грибы и помидоры, а также жареные яйца - типичный шотландский завтрак.

— Определенно стоило, — отвечаю я, садясь напротив за крошечный дубовый стол, переполненный пищей. — Если бы тебя здесь не было, я бы, как обычно, просто стоял над раковиной и пил йогурт прямо из бутылки. Кстати, он тебе нужен?

Она качает головой.

— Я не ем молочные продукты.

— Молочка - нет, пиво - да...

— Я противоречивая женщина, — просто говорит она, отпивая кофе. Закрывает глаза от удовольствия, делая глубокий вдох через нос. — Божественный вкус.

«Бьюсь об заклад, ты на вкус такая же», — думаю я, а стояк, которого я старался не допустить с тех пор, как она вышла из ванной, теперь распирает брюки.

Я делаю глубокий вдох и вместо этого решаю сосредоточиться на еде. То, как она ест, гипнотизирует. Этот широкий, пышный рот и удовольствие, с которым она смакует еду. Знаю, я мог бы заставить ее чувствовать себя так же хорошо, если не намного лучше, лишь с помощью рук.

Она накалывает на вилку кусочек картофеля и окунает его в желток, жест выходит практически чувственным.

Ёрзаю на стуле, прочищая горло.

— Так когда тебе снимут гипс?

Она перестает жевать, ее глаза расширяются, как будто все это становится для нее шоком. Ей удается проглотить и сказать:

— О, вообще-то завтра.

— Волнуешься?

Она рассеянно начинает гонять картошку по тарелке.

— Может быть? Не знаю. Я так привыкла к гипсу...

— Это, должно быть, облегчение, — предполагаю я.

Она кивает.

— Да. Но и неизвестность. Знаешь, это последняя часть. Все. После этого больше никаких мечтаний.

С любопытством смотрю на неё.

— Что ты имеешь в виду?

— В смысле, сейчас у меня есть гипс, и я могу представлять, каково это, жить без него. Могу притворяться, что моя нога выглядит так же, как и всегда, что я смогу ходить и бегать точно так же, как и раньше. Я имею право притворяться, что у меня есть ложная надежда, что все снова станет нормальным, — она делает паузу и хмурится. — Завтра наступит реальность. Завтра, когда гипс исчезнет, моя нога останется искалеченной, а ходить будет еще сложнее, чем без гипса... это меня пугает. Потому что все. После этого больше нет надежды.

Мне больно слышать, что она говорит так негативно, хотя я чувствую, что я единственный человек, с которым она позволяет себе быть такой пессимисткой.

— Но ты же знаешь, физическая терапия требует времени, сначала ты не сможешь ходить как раньше, но, в конце концов, станешь как новенькая. И ты всегда можешь сделать пластическую операцию на ноге, убрать шрамы, если от этого почувствуешь себя лучше.

— Могу, да, — осторожно говорит она, ее глаза встречаются с моими. — Я видела твои шрамы на боку. Почему ты их не исправил?

Я на мгновение замираю. Потом вспоминаю, что надо дышать.

— Потому что они недостаточно беспокоят меня, — признаюсь я. — Они напоминают мне, кто я, хочу я этого или нет. Кажется неправильным скрывать их. Словно это слишком легко.

— Вот и я чувствую то же самое, — отвечает она. Делает глубокий вдох, и я знаю, сейчас задаст вопрос. — Что произошло?

Резко качаю головой и занимаюсь куском бекона.

— Длинная история.

Ее ясные глаза долго-долго оценивают меня.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне?

Дерьмо. Не могу лгать.

— Расскажу, — говорю ей.

— Обещаешь? — подняв бровь, спрашивает она, уже не веря мне.

— Обещаю, — заверяю ее и быстро меняю тему. — Итак, как насчёт компании завтра?

— Когда пойду снимать гипс?

— Ага.

— Там будет моя сестра, — говорит она. Я собираюсь сказать ей, чтобы она забыла об этом, когда она быстро добавляет: — Все хорошо. Чем больше, тем лучше. Я имею в виду, ты уверен, что хочешь?

— А почему нет?

Она пожимает плечами и смотрит на свою тарелку.

— Не знаю. Не очень интересное мероприятие.

— Я собираюсь туда не потому, что там будет интересно. А потому, что хочу быть там ради тебя.

Она резко смотрит на меня, пока мои слова доходят до нее. Наконец, улыбается. Сначала неуверенно, а затем большой, широкой улыбкой. Она такая чертовски красивая, что я мог бы перелезть через стол и поцеловать ее прямо сейчас.

Но продолжаю везти себя сдержанно.

— Ладно, — говорит она.

Ладно.

Глава 8

Джессика

Чем ближе вторник и встреча в церкви, тем больше я нервничаю, что меня будут сторониться из-за того, что я не пришла на прошлой неделе. С тех пор я разговаривала с Анной, дала понять, что кое-что произошло, и хотя никогда не упоминала, что «кое-что» было временем, проведенным в баре с Кейром, думаю, она и так все поняла.

Но пропускать встречи - нормально, пока вы все же возвращаетесь. Конечно, есть какое-то покаяние, которое нужно заплатить, и Пэм удостоверится, что большую часть вечера буду говорить я.

Я рассказываю им о том, что завтра мне снимут гипс, о тех же страхах, которые озвучила Кейру. Все надежды исчезнут.

Затем Анна прямо задаёт мне вопрос перед всеми присутствующими о том, боюсь ли я, что мои физические возможности повредят меня в эмоциональном плане?

У меня нет ответа на это, хотя, полагаю, если я попытаюсь разобраться во всем, то узнаю жалкую правду: из-за того, как я хожу и как выгляжу, я могу не только стать непривлекательной для противоположного пола, но и лишиться любви.

К счастью, мне не приходиться ни в чем признаваться. Анна встает со своего места и говорит всем, что психологические шрамы от пожара, оставшиеся у нее, а так же чувство вины и потеря сына, мешали ей по-настоящему сойтись с кем-то. Конечно же, сейчас она пытается, но страх, что она никогда не будет достойна любви, всегда есть, затаился в тени и готов саботировать любую хорошую вещь, которая встречается у нее на пути.

Я не хочу потерять то, что у меня есть с Кейром, если у меня вообще есть что-нибудь. Но я знаю, я ничем не отличаюсь от Анны, находясь в одном шаге от того, чтобы начать игнорировать нас из чувства страха.

Именно поэтому, когда он спросил, может ли он пойти со мной, когда мне будут снимать гипс, я сказала «да». Ну, это не единственная причина. Я желаю, чтобы он был там, хочу его поддержки, и я мечтаю, чтобы Кристина познакомилась с ним. Я хочу ее одобрения, чтобы она увидела, что он хороший человек. Человек с демонами - свидетелем чего я стала ночью - но все-таки хороший человек.

И вот теперь Кристина за рулем, мы едем по мощеной Серкус-лэйн, собираясь забрать его.

Сказать, что я нервничаю, значит, ничего не сказать. Из-за него, из-за доктора, да тому куча причин. Я сижу на переднем сиденье, барабаня пальцами по коленям, в то время как Кристина выходит из машины и идет к двери, так как мне это сделать слишком неудобно.

На мгновение я думаю, может быть, мисс Шипли подойдет к двери и пригласит ее на чай (мой бог, эта женщина такая болтушка), но затем появляется Кейр, возвышаясь над Кристиной.

Судя по всему, сестра тоже нервничает, выдавая ему быструю улыбку в ответ на его очаровательную. А затем быстро разворачивается, направляясь к месту водителя.

Она забирается в машину до того, как это удаётся ему, и у меня есть достаточно времени, чтобы шикнуть ей:

— Будь милой.

Она притворяется, что не слышит меня.

Затем Кейр садится на заднее сиденье, и я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться ему.

— Привет, — радостно здороваясь я.

— Увидев меня сегодня утром, ты не демонстрировала подобный энтузиазм, — бормочет сестра себе под нос.

Я игнорирую ее, когда Кейр здороваются. Кроме того, у меня появляется шанс по-настоящему рассмотреть его. Черт меня дери, если он когда-нибудь был сексуальнее, чем сейчас в кожаной куртке. Сегодня у него мрачный наряд: серые джинсы, черная рубашка, черная кожаная куртка, черные ботинки. Я точно могу представить его в роли механика, как он вытирает большие грязные руки о тряпку, споря с каким-то парнем, а затем лишь в одной майке, которая показывает все эти загорелые мышцы, скользит под капот старинного автомобиля.

Кристина простирает горло, слишком быстро вырывая меня от моей маленькой фантазии. Я отворачиваюсь, хотя знаю, что Кейр не возражал против того, как долго я смотрела на него.

Он делает попытку завести разговор с Кристиной, расспросить ее о Ли, о ее работе (она менеджер по маркетингу), начиная с вопроса, почему она переехала в Шотландию.

Она замолкает, осторожно глядя на меня. Нам не нравится говорить на эту тему, и я знаю, теперь Кейр это понимает.

Я говорю за нее, предупреждая Кейра взглядом, больше не расспрашивать об этом.

— Наша мать оставила отца сразу, как Кристина окончила среднюю школу. Я уже училась в колледже. Мама выросла в Эдинбурге, поэтому решила вернуться и забрать с собой Кристину.

Минуту он смотрит на меня, пытаясь прочитать по глазам, затем кивает.

— Понимаю. Эдинбург - довольно гостеприимный город. Никогда не думал, что, будучи мальчиком из Глазго, захочу жить здесь сам, но красивые улицы светят ярче, чем захудалые. Хотя, я все еще скучаю по музыкальной сцене. Вы когда-нибудь бывали на каких-нибудь шоу в Глазго?

Когда темой разговора становится музыка, я вижу, что Кристина заметно расслабляется, и вскоре разговаривает с Кейром так, словно они старые друзья.

Вскоре мы оказываемся в больнице. И мне сразу же хочется сказаться больной.

— Кейр отведёт тебя внутрь, — говорит Кристина, когда я выхожу перед главным входом. — Я встречу тебя там.

Она уезжает, и взгляд Кейра следует за автомобилем, когда он исчезает в гараже.

— Она очень похожа на тебя, — комментирует он, щурясь от солнца, решившего прервать это дождливое утро. В воздухе пахнет росой.

— Как так? — спрашиваю я.

Мы начинаем идти, и я поражена осознанием того, что на обратном пути у меня не будет гипса. Костили, я уверена, будут, пока я не научусь снова ходить или, по крайней мере, не научусь использовать трость, но гипс исчезнет. Глупый повод для сентиментальности.

— Скажем так: она вылитая ты, — комментирует он. — Какая у вас разница?

— Пять лет.

— Значит, она ты, но на пять лет моложе. И ниже. И у неё не такие красивые волосы.

— О, пожалуйста, — говорю я, пытаясь подыграть ему. — В лучшем случае она - рыжеватая блондинка, а это значит, что ей досталась лучшая карта. Ей не пришлось жить с тем, что ее звали Тряпичная Энни, Маленькая сирота Энни или Ариэль, Русалочка, когда она росла.

— Ты думаешь, что прозвище «Русалочка» - оскорблениe? — недоверчиво спрашивает он. — Я знаю, что она лишь мультишный герой, но она чертовски горяча. Не знаю ни одного мальчишку, который бы не мечтал встретить ее, когда вырастет.

— Даже несмотря на то, что она не могла заниматься сексом, пока у неё не появились чёртовы ноги?

Он ухмыляется мне.

— К тому времени, как они понимают это, они уже переключаются на Джессику Рэббит^{ix}). Кстати, еще одну горячую рыжулю.

— И снова из мультика.

— Ага. Спорим, ты сейчас думаешь, что у меня какой-то странный фетиш по поводу мультишные героев?

Моя улыбка застенчивая.

— Если ты считаешь, что я так же сексуальна, как они, приму это за комплимент. Кроме того, сравнение с Ариэль я считаю лестным, — замолкаю, потому что в горле пересохло. — Вот почему я сделала татуировку с ее изображение на ноге.

Кейр серьезно кивает, когда мы приближаемся к входным дверям.

— Тогда хорошо, что мы говорим о ней. Маленькой русалке Рыжика. Ты снова увидишь ее.

— Она уже не будет такой сексуальной, гарантирую, — предупреждаю его.

Я сказала ему правду. Надо мной смеялись, пока я росла, как и над каждым рыжим ребенком. Мои волосы всегда были более темно-рыжими, не оранжевыми, как у большинства детей, и, вероятно, поэтому мне было немного легче. У меня были веснушки, но они были не везде и не были заметными. Но прозвище «Ручалочка» прилипло, потому что, хотя дети и пытались обидеть меня, я всегда хотел быть ею. Она была моей любимицей, потому что мечтала о лучшей, другой жизни. Когда мне исполнилось восемнадцать, я ушла из дома и сделала татуировку, как символ того, кем была на самом деле, и кем стала.

Мы направляемся в больницу, и в нос ударяет запах йода, пластика и чего-то кислого, явно присущего человеку.

Боже, ненавижу его.

Вскоре к нам присоединяется Кристина, а затем доктор Синклер, который на этот раз, похоже, не ведет себя как самый заботливый «дедушка». Он не в восторге от Кейра, хотя тот едва ли произнес пару слов, и дважды спрашивает, не лучше бы ему подождать где-то в другом месте. Но Кейр решителен и остается на месте.

Но когда дело доходит до цели моего прихода, ни Кейра, ни Кристины нет в комнате, пока доктор Синклер снимает гипс. Лишь я на операционном столе, неприветливый, резкий свет сверху ослепляет меня, пока доктор работает с тупым лезвием.

Мне не больно, но я ощущаю дискомфорт, и из-за вибрации лезвия кажется, что мой мозг находится в блендере. Звук также невероятно громкий, и я постоянно зажмуриваюсь, молясь, чтобы все закончилось.

Наконец, я ощущаю ногой холодный воздух и слышу звук того, как гипс откладывают в сторону. Затхлый запах заполняет мои ноздри, и я поворачиваю голову. Я еще не хочу смотреть.

— Все сделано, — говорит доктор Синклер. — Хочешь сохранить гипс? Многие люди цепляются за них, словно за сувениры, я не сужу их.

— Нет, — кратко говорю я.

— Хорошо, — говорит он, и я слышу, как он откладывает гипс в сторону. — Ну, все кончено. Твоя нога свободна. Я просто быстро осмотрю ее, чтобы проверить твою подвижность и уровень боли. Если будет больно, ты должна сказать мне, поняла?

У меня перехватывает дыхание, и я резко открываю глаза, когда его холодные руки накрывают мою ногу.

— Так больно?

— Нет, — отвечаю я. — У вас руки холодные.

— Прости, — говорит он. — Обычно женщины не жалуются, ха-ха.

Ха-ха, иди на хрен, идиот.

Его руки скользят к моей ноге, слегка сгибаая ее. Все нормально, пока я не ощущаю другое.

— Ой, больно, — практически вою я. Вся нога ощущается холодной, повидавшей многое и чувствительной, и теперь боль двигается вверх по задней части ноги.

— Твое ахиллово сухожилие, — объясняет он. — Какое-то время ты не сможешь носить высокие каблуки, но мы будем работать над этим. Как насчет этого?

Он хватает мою лодыжку и крутит туда-сюда, но, к счастью, боль уменьшается.

Пока его руки не двигаются дальше по моей ноге, к икре, и я почти схожу с ума. Боль настолько реальна, настолько интенсивна, не похожа ни на какую другую, которую я когда-либо испытывала.

— Пожалуйста, нет, нет, нет. Стоп!

— Рубцы причиняют боль, — говорит он. — Они еще свежи. Все нервы обнажены и могут защемляться во время формирования ткани.

Я едва могу дышать. Его руки остаются на моей ноге.

— Я думала, если что и почувствую, так это онемение.

— Не всегда, — говорит он и впервые звучит серьезно. — Просто, я должен проверить подвижность твоей икры. Я постараюсь как можно быстрее.

Стишкиваю зубы, когда он сжимает мою икру. Может быть, он делает это нежно, но ощущается как... я даже не могу описать. Боль настолько яркая и новая, в отличие от всего, что я испытывала раньше. Он словно прикасается ко мне сквозь туман, и область, покрытая рубцами, даже не принадлежит моему телу. Тем не менее, все это причиняет боль, словно молот бьет по самому чувствительному синяку в мире.

Я скриплю, пытаясь вспомнить, чему меня учила Кэт, как дышать сквозь боль, но, кажется, она все не утихает. Наконец, доктор убирает от меня руки, и боль сразу исчезает.

Я выдыхаю, испытывая облегчение.

— Как ты уже поняла, — говорит он, — боль не останется навечно. Ты ощущаешь боль в костях, все еще приспосабливаясь, но рубцы будут болеть лишь при касании. Можешь посмотреть. Когда-нибудь тебе придется привыкнуть. Ты можешь быть приятно удивлена.

Не уверена, как мне удаётся справляться с нервами, но я держу себя за локти и смотрю вниз на свою ногу.

Маленькая.

Это моя первая мысль. Моя нога выглядит такой маленькой. Не говоря уже о том, что она бледная и волосатая. Она словно принадлежит кому-то другому, какому-то худому волосатому мальчику, что имеет смысл, поскольку ткань рубцов, кажется, принадлежит кому-то другому.

Должна сказать, он прав. Все выглядит не так плохо, как я думала. И моя маленькая Ариэль, сидящая на скале прямо над моей лодыжкой, тоже выглядит неповрежденной, в значительной степени такая же, когда я видела ее в последний раз, хотя и покрытая волосами и обрамленная небольшими рубцами над ней, которые почти похожи на облака в виде сахарной ваты.

Но потом я двигаю ногу влево, совсем немного, на самом деле просто проверяя, могу ли я это сделать или нет. И хотя я могу, да, все еще вижу ужасное зрелище.

Я даже не осознаю этого. Секунду назад она была такой знакомой, а теперь как чужая. В то время как рубцы в виде сахарной ваты располагаются на боку моей икры, они собираются вместе сзади, как нечто нечеловеческое, гнездо гадюк и насекомых. Моя икроножная мышца исчезла, а на ее месте - путаница из порезанной ткани и рубцов, накладывающихся друг на друга. Подобному ущербу, я знаю, не поможет ни мазь, не говоря уже о пластической хирургии. Это свидетельство того, что моя нога должна была исчезнуть, но по какой-то причине была спасена.

Доктор молчит, внимательно наблюдая за мной. Наконец он говорит мягким голосом:

— Это небольшая цена за то, чтобы сохранить ногу. Со временем ты будешь чувствовать себя, как новенькая. Возможно, ты будешь хромать, вероятно, твои кости могут болеть, когда становится холодно, но ты будешь жить вполне нормальной жизнью. Сейчас тебе кажется, что это слишком, но тебе повезло, Джессика. Подобный вид ущерба

... Я поражен, что врачи в Лондоне вообще смогли сохранить тебе ногу. И они это сделали. Это исцеление, и оно работает. Тебе придется жить с этими шрамами, возможно, придется немного пожертвовать мобильностью, но, в конце концов, это твоя нога. Как я уже сказал, это небольшая цена за все, что могло случиться.

Все, что, бл*ть, могло случиться. В это время я могла быть где-то еще. Проклятье. Я могла быть с Полой, Шоном и Джо, пить пиво. Могла бы сказать «да» и пойти с ними, но вместо этого я получила эту ногу и потеряла так много.

Доктор делает шаг ко мне, кладет руку на мою.

— Джессика. Ты - счастливчик. Знаю, ты не хочешь в это верить, но так и есть. Со временем ты поймешь это. Пройдет время, ты оглянешься назад в этот момент и подумаешь, а почему все это так беспокоило тебя. В конце концов, это всего лишь кожа. Просто кожа.

Это не просто кожа. Но он не имеет гребаного понятия.

Доктор быстро хлопает меня по плечу и поворачивается ко мне спиной, выпаливая список указаний о том, как ухаживать за ногой. Я должна вымыть ее антибактериальным мылом, использовать лосьон без ароматизаторов, увеличить количество сеансов физиотерапии, использовать шину, начать ходить с тростью вместо костылей. Он продолжает и продолжает, пока не осознает, что я не слушаю.

Затем уныло вздыхает и идет к двери, зовя мою сестру. Кейр следует за ней.

Они стоят поблизости от меня, пока доктор повторяет указания уже для них. Кристина выглядит так, словно она вне себя от радости, как будто боялась, что у меня вообще нет ноги, а Кейр смотрит лишь на меня. Даже когда врач указывает на повреждение в задней части икры, область, которая напоминает сырую говядину и розовые полоски, Кейр не сводит с меня глаз, словно хочет, чтобы я сосредоточила все внимание лишь на нем. Рада ему угодить.

Позже, когда мою ногу зафиксировали повязкой и шиной, и я все еще на костылях, мы направляемся к дороге, пока Кристина подгоняет машину. Мне пришлось притворяться, что все в порядке, улыбаться, кивать и пытаться, чтобы мои слова звучали так же оптимистично, как и ее. Это изнурительно. Все, чего я хочу, это лечь и плакать.

Кейр берет меня за руку, его хватка твёрдая и горячая на моем бицепсе. Он наклоняется ко мне.

— Ужин. Сегодня вечером. Со мной.

— Я не могу сегодня вечером ужинать с тобой, — ошеломленно отвечаю я.

— Почему нет?

— Не видел, что только что случилось?

— Видел. И что с того?

Усмехаюсь, пытаясь найти слова.

— Я только что сняла гипс.

— Ещё одна причина отпраздновать.

— Что тут праздновать? Ты видел, на что похожа моя нога?

— Я видел твою татуировку Русалочки. На твоей ноге она выглядит так же сексуально, как и на экране.

Хмурюсь, не понимая этого.

— Да что с тобой такое? Тебе нравится преследовать беспомощных, искалеченных девушки? Это твоя фишкa?

Он тут же убирает руку, и через несколько секунд я сожалею обо всем, что сказала. Его лицо становится твердым, как камень - мрачная, неприступная стена.

— Моя фишкa? — медленно повторяет он, подчеркивая каждое слово.

Я с трудом сглатываю, сердце дергается в груди. Дерьмо. Я его разозлила. И у него есть на это все основания. На самом деле, даже я не считаю себя беспомощной. По крайней мере, не хочу.

— Прости, — извиняюсь я. — Мне, правда, жаль. Плохой выбор слов, я...

— Ты думаешь, что я рядом и ты нравишься мне, потому что мне жаль тебя? Или, что еще хуже, у меня есть какой-то больной фетиш про девиц в беде? Ну так вот, экстренное сообщение, Русалочка. В тот момент, когда я увидел тебя, я не только понял, что ты одна из самых сильных людей, которых я знаю, но и что твоя сила заставила бы мою покраснеть от стыда. Девица в беде? Возможно, это то, чего ты боишься, но говорю тебе, ты не такая. Меня не привлекают слабые девушки с равнодушными сердцами и скрытыми мыслями. Я хочу, чтобы женщина удивляла меня, ошеломляла, заставляла меня кончать снова и снова лишь спустя секунду после нее. — Он отходит от меня, обида и отвращение искажают его лицо. — Думаю, ты спутала меня с кем-то другим. Полагаю, ты и себя спутала с кем-то другим.

Он быстро начинает уходить, направляясь к стоянке такси. Все внутри меня падает. Если бы не костили, я бы тоже упала.

Как по команде, начинается дождь.

— Подожди, — слабо произношу я, и когда он не останавливается, я говорю громче: — Подожди! Кейр, пожалуйста!

Он останавливается. Но не поворачивается.

— Прости! — кричу ему вслед. — Я совсем не то имела в виду. Просто я... я не знала, что ты видишь во мне.

За секунды, которые пролетают между нами, дождь усиливается. Звук падающих на тротуар капель наполняет воздух.

Кейр немного оборачивается.

— Я вижу женщину, которую не видишь ты.

Бл*дь. Черт возьми, черт, черт. У моего сердца, словно тоже есть рубцы, слишком чувствительные и болезненные. Я хочу немедленно исправить это, больше всего на свете.

— Тогда помогите мне тоже увидеть ее, — говорю ему, как раз тогда, когда Кристина подъезжает ко мне. Жестом указываю на него. — Пожалуйста.

Он качает головой. Такое чувство, что часть меня умирает.

— Я поеду домой на такси, — говорит он. — Так проще. Но вечером заберу тебя в шесть.

Я почти смеюсь.

— Что?

— На ужин, — грубо говорит он. Затем поворачивается и снова начинает шагать.

Когда время приближается к шести, я все еще немного не в себе. Я пропустила ужин с Кристиной и Ли и потратила время на то, чтобы сделать все возможное, чтобы заставить чувствовать себя красивой.

Я не многое могу сделать. Но я долго принимаю ванну, радуясь тому факту, что мне не надо надевать мешок для мусора на ногу. Затем использую скраб для тела, чтобы убрать всю отмершую кожу, плюс бритье. Я заканчиваю кучей увлажняющего крема и небольшим количеством масла с витамином Е в тщетной попытке остановить рубцевание.

Я много думаю о том, что сказал Кейр. Правда в том, что я не хочу быть девицей в беде. И я думала, что хорошоправляюсь с этим, но до сих пор это было только поверхностно. По большей части я делала это для своей сестры, чтобы она не беспокоилась обо мне, ее защитнице, единственной семье, которая у нее осталась. В ее присутствии я должна быть сильной.

Но в глубине души, это все заставляет меня нервничать. Может быть, это даже не из-за моей ноги. Может быть, моя нога - всего лишь козел отпущения, то, на чем можно сосредоточиться вместо Льюиса Смита.

Льюис Смит. Даже мысль о его имени заставляет мою кровь заледенеть. Кажется, очень глупо сосредоточиться на том, как выглядит моя нога, когда реальный ущерб не на

поверхности, он скрыт внутри меня. Существует рубцовая ткань кожи, но как насчет рубцовой ткани души? Когда я действительно позволяю себе думать об этом, я едва вижу поверхность.

Но Кейр наоборот. По крайней мере, он этого хочет. Ему не наплевать на мою ногу, он хочет узнать, как справляюсь настоящая я. Он хочет видеть, как от всего этого моя сила возрастает.

Не хочу разочаровать его.

Укладываю волосы в небрежные волны, накладываю на глаза легкий макияж и использую красную помаду, потому что той ночью он не переставал смотреть на мои губы. Спасибо, жидккая губная помада Stila. Яркая и стойко выдерживающая поцелуй.

Моя шина черная и совершенно немодная, но я все равно подбираю к ней черное платье до колен, с тонкими лямками, демонстрирующими грудь и плечи. Затем хватаю кожаную куртку, чтобы сделать образ немного более жестким, и свожу на нет все усилия, надевая сандали «Биркеншток». Эй, никто не сказал мне, что моя нога распухнет, пока будет находиться в гипсе, и подходящая обувь - это находка. Когда я вышла из больницы, я едва могла влезть в свою обувь.

— Отлично выглядишь, — говорит Кристина, сидя у телевизора, когда я спускаюсь вниз по лестнице.

Даже Ли смотрит на меня и замечает:

— Хорошая работа.

— Спасибо, — отвечаю я с глупой улыбкой, когда иду вниз, словно немного дефилируя. — Я подобрала платье к шине. Намного легче, чем подбирать платье к гипсу. Белый совершенно не мой цвет.

— И ещё раз, кто этот парень? — спрашивает Ли. Не то чтобы ему действительно интересно, он уже снова смотрит футбольный матч.

— Кейр, — напоминает ему Кристина. — И он хороший парень. Старше. Но я одобряю.

— Ему тридцать восемь, — возражаю я.

Она пожимает плечами и садится на диван рядом с Ли с миской попкорна и пивом.

— У него седые волосы.

— Седые, — говорю я в его защиту. — Как и у многих, как у Джорджа Клуни в «Скорой помощи». И вообще, у Ли они бы тоже были, если бы он не красил волосы. Не надо смотреть с таким удивлением, я видела коробку «Только для мужчин» в ванной.

Прежде чем они успевают отреагировать, раздается звонок в дверь. Спасённая звонком, к слову о другом шоу девяностых.

— Это он, — говорю я, пробираясь по коридору. — Не ждите меня.

— Не буду, — кричит Ли.

— Я буду, — кричит громче Кристина. И я верю им обоим.

Я открываю дверь и вижу Кейра, стоящего на ступеньках. На нем черный блейзер, белая рубашка, расстегнутая на ключице, и темные джинсы. Одет не нарядно, но чертовскиексуально.

— Привет, — говорю ему, понимая, что это мое стандартное приветствие. В сочетании с дурацкой усмешкой, которую я не могу контролировать в его присутствии. Знаю, что должна быть более обеспокоена, ведь раньше мы кричали друг на друга. Но, видя его, я ощущаю лишь как мое тело наполняется теплом.

— Привет, — здоровается он в ответ. Его глаза взмывают вверх-вниз по моему телу. — Великолепно выглядишь.

— Спасибо, — отвечаю ему, закрывая за собой дверь и надеясь, что Ли и Кристина это услышали.

— Хочу заметить, — продолжает он, — если бы я умел рисовать, то написал бы тебя за секунду.

— Шина и все?

— Шина и все, — подтверждает он. И указывает на такси, стоящее на улице. — Я на такси. Пытаюсь получить машину и должен был решить этот вопрос несколько недель назад, но я слишком приидирчив.

— Дай угадаю, — говорю я, направляясь к нему. Без веса гипса использовать костили стало намного проще, — ты ищешь ту, что нуждается в серьезном ремонте.

— Угадала, — произносит он, открывая для меня дверь.

Такси везет нас из города, направляясь на восток к воде.

— Куда мы едем? — спрашиваю я его, вытягивая шею, чтобы посмотреть, как центр города исчезает в заднем окне.

— Я знаю отличное место, — туманно говорит он.

— Я неподобающе одета? Слишком нарядно? — спрашиваю я, не зная, правильно ли думаю о нашем свидании или нет.

— Ты имеешь в виду меня или ресторан? — спрашивает он, поворачиваясь лицом ко мне. Его рука опирается на середину сиденья в нескольких дюймах от моей, и острый, свежий запах его туалетной воды наполняет мой нос, принося странное чувство покоя.

— Ресторан, — нерешительно отвечаю я.

— Ты идеальна.

— Тогда ты.

Его губы дергаются, и взгляд снова опускается на мое тело, проходясь по рукам, ключице, вверх к шее и губам.

— Ты не голая. Даже не в моей футболке с Guns N 'Roses. Значит, ты одета неподобающе, Рыжик.

Я краснею и отвожу взгляд, чувствуя себя неловко, как проклятый подросток, когда он говорит нечто подобное. Честно говоря, я никогда не бывала в обществе мужчин, которые в такой манере сообщают о том, что у них на уме. Я думала, что они нахальные и любят льстить, или и то, и другое. Но Кейр — ни то, ни другое. Просто он не боится рассказать мне о том, что думает или чего хочет.

Я должна следовать его примеру.

Вскоре такси паркуется у набережной прямо на пристани Лейт, и Кейр ведет меня по дороге, направляясь к разным кафе, вода омывает высокую стену сбоку от нас, танкеры стоят на расстоянии. Мы останавливаемся у «Хонгс Фиш энд Чипс».

— Вот оно, — говорит он с гордостью.

— Что? — Я смотрю на белую надпись с красными буквами, на выглядящий потрепанным прилавок, где азиатская женщина что-то жарит на плите. — Это оно?

— Ты не сноб, Джессика. Не притворяйся одной из них. Они великолепно готовят рыбу, обжаренную в безглютеновых панировочных сухарях. У владельца целиакия и он увидел спрос на такую еду.

В ту минуту, когда я это слышу, мне стыдно даже думать, что такое место не подходящее для меня. На самом деле, хорошая рыба и чипсы — это то, чего я не видела в течение многих лет.

Кейр подходит к окну и заказывает треску для нас обоих, а затем присоединяется ко мне, вручая мне бумажную чашку.

— Это что? — спрашиваю его.

Он улыбается и вытаскивает фляжку из кармана пиджака.

— Виски. Без него нельзя есть рыбу и чипсы.

Мы берем еду, женщина за прилавком невероятно милая и добавляет дополнительные кусочки для меня, когда замечает, насколько я тощая. Кейр ведет меня вдоль дороги в соседний парк, расположенный между домами и водой. Нам удается найти горстку травы, прежде чем она опускается к берегу пляжа, сталкиваясь с восточным волноломом и заканчиваясь там.

— Ты уверена, что все в порядке? — спрашивает Кейр в миллионный раз. — Там есть столы и стулья, если так проще.

— Все в порядке, — говорю я ему, беря свою завернутую в газету еду из его рук, горячая подлива уже обжигает пальцы. — Я уже сажусь. Кроме того, я ведь не девица в беде.

Он становится тихим, единственный шум исходит от пакетика заправки для салата, из которого он выжимает соус тартар.

— Просто за это. То, что было раньше.

— Тебе не за что извиняться.

Он вздыхает, поднимая колени и ставя на них локти.

— Я не должен был сходить с ума. Ты этого не заслужила. Я в курсе, это непросто для тебя, и я не должен обесценивать происходящее для тебя или делать вид, что понимаю, что ты переживаешь. Ведь я не знаю. Все, что ты чувствуешь, совершенно обосновано.

«А мои чувства к тебе? — думаю я. — Они обоснованы? Я вообще знаю, что они из себя представляют?»

Несколько минут мы сидим молча, наблюдая за чайками, кружящими над головами, вдыхая ветер, дующий с берега, сильный и бодрящий. Он заставляет мои волосы разметаться по лицу, и Кейр тянется ко мне, осторожно убирая их за уши. Я закрываю глаза от его прикосновений, ощущения его грубых пальцев на моих скулах.

Поцелуй меня.

Мысль ужасная, но это правда. Я хочу, чтобы его рука скользнула ниже, подняла мой подбородок, удерживая на месте, а затем хочу, чтобы он прижался губами к моим губам. Я хочу узнать, каково это, целовать его, оживит ли он меня.

Но он медленно убирает руку и снова окунает свои чипсы в соус тартар, его глаза блуждали по морю, лодки плывут туда и обратно.

Я делаю то же самое, задаваясь вопросом, каково было бы просто подняться на борт одного из этих кораблей и посмотреть, куда он меня увезет. Идея уйти, убежать, с каждым днем становится все более соблазнительной.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Кейр меня, голос тихий, словно он боится вторгаться в мои мысли.

Киваю на лодки.

— Каково это было бы, уехать.

— Куда бы ты отправилась?

Я пожимаю плечами, улыбаясь возможности.

— Не знаю. Куда угодно. Это не имеет значения. — Тогда реальность обрушивается на меня, нависая надо мной, как темное облако. — Я хочу начать заново, понимаешь? Я и раньше много раз пыталась сделать то же самое, и такое чувство, что никогда не делала правильно. Когда я оставила родителей и сестру, я пыталась сделать то же самое. Сбежать. Держаться на расстоянии от дома, в котором выросла, от человека, которым стала. Но жизнь, которую я создала для себя, не похожа на жизнь. Я ходила в школу, работала официанткой, у меня были друзья, но они исчезли. Ничего из этого не было... настоящим. Реальным.

Я делаю глубокий вдох и смотрю на Кейра. Он пристально наблюдает за мной.

— Знаю, что ты имеешь в виду, — говорит он. — Так как ты оказалась здесь?

— Мама умерла, и я не могла оставить сестру одну, — рассказываю ему. — В смысле, у нее был Ли, но они еще не были женаты. Они были вместе с девятнадцати лет. Она влюбилась в практически первого шотландца, которого увидела, но я не встречалась с ним. Я не доверяла ей без мамы рядом. Переехала ради моральной поддержки, но осталась, потому что чувствовала себя обязанный ей.

— Почему?

Справедливый вопрос.

— Не очень хочу говорить об этом. Давай просто скажем, я старшая сестра и это моя работа.

Он медленно кивает.

— Как умерла твоя мать? — тихо спрашивает он.

Еще один глубокий вдох.

— Суицид.

Его лицо медленно мрачнеет.

— Мне очень жаль.

Снова смотрю на море.

— Да. — Сжимаю губы вместе, пытаясь говорить дальше. — Если честно, я не удивилась. Думаю, именно это и причиняет боль. Зная, что была такая возможность. Тем временем я осталась в Канаде, пытаясь дистанцироваться от всего этого, и не была рядом с ней, когда она умерла. Кристине пришлось нести это бремя.

Слезы начинают колоть уголки моих глаз, в горле появляется ком. Не плакать, не плакать, не плакать.

— Господи, — говорит он, наклоняясь ко мне и беря за руку, пока пристально смотрит на меня. — Джессика, ты знаешь, что это не твоя вина. Ничего из этого. Ни твоя мать, ни твоя нога... ни то, что случилось с твоей сестрой.

Резко смотрю на него.

— Кто сказал, что что-то случилось с моей сестрой?

Он хмурит брови.

— Ты не обязана ничего говориться мне, чтобы я понял, есть причина, по которой ты так сильно защищаешь ее. — Он продолжает удерживать мой взгляд, и я не могу смотреть никуда, кроме как на него. — Можешь со временем рассказать мне или нет, это не имеет значения. Мне не нужно знать. Но мне нужно, чтобы ты знала, вина, которую ты несешь, в конце концов, утопит тебя.

Тяжело слышать.

— И что ты знаешь о вине?

На минуту он выглядит измученным, и я знаю, что задела его за живое. То, что я видела в ту ночь, его кошмар, то, как он бегал по комнате, словно был пойманым в ловушку животным, это всего лишь верхушка айсберга.

— Я знаю больше, чем большинство людей, — говорит он. — Это то, что я ношу с собой каждую минуту каждого дня.

— Значит, ты можешь давать советы, но сам не пользуешься ими. — Отрываю взгляд от его глаз, путешествуя вниз по его носу, к губам, где и задерживаюсь.

— Я прилагаю усилия, — осторожно говорит Кейр, голос тихий. — Я пытаюсь. Тебе тоже нужно попробовать.

Он наклоняется на дюйм, теперь его взгляд сосредоточен на моих губах. У меня перехватывает дыхание.

— Ты заслуживаешь счастья, Рыжик, — бормочет он, его глаза ненадолго смотрят на мое ухо, когда он тянется и убирает еще одну прядь. — Ты заслуживаешь чувствовать себя красивой. — Его пальцы остаются на моем подбородке, удерживая меня. — Я хочу заставить тебя почувствовать себя красивой. Ты позволишь мне?

И у меня есть выбор.

Прежде чем мне удается промяглить какие-то слова согласия, он сокращает пространство между нами, немного улыбаясь, прежде чем прижимается губами к моим губам. Поцелуй как мягкий, так и жесткий, слой осторожности намекает на похоть, прячущуюся под ним. Его рот теплый, и я могу попробовать виски, сладкий ожог, когда его язык нежно касается моего.

Боже правый.

Я не думаю, что меня когда-то так целовали. Эта нежность, близость, которая ощущается более личной, чем секс. Я таю рядом с ним, когда его рука двигается к моей шее, ладонь теплая, когда он обхватывает ее.

— Работает? — шепчет он, упираясь лбом в мой лоб.

— Что? — говорю я, запыхавшись, губы гудят в том месте, где он поцеловал меня. Мое тело одновременно и свободно и напряжено, желает большего, гораздо больше.

— Теперь ты чувствуешь, насколько прекрасна? — Он снова наклоняется, на этот раз поцелуй жестче, более голодный. Я открываю рот, чтобы впустить его, и стон, который он издает, освобождает что-то внутри меня.

Я не чувствую себя красивой, я чувствую голод. То, как он целует меня, зажигает мое тело, опаляет солнцем душу. Я не помню последний раз, когда чувствовала себя вот так, и в эти пьяные моменты, только его рот, его вкус, руки на моем подбородке, в моих волосах, я совсем другая.

Я хотела убежать. Вот мой побег.

Кейр может заставить меня начать заново.

Глава 9

Кейр

Не думаю, что когда-то хотел поцеловать кого-то так же сильно, как желал поцеловать Джессику. Не только ради своих собственных сокровенных желаний, чтобы найти какое-то облегчение в этой постоянной тоске, но и для того, чтобы отключить ее мозг и поставить на передний план ее сердце.

Так я и сделал. Потому что не мог ждать больше ни секунды.

Она сладкая на вкус, как виски и сахар, а губы и язык на моих ощущаются словно шёлк.

Горячий поток страсти струится сквозь меня по всему телу, член в джинсах напрягается. Внезапная потребность пожирать, попробовать каждую ее часть и изучить все секреты ее тела поднимается, как огненная буря, и на мгновение я забываю, что мы сидим в общественном месте, солнце садится за нашими спинами и зажигает море оттенками лаванды и золота.

Я знаю, что мне нужно снова проявитьдержанность, быть джентльменом, отступить и позволить ей дышать. Но моя рука скользит по ее платью и сжимает грудь. Джессика стонет мне в рот, лишь еще больше распалия меня.

Я так давно не был с женщиной. Было несколько между кампаниями, но я едва помню их имена, не говоря уже о внешности. С Джессикой я чувствую, что никогда не забуду ее, она пробралась мне под кожу.

Тяжело дыша, она отстраняется, руками упираясь мне в грудь, словно удерживая от того, чтобы снова поцеловать ее.

Я сразу ощущаю робость, словно слишком сильно надавил на неё, и тут уже убираю руку, давая ей пространство.

— Прости, — бормочу я, собираясь встать, но она обнимает меня за шею и притягивает к себе.

— Не извиняйся, — говорит она с улыбкой, ее помада смазана, губы выглядят покрасневшими и припухшими, что сразу заставляет меня думать о том, как краснеют другие части ее тела.

Я невероятно возбуждён.

Несколько раз прочищаю горло.

— Я увлёкся.

— Тогда мне нравится, когда ты увлекаешься, — тихо говорит она, глядя на меня. Она выглядит скорее виноватой, чем испуганной. — Я давно ждала, когда же ты меня поцелуешь.

Практически закатываю глаза.

— Это ты сейчас так говоришь.

Ее хватка на моей шее усиливается.

— Просто хочу, чтобы все происходило медленно. И сегодня вечером...

Я не планировал сегодня вечером спать с ней или делать хоть какие-то попытки. Сейчас, после всего, что произошло сегодня, она находится в уязвимом положении, и я слишком беспокоюсь о ней, чтобы быть тем парнем, который этим воспользуется.

— Не надо объяснять, — быстро вставляю я. — Мы можем продвигаться медленно или вообще остановиться.

— Нет, — говорит она, — нет, я хочу тебя, правда.

— Тогда мне лучше отвезти тебя домой.

Она закрывает глаза и кивает.

— Хорошо.

Я встаю, а затем хватаю ее за руки, поднимая на ноги, прежде чем наклониться и поднять ее костили. Пока делаю это, смотрю на ее ногу в шине. Ногти на ее ногах не накрашенные. Они заслуживают цвета, чего-то яркого и сексуального, такого же, как она.

Я вызываю нам такси, и мы ждем на скамейке в парке: сидим бок о бок и допиваем последний виски. У меня возникает соблазн обнять ее, но не уверен, уместно это или нет. Несмотря на то, что мне приходится сражаться с искушением, ради нас обоих я должен действовать осторожно. Я наблюдаю за тем, как двигается ее горло, когда она глотает виски, в сумерках ее кожа светится. Каждая примитивная часть меня хочет взять ее на руки, перебросить через плечо и унести в какое-то темное скрытое место, где я смогу пожирать ее снова и снова.

Но тут появляется такси.

Мы забираемся на заднее сиденье, наши руки едва соприкасаются, пока водитель везёт нас сквозь темноту. Никто не говорит ни слова, но, полагаю, нашего дыхания достаточно.

Сегодня вечером машин мало, пока мы не доезжаем до Ферри-роуд, а затем останавливаемся.

— Впереди авария, — сообщает водитель. — Дорога займёт немного больше времени, простите.

Я говорю ему не беспокоиться и откидываюсь на сиденье, пожимая плечами и обращаясь к Джессике:

— Полагаю, это означает, что у нас больше времени вдвое.

Ее лицо частично скрыто в тени и такое совершенное, словно изображено на картине, когда она смотрит на меня. Идеальные скулы, ямочка на подбородке освещены медленно проезжающими огнями, купающими ее в желтом золоте.

— Что? — спрашивает она, и я понимаю, что пялюсь.

Но не прекращаю.

— Просто ты такая красивая, — выпаливаю я. — Иногда я задаюсь вопросом, реальна ли ты. — Облизываю губы, неожиданно в горле становится сухо. — Ты настоящая?

Она открывает рот, чтобы ответить. Затем закрывает его. Слегка качает головой, прядь огненных волос падает на бледную кожу.

— Иногда я сама не уверена.

Ничего не могу с собой поделать и наклоняюсь ближе.

Я снова поцелую тебя и не смогу остановиться.

Затем громкие, резкие сирены начинают звучать вокруг нас, заставляя мое сердце ускориться. Я сижу на своем месте, дезориентированный, когда позади нашей машины выезжают машины скорой и полиции, их огни мигают красным.

— Ого, — говорит Джессика, вытягивая шею, чтобы посмотреть, — выглядит довольно плохо.

Мы застряли на красном свете, машины скорой помощи едут, хотя по-прежнему находятся позади нас. Вокруг меня просто чернота и свет. Такое чувство, словно я в могиле. Сирены становятся все громче и громче, проникая в мои уши, мою душу.

И тут неожиданно я больше не в такси, я в вертолёте.

Слышу, как жужжат турбины, ощущаю запах топлива. Сейчас ночь, и мы спускаемся вниз, сирены звучат на заднем плане. Загорается красный сигнал тревоги.

«Это не по-настоящему, — говорю себе, зажмуриваясь и ладонями закрывая уши. — Все это не реально».

А что очень даже реально - Джессика. Но я не слышу ее. Не вижу. Даже не чувствую ее аромат. Лишь моторное масло и резкий запах крови, горящие обломки и плоть.

Вертолет идет вниз. Он взорвется при ударе. Меня разорвет в клочья, все вокруг погибнет, так же как было с Роджером и Анселим, и я ничего не могу с этим поделать.

«Ты заслуживаешь это, — говорю себе. — Из-за тебя они потерпели неудачу». Это твоя вина.

— Кейр!

Руки держат меня за запястья, пытаясь оттащить их от ушей, но я не могу убрать руки. Я потерян в этом хаосе.

— Пожалуйста, пожалуйста, — шепчет Джессика, целуя мои костяшки, — прошу, все хорошо.

Ее руки двигаются к моей спине, медленно кругами потирая ее.

— Кейр, — шепчет она, ее голос выделяется среди сирен, которые теперь исчезают на заднем плане. — Кейр, я здесь. — Она целует мои руки, пока у меня не появляются силы оторвать их от собственных ушей.

Она держит их в своих, губами прикасаясь к моему уху.

— Я здесь. Все в порядке. Ты в безопасности. С тобой все нормально. Знаю, тебе трудно, но просто дыши. Один глубокий вдох. Хорошо? Дыши со мной.

Она делает глубокий вдох, прижимая руки к моей груди и немного надавливая.

Я делаю вдох. Такое чувство, словно борюсь за каждый дюйм собственных легких.

Джессика выдыхает долго и мягко.

— Теперь выпусти это. Все это.

Дыхание застrevает у меня в груди, и на мгновение я близок к тому, чтобы впасть в панику. Я думаю о смерти, о своих людях, я думаю обо всей смерти, которую видел, и сколько раз дышал всем этим, сколько раз говорил себе, что привыкну.

И я привык.

Я едва заметил, как все стало очень плохо.

— Выдыхай, — говорит она, легонько похлопывая меня по спине. — Сейчас.

Я выдыхаю с громким свистом, открывая глаза, чтобы увидеть, где я. Заднее сиденье такси, которое медленно движется по дороге, мимо аварии на обочине, на которую я не могу смотреть.

— Снова вдох, — говорит Джессика, и, хотя я слишком стыжусь смотреть на нее, делаю так, как она говорит. Делаю глубокий вдох и на этот раз выпускаю воздух через нос. Мой сердечный ритм начинает нормализоваться, пространство в легких увеличивается.

— Вот и все, — произносит Джессика, шмыгая носом.

Осмеливаюсь взглянуть на неё, ее глаза светятся от слез.

О, черт возьми. Я только что перенесся в прошлое, находясь прямо здесь рядом с ней.

В последнее время я так хорошоправлялся с этим, так хорошо контролировал свой разум, не давая ему обмануть тело, что было подумал, что все это реально. Потому что все это начинается очень быстро и легко. Крайне легко. Галлюцинации становятся вашей реальностью. Когда они впервые начались, я не знал, что, черт возьми, происходит. Я слышал об этом от других людей, но это не та вещь, о которой принято говорить.

Когда я покинул место дислокации, мне пришлось заполнить опросник, в котором спрашивали, не страдаю ли я от каких-либо галлюцинаций, проблем со сном, тревоги, панических атак, есть ли у меня проблемы с гневом, употреблением алкоголя или наркотиков. Я отметил галочкой почти все, но меня никогда не отправляли к специалисту, никогда не говорили обратиться за помощью.

Поэтому яправлялся с этим так, как мог. И все стало лучше. По крайней мере, так было.

И ведь именно сегодня я думал, что нахожусь в чертовом вертолете и вот-вот умру, а Джессика была вынуждена наблюдать все это. Как будто моего ночного ужаса было недостаточно.

— Прости, — хриплю я, слова едва различимы. — Иногда я... лжаю.

— Лажаешь? — На ее лице появляется кривая улыбка. — Добро пожаловать в клуб. Я - президент.

Смеюсь от ее слов.

— Я так не думаю, Рыжик.

Она смотрит на меня, и я знаю, у неё на языке вертится вопрос: Что, блин, с тобой случилось?

Но я не могу рассказать ей. Я даже не хочу признаваться, что был в армии. Не желаю даже отдаленно ассоциироваться с Льюисом Смитом. Я не хочу, чтобы его имя привело к этому. Просто хочу, чтобы она знала меня как Кейра МакГрегора, и все.

Кейра МакГрегора, одного налажавшего ублюдка.

Свет светит мне в лицо, и я словно плыву на облаке.

Медленно открываю глаза и вижу, что я в собственной кровати. Сейчас утро.

Осторожно двигаю пальцами рук и ног, инстинктивно проверяя ущерб, прежде чем сесть. Голова немного кружится, но в остальном все нормально.

Я не могу ничего вспомнить. В такси с Джессикой я перенесся в прошлое... и потом все. Моя память обрывается прямо там, после лишь пустоты.

Звук доносится с кухни.

Даже не успев подумать, я спрыгиваю с кровати, готовый схватить нож из ящика в прикроватной тумбочке.

И тут в дверном проеме появляется Джессика, на ней снова моя футболка Guns N' Roses.

— Я сделала завтрак, — широко улыбаясь, сообщает она. — Он немного остыл, но я не хотела тебя будить.

Я закрываю глаза, потирая ладонью переносицу.

— Прости. Что, э-э-э... кажется, я не помню большую часть прошлого вечера.

— Нет? — спрашивает она. — Казалось, ты все понимал. Просто... отстранился. Закрылся в собственной голове. Кажется, не очень веселое место.

Качаю головой, не в силах поверить, что отключился на часть вечера.

— Господи. Мне очень жаль.

— Ты продолжал твердить это всю ночь, — говорит она. — А потом пил много виски. Я не собиралась тебя останавливать. Тебе необходимо было сделать то, что тебе было нужно. Но мне все же удалось уложить тебя в постель, пока ты не отключился.

Смотрю вниз на свои боксеры и поднимаю бровь.

— Ты разделя меня.

— Было забавно, — сообщает она. И кивает в сторону кухни. — Теперь поторопливайся, пора есть.

— Сейчас буду, — рассеянно говорю ей, направляясь в ванную. Я едва могу смотреть на себя в зеркало. Мне слишком стыдно, я слишком смущен. Часть меня даже не хочет идти туда и смотреть Джессике в глаза.

Но другая часть думает иначе. Часть, которая хочет смотреть ей в лицо, слушать ее голос, быть в свете, которым она освещает мой путь.

Я сажусь за стол, и Рыжик наливает мне чашку кофе. Помимо омлета, который она сделала, остальное - копия нашего первого завтрака.

— Я сделал что-то... неуместное прошлой ночью? — спрашиваю я, рука немного трясётся, когда тянусь за кружкой.

— К сожалению, нет. — Ее глаза блестят. На мгновение я задаюсь вопросом, насколько то, что я вижу, настояще. Вымученная попытка быть веселой и делать вид, что все в порядке? Но затем понимаю, что в Джессике нет ничего не настоящего. Несмотря на то, что я облажался, она действительно счастлива быть здесь.

Я рад этому.

— Не было необходимости оставаться, — говорю ей.

Она тянется к омлету и водит им по тарелке.

— Я не собиралась оставлять тебя.

— Я в порядке.

Она передает мне тарелку и пристально смотрит.

— Наверное, так и есть. Был когда-то. Но если мы собираемся быть друзьями - друзьями, которые иногда целуются - такие друзья не встают и не уходят друг от друга, когда ситуация становится трудной. Или если у одного из них кризис. Так оно и было, верно? Это что-то типа кризиса? Как твой кошмар?

Мне трудно проглотить кофе. Я киваю.

— Да. Что-то типа такого.

— И ты все ещё не хочешь говорить об этом.

Умоляюще смотрю на неё.

— Ладно, — говорит она, занимаясь яйцами. — Просто чтоб ты не забыл, ты обещал однажды рассказать мне.

Я хмыкаю в знак согласия и на секунду теряюсь в мыслях, наслаждаясь тем, что мы ведём себя как пара.

— Кстати, — произносит она между укусами, — твои татуировки... что они означают? Вот эта на латинском?

Я беспокойно кашляю, делая глоток кофе.

— Nec Aspera Terrent. Это означает много вещей... трудности будут прокляты, трудности не сдерживают нас, сильные не падают, нет страха на земле.

Я не добавляю, что это очень популярный девиз военных во всем мире и, конечно же, в нашем полку.

— А корабль. И вороны?

— Мне нравятся обе эти вещи, — говорю ей. Разумеется, в них больше смысла, но, вероятно, не такого глубокого, как она ожидает.

— Понимаю.

После этого мы едим, и я размышляю над тем, что произошло прошлой ночью, и как мне удалось удержать разум под контролем.

Когда я вернулся домой между кампаниями, у меня было расписание, которого я придерживался, что мало-мальски позволяло мне оставаться в здравом уме. Я ходил в местный бассейн и каждое утро плавал кругами по два часа. И столько же бегал по вечерам. Только тогда я мог спать всю ночь, только тогда мог превратить свою внутреннюю пытку во внешнюю. Передача силы и боли.

Я перестал это делать с тех пор, как переехал в Эдинбург. Собственно, с тех пор, как впервые узнал о Джессике. Она стала моим способом переноса боли, вины и всего остального.

— Какие планы на сегодня? — неожиданно спрашиваю я.

— Завтра у меня будет физиотерапия, — говорит она, выдавливая кетчуп на тарелку. — Так что, по большей части, никаких.

— Если я возьму тебя кое-куда... если смогу организовать кое-что для нас, пойдёшь со мной?

Она кладёт вилку вниз и смотрит на меня.

— О чём именно речь?

Откидываюсь на спинку стула.

— Я когда-то был заядлым пловцом. Плавал каждое утро. И тут подумал о твоей ноге, как трудно тебе двигаться... возможно, это хороший способ почувствовать себя свободной.

— Не могу, — возражает она так, словно съела что-то горькое.

— Почему нет?

— Потому...

— Это поможет твоей ноге. Мышцы получат тренировку без боли, и у тебя не будет веса или давления. На самом деле, не удивлюсь, если твой физиотерапевт тоже предложит тебе водную терапию. Уверен, она так и сделает. А это будет частное занятие. Со мной.

— Я не в подходящей форме для купальника, — тихо говорит она, глядя вниз на свои руки. — Мне придётся снять шину. Мои шрамы...

— У меня тоже шрамы. Пусть они смотрят на нас обоих. Кому, черт возьми, какое дело?

Она вздыхает, сдувая прядь волос с лица.

— Ненавижу то, насколько ты убедителен.

Я улыбаюсь ей, чувствуя, что выиграл очень незначительную битву, но, тем не менее, выиграл.

— Это часть моего обаяния. У меня, знаешь ли, его целая куча.

Джессика смеётся.

— Ты опять за своё.

Я сижу сложа руки, и, хотя множество эмоций и страхов борются за место в моем мозгу, стараюсь сосредоточиться только на одном.

Джессика у меня на кухне: ест, смеётся, солнце светит у неё за спиной.

Я знаю, что сделаю все угодно, чтобы так и оставалось впредь.

Позже в тот же день я вызываю такси, чтобы отвезти нас сначала в аптеку, где я кое-что покупаю, а затем к Джессике, чтобы она могла захватить купальник. Пока жду, быстро гуглю лучшие бассейны в городе, а затем начинаю смотреть машины, которые нуждаюсь в небольшой починке. У меня есть еще один сюрприз для Рыжика, и мне нужна машина, которая не заглохнет, проехав первые пару метров.

Когда Джессика возвращается, она нервничает, неся в руках сумку с белыми ручками. Я держу руку на ее колене, в то время как водитель везет нас в «Королевский бассейн Содружества», в тени горы Артур - скалистой, зеленой вершиной, возвышающейся над Эдинбургом.

Комплекс самый большой в этом районе и залит естественным светом. Сейчас середина дня посреди рабочей недели, поэтому народу почти нет. На дорожках есть пару человек, но в бассейне пусто. Идеально.

Мы оба разными путями отправляемся в раздевалки и выходим в бассейн одновременно.

Мои плавки немного тугие - прошло много времени с тех пор, как я надевал их.

Она замечает это, и ее глаза устремляются прямо к моей промежности.

Я вынужден мысленно кричать на свой член, чтобы он сохранял спокойствие, потому что она выглядит абсолютно потрясающе в простом черном слитном купальнике. Я еще не видел ее такой, практически обнаженной, на ее ноге нет ни шины, ни гипса. Ее ноги бледные, худощавые с четко выраженными мышцами, а бедра и попа с изгибами во всех нужных местах.

— Ты пляшишься, — сообщает она.

— Как и ты, — указываю я.

Она кивает на мой член.

— Трудно не смотреть. — Прочищает горло. — Не пора ли тебе купить пару побольше?

— Просто следи за собой, — говорю я ей.

— Сам следи за собой.

Ничего не отвечаю на это.

Начинаю идти к бассейну, и, когда она не следует за мной, оглядываюсь на неё.

— Не уверена, куда поставить костили, — говорит она, осматриваясь вокруг.

Я возвращаюсь к ней и беру их у нее.

— Можешь постоять минутку? — спрашиваю я.

Она кивает и делает это как профессионал, пока я ставлю костили у стены. И тут я вспоминаю, что она была инструктором по йоге и, вероятно, чертовски хорошим. И тут же думаю, а насколько она гибкая в других направлениях.

«Перестань, идиот, — напоминаю себе. — В этих плавках нет места для ошибки».

Я возвращаюсь к ней, и, прежде чем она успевает что-либо сделать, наклоняюсь и беру ее на руки.

Она игриво визжит, звук отдается эхом по покрытому кафелем пространству, а я несу ее к краю воды, делая все, что в моих силах, чтобы не смотреть вниз на ее ложбинку, достаточно впечатляющую с этого угла, где еще несколько бледных веснушек ведут к скрытым местам.

— Давай-ка посмотрим, какая из тебя русалочка, — говорю ей.

Она обхватывает мою шею руками, и я вспоминаю, как она делала это, пока мы целовались прошлым вечером. Сейчас все напоминает мне о сексе.

— Пожалуйста, не урони меня, — просит она мне в грудь.

— Я тебя не брошу, — заверяю ее. — Не такой уж я жестокий.

Медленно захожу в бассейн, с легкостью неся ее легкое тело, спускаясь по ступенькам, пока вода не опускается до моей талии, щекоча ее ноги.

— Мы спустимся вместе, медленно.

— Больше инсинуаций, — говорит она.

— Может быть.

Я продолжаю идти вперед, прохладная вода поднимается, пока не оказывается на уровне моей груди, и Джессика почти полностью погружена в воду.

— Ты в порядке? — бормочу ей в макушку. Её волосы пахнут ванилью и розами. Делаю глубокий вдох.

— Была, пока ты не понюхал мои волосы, — говорит она, отклоняясь назад, чтобы ухмыльнуться мне.

— Может, я все же брошу тебя, — дразню я.

Она делает глубокий вдох.

— Давай. Я готова.

— Уверена?

Джессика убирает руки с моей шеи, и я осторожно открываю руки. Она свободна и плывет.

Она двигает руками, держась на плаву, медленно отдаляясь от меня.

— Полагаю, довольно сложно забыть, как плавать, — говорю ей, наблюдая, как она движется все дальше и дальше. Я знаю, что она не утонет, даже если ее ноги вообще не функционируют - а я знаю, что это не так - но даже в этом случае я внимательно слежу за ней. А затем, когда она находится в середине бассейна, плыву, чтобы присоединиться к ней.

— Хочешь перевернуться? — спрашиваю я. — Я могу помочь.

Она кивает, и, когда она переворачивается, кладу руки ей под живот, действуя в качестве pontona. Она осторожно начинает отталкиваться здоровой ногой, а затем и другой.

— Что-нибудь болит? — спрашиваю я, мои собственные ноги работают в ускоренном темпе, чтобы удержать меня на плаву. В противном случае я бы утонул, как камень пошел бы ко дну, недостаток того, что во мне мало жира и много мышц.

Она качает головой, выплевывая воду.

— Нет. Странно ощущать воду на шраме, и моя нога работает не очень хорошо. Словно слишком лениво. Но все остальное хорошо.

— Так ты все-таки русалочка.

— Просто наблюдай за мной, — говорит она и начинает отплывать.

И я смотрю на нее. Смотрю, как она становится сильнее, плывет быстрее. Я смотрю, как ее застенчивые маленькие движений превращаются в громкие брызги. Наблюдаю, как она делает глубокий вдох, а затем исчезает под водой, спускаясь вниз, все ниже и ниже, как если бы она была русалкой.

Когда она всплывает, темно-красные волосы скользят по ее лицу, глаза яркие и широко раскрыты, улыбка очень красивая, и я полностью очарован.

Она смеется, явно радуясь, когда брызгает водой рядом со мной. Она ничего не говорит, просто улыбается мне широко и красиво, и я чувствую ее радость, ее свободу. На этот раз она ничем не скована, она свободна, плавает так, как плавала до инцидента. Здесь для нее нет ограничений.

Ее не остановить.

Затем она брызгает мне прямо в лицо, хихикает и снова погружается под воду.

Я устремляюсь вниз, осторожно включаясь в погоню, чтобы не схватить ее за ноги, когда приближаюсь. Я все еще отличный пловец, но могу уступить ей. Хлор сжигает мои глаза, когда я смотрю на нее, наблюдая, как она движется в воде, словно мифическое существо, ее рыжие волосы струятся позади нее.

Здесь мы невесомы, свободны, разные версии самих себя. Мы кружим около друг друга, наслаждаясь приглушенным гулом воды, и свет, проникающий из окон, танцует вокруг нас. Мы плаваем, словно принадлежим глубине, будто нам не нужно дышать, а когда нуждаемся в воздухе, выныриваем, делаем несколько глотков воздуха и погружаемся обратно в этот новый мир.

Джессика начинает плыть по направлению к другому концу бассейна, ее тело, гибкое и живое, плавно перемещается по воде. Что-то в этом движении вызывает у меня инстинкт хищника.

Я плыву за ней и с легкостью догоняю. Хватаю ее за руку и притягиваю к себе, жестко целуя ее. Пузырьки воздуха всплывают вокруг нас, улавливая свет, словно звезды. Ее волосы плывут вокруг нас, словно красные водоросли.

Мои легкие горят. Мы разрываем объятия и, с трудом дыша, поднимаемся на поверхность, прорываясь сквозь нее. Прежде чем Джессика успевает что-то сказать, я притягиваю ее ближе, проявляя особую осторожность, когда хватаю ее за бедра и заставляю обернуть ноги вокруг моей талии.

Она тяжело дышит, глядя на меня широко раскрытыми глазами, пока капельки воды катятся по ее лицу. Я смотрю, как одна скользит с ее лба, вниз по носу, ко рту, а затем касается губ, прежде чем исчезнуть.

Есть что-то эротичное в поцелуях в воде. Чувства словно обостряются. Все такое мокрое, скользкое, такое мягкое. Её рот против моего податливый, а язык игривый и жаждущий. Легко увлечься, что я и делаю.

Мои пальцы устремляются вниз по ее купальнику, между ее ног, ловко скользя по гладкой ткани, пока Джессика не издаёт мягкий стон. Напрягая ноги вокруг меня, желая большего трения.

Я усиливаю давление, прижимая пальцы к ней, пока она толкается в меня, ее рот теперь дикий напротив моего, жаждущий, нуждающийся, пожирающий.

Я начинаю тянуться к краю ее купальника, желая скользнуть пальцами в неё, почувствовать ее изнутри, заставить ее почувствовать меня, но покашливание выталкивает меня из дымки в реальность.

Отрываюсь от ее влажных губ, ее глаза прикрыты от похоти.

Еще одно покашливание.

Мы оба принимаем стойку «смирно» и смотрим на спасателя, стоящую на краю воды. Она ничего не говорит, просто пристально смотрит на нас, а затем уходит. Полагаю,

интимные ласки в общественном бассейне под запретом. Хотя, если честно, я был в минуте от того, чтобы вытащить член и скользнуть в нее.

— Ну, — говорю я, когда Джессика осторожно размыкает ноги вокруг меня. — На чем мы остановились?

— Думаю на том, что нас выгоняют из бассейна, — смущенно отвечает она, щеки становятся бледно-розовыми. Грудь уже раскраснелась, но думаю, это из-за меня.

— Это было просто предупреждение, — говорю ей. — То, которое мы послушаем.

— Я облизываю губы, все еще ощущая вкус ее губ. — Кажется, ты полностью функционируешь воде. Маленькая красная русалочка.

— Я твоя русалочка.

— Значит, я матрос, которого ты пытаешься заманить песней сирены и убить.

— О, да. Я определенно пытаюсь тебя заманить, — говорит она, а затем начинает плыть к отмели.

Я усмехаюсь и устремляюсь за ней. С легкостью беру ее на руки и вытаскиваю из воды, чувствуя себя старомодным героем, спасающим утопающую женщину. Или, может быть, я больше похож на болотное чудище, несущее кричащую героиню в постель. Трудно сказать.

Я подношу ее к костылям, добровольно предлагая ей помочь в раздевалке, пока она не напоминает, что, если окажусь там, нас точно выгонят и навсегда запретят посещать это место. Я быстро принимаю душ, радуясь, что в душевых никого нет, так как у меня занимает много времени усмирить свою неконтролируемую эрекцию. Я почти рассматриваю возможность помастурбировать здесь, но есть разница между тем, чтобы быть дикарем и быть совершенно вульгарным. Затем я переодеваюсь в обычную одежду, которая не нарушает мое кровообращение, и потом мы садимся в такси.

Я говорю водителю сначала завезти домой ее, хотя, технически, мое место находится по пути. Несмотря на все чувства, которые она вызвала у меня, я все еще нахожусь на распутье, желая большего и понимая, что необходимо отступить. Да, я почти скользнул пальцами в нее в общественном месте, и кто знает, что еще могло бы произойти, но я не собираюсь делать предположения.

Однако когда машина подъезжает к ее дому в Ист-Крейг, я понимаю, что не могу отпустить Джессику. Не сейчас. Мы оба мокрые, оживленные и за последние двадцать четыре часа слишком многое произошло между нами, чтобы просто отбросить это волнение.

Честно говоря, мне больше всего хочется бросить ее на кровать и затрахать до безумия. Войти в нее так глубоко, что смогу оставить след в ее душе. Я хочу изучить ее тело снаружи и внутри. Хочу заставить ее чувствовать себя настолько живой, чтобы она поняла, что никогда и не знала, что такое жизнь. Я хочу всего этого и того, что она может дать мне, словно жадный ублюдок, которым я и являюсь.

— Будет неправильно украсть тебя еще на одну ночь? — спрашиваю я, когда она открывает дверь.

Она сомневается, оглядываясь на дом, и на мгновение мне кажется, что она ответит «нет», что с неё достаточно.

Затем она закрывает дверь, оставаясь в такси.

— Будет неправильно, если ты этого не сделаешь, — говорит она с застенчивой улыбкой.

Что-то горячее и примитивное проходит между нами, понимание того, что эта ночь будет не такой, как другие. Дикое напряжение трещит в воздухе, словно надвигается гроза.

С бешено колотящимся сердцем я говорю таксисту, чтобы отвез нас ко мне.

Глава 10

Джессика

Не уверена, что когда-нибудь так сильно волновалась. Я не переживала, когда закрыла дверь в родительский дом и начала жить самостоятельно. Не нервничала, когда отправилась на церемонию вручения дипломов университета, в глубине души боясь, что появится отец. Не сходила с ума, когда переезжала в Шотландию, зная, что мне придется встретиться лицом к лицу с прошлым и начать все заново.

А сейчас я сама не своя. Но тревога приятная, связанная с волнением и обещанием.

Кейр сидит рядом со мной в такси, и я ощущаю его присутствие всем своим существом. Пряный, едва различимый аромат его туалетной воды, тепло, которое излучает его кожа, воспоминания, как хорошо его руки держали меня, когда он нес меня в бассейн, то, как его глаза вглядывались в меня, напряженные и возбужденные, пока пальцы ласкали меня.

То, как эти же глаза сейчас изучают меня. Еще даже не вечер, и все же мы возвращаемся к нему, чтобы заняться сексом.

По крайней мере, я понимаю происходящее именно так.

Я могла бы отступить. Но не хочу. Я уже достаточно сдерживалась, лишая себя удовольствия. И теперь хочу знать, каково ощущать эти пальцы, когда между нами нет никаких преград.

Такси подъезжает к его маленькой квартире на Секус-Лейн, красные цветы в цветочных ящиках все еще яркие и не в курсе, что наступила осень. Кейр, всегда щедрый, платит водителю и помогает мне выйти из машины, а затем вручает мне мои костыли.

— Так или иначе, она не услышит, что мы пришли, — шепчет он мне, когда машина отъезжает, шины издают звук на брускатке, который я всегда нахожу странно успокаивающим.

Однако комфорт длится недолго. Когда Кейр открывает дверь, и мы заходим в коридор, я задерживаю дыхание. Мое сердце быстро стучит, тело покалывает. Даже путешествие по лестнице на костылях не способно отвлечь меня.

— Садись, — говорит он, когда мы заходим в его квартиру, и он закрывает за собой дверь. — Принесу нам что-нибудь выпить. У меня есть хорошее бордо, если еще слишком рано для виски. — Он бросает на свою кровать сумку, в которой лежат его плавки и то, что он купил в аптеке, затем уходит на кухню и начинает рыться в шкафах.

Я подхожу к дивану и ставлю костыли рядом с ним.

— Вино было бы чудесно, — говорю я Кейру, хотя втайне хочу виски на два пальца, чтобы успокоиться.

И его два пальца тоже. Эта мысль заставляет меня прикусить губу.

Кейр возвращается с кухни, держа в руках два бокала с жидкостью красного цвета и глядя на меня так, что я сажусь прямо. Его взгляд полностью сосредоточен на мне, он, кажется, ищет во мне нечто такое, что скрыто. Не думаю, что заслуживаю того, чтобы на меня смотрели таким взглядом, но не жалуюсь.

Он садится рядом со мной, касаясь моего плеча, и делает долгий глоток вина.

— Неплохо, — спустя мгновение говорит он.

Тоже делаю глоток. Неплохое вино, хоть я и не часто пью вина. Однако рада, что даже несколько глотков помогают мне расслабиться.

Не буду лгать, я чувствую себя немного неловко. Я не уверена, что говорить. До этого момента разговаривать с Кейром было легко.

Что, если ты переспишь с ним и все измениться? Что, если секс разрушит все, что у вас есть?

Я не хочу слушать эти мысли, хотя в них есть часть правды. Что бы там ни было между мной и Кейром, отношения хорошие, очень хорошие, и я не хочу все испортить.

Но давайте будем смотреть на вещи реально, мужчина, чье плечо прижато к моему, с неприкрытым восхищением наблюдающий за каждым моим движением, не может долго оставаться платоническим другом. Я имею в виду, черт, мы уже целовались, и он трогал меня так, как я не ожидала (определенко там, где я этого не ждала... привет, общественный бассейн). Поезд ушел.

И это следующее, что пугает меня.

Что, если я плоха в сексе? Раньше у меня никогда не было проблем с близостью, но Марк это одно, а Кейр... Кейр совершенно другое. Настоящий мужчина. Которого я не хочу разочаровать.

Что делать, если я не смогу справиться с близостью?

Что, если после этого он бросит меня?

— С тобой все в порядке? — спрашивает он, его великолепный голос такой низкий, что я начинаю нервничать еще больше.

Немного поднимаю бокал.

— Буду. Кстати, спасибо за сегодняшний день.

— Что я сделал? — спрашивает он.

— Я про плавание. Никогда и подумать не могла, что оно способно заставить меня почувствовать себя вот так.

— И как ты почувствовала себя?

Я закрываю глаза, вспоминая ощущения, когда находилась в воде, как она ласкала мои ноги, почти как любовник.

— Свободной. Я чувствовала себя свободной и... желанной. Словно была дома. Принадлежала тому месту.

Он ворчит, соглашаясь со мной.

— Может, ты и правда русалка, — говорит он, кладя руку мне на бедро, его кожа такая загорелая и грубая по сравнению с моей. — Я уже говорил тебе, мне трудно осознать, что ты настоящая. А это бы все объяснило.

Не знаю, что ответить на эти слова. Не хочу больше говорить.

Думаю, Кейр понимает меня. Что-то горит в его глазах, напряженность заставляет их сиять, и он делает еще один большой глоток вина.

— Оставайся здесь, — хрипло произносит он. Затем встает и исчезает в спальне.

Понятия не имею, что он делает. Он вернется голым? Принесет какую-то странную секс-игрушку? Ищет альбом, чтобы заставить меня посмотреть семейные фотографии? Кто знает?

Пока жду, допиваю свое оставшееся вино, а затем украдкой и его. Мое тело чуть расслабляется, и даже мозг перестает так усиленно думать. Огромное облегчение.

А затем приходит Кейр, держа в руках пакет из аптеки.

— Что это?

Он застенчиво улыбается мне. От чего становится похож на молодого парня, такое противоречие с его твердым мужским телом и грубо-манерами.

— Происходящее может показаться действительно странным, поэтому я заранее извиняюсь, если ты подумаешь, что я облажался, э-э-э, в смысле еще больше, чем раньше. Не хочу, чтобы ты испытывала дискомфорт.

Господи. Он и правда собирается использовать какую-то странную секс-игрушку.

Я не хочу, чтобы он думал, что я против чего-то нового, поэтому стараюсь продолжать улыбаться.

— Ладно... — медленно говорю я.

Он вытаскивает маленькую бутылочку лака для ногтей красного цвета и бросает пакет на кофейный столик.

— Что? — спрашиваю я, мне сложно сложить два и два. — Лак для ногтей? Зачем?

— Чтобы накрасить твои ногти. — Он смотрит вниз на мои ноги, на ненакрашенные ногти на ногах, выглядывающие из сандалий. — Я лишь хочу, чтобы ты

почувствовала себя красивой.

Это самое милое и одновременно самое странное, что случалось со мной.

— Хорошо, — снова говорю я, все еще совершенно не уверенная. — Но мои ноги не в лучшем виде. В смысле, я побрила ноги, сделала пилинг и все такое, но... — бормочу я.

— Твои ступни прекрасны, — быстро говорит он, успокаивающе улыбаясь мне. — Как и твоя нога. Просто подумал, это будет весело. Ты позволишь мне?

Конечно же, я позволю ему. Просто никогда не встречала парня, который хотел бы накрасить мне ногти на ногах.

— А можно и на руках тоже? — спрашиваю я, шевеля пальцами рук.

Он с облегчением усмехается.

— Давай посмотрим, что получится на ногах. Никогда раньше таким не занимался.

На самом деле, я ощущаю облегчение. Если бы выяснилось, что для Кейра типичны подобные поступки, я бы не чувствовала себя особенной.

Он садится в самом конце дивана, и я немного откидываюсь назад, чтобы выпрямить ноги. Снимаю сандали, и они с громким звуком падают на пол. Кейр бережно поднимает мою ногу, обращаясь со мной с особой осторожностью, хотя это моя здоровая нога.

— Так вот, что ты купил в аптеке, — говорю я, чувствуя, словно мне нужно продолжать говорить. — Я-то думала, ты взял презервативы.

Его улыбка становится хитрой.

— О, презервативы я тоже купил.

Мое лицо горит, я представляю, как Кейр надевает презерватив.

— Ты был ужасно оптимистичен, — заявляю я.

— В этом нет ничего плохого, Рыжик.

Он проводит рукой вверх по моей икре, большие пальцы скользят по моим голеням, вплоть до колена. Смотрит на меня сквозь густые ресницы, сила его взгляда воспламеняет. Я чувствую, как тепло разливается во мне, и подавляю желание сжать ноги. К счастью, когда я забежала домой, чтобы взять купальник (слава Богу, Кристины и Ли не было дома), я захватила подходящий лифчик и трусики (фиолетовое кружево) и новое платье, поэтому нельзя сказать, что меня застали врасплох.

Его руки сильные, когда он держит меня, и я бессильна перед его властью. Он скользит вниз, сжимая икры, пока руки не оказываются на моей ступне, начиная массировать ее.

— Боже мой, — выдыхаю я, и моя голова падает на ручку дивана. Я выпускаю стон, который должен смутить меня, но нет. Ощущения слишком приятные. Я вечность не делала массаж ног, не говоря уже о любом другом виде массажа, и все напряжение и давление, с которыми мне приходится справляться, наконец, начинает исчезать.

— Именно это я и хотел услышать, — говорит он. — Дай знать, если буду слишком груб.

Боже, как же я хочу, чтобы он был груб со мной.

Не уверена, как долго Кейр делает массаж, но ощущается, будто целую вечность. Моя нога и ступня, словно зефир. Он, должно быть, устал, но его хватка не ослабевает ни на секунду.

— Итак, — говорит он, беря лак для ногтей. — Давай посмотрим, смогу ли я: а) нанести это на твой ноготь и не облажаться, б) не испачкать диван.

Я приподнимаюсь на локтях и наблюдаю, как он внимательно смотрит на мои пальцы.

— Знаешь, а у тебя очень миленькие пальчики на ногах, — замечает он.

— Вот это новость.

Кейр отвинчивает крышку и очень тщательно начинает красить ноготь на моем большом пальце. Я почти смеюсь от того, насколько он сконцентрирован. Темные брови

нахмурены, кончик языка торчит изо рта, глаза неотрывно следят за процессом. А руки совершенно не дрожат.

Я же, с другой стороны, изо всех сил стараюсь не дрожать. Я становлюсь очень беспокойной, когда нервничаю, поэтому вынуждена глубоко дышать, чтобы оставаться на месте. Кэт будет впечатлена, хотя не для этого она показывала мне эти дыхательные упражнения.

Кейр заканчивает красить большой палец и дует на него.

От чего я вздрагиваю, мне щекотно.

Широко улыбаясь, он смотрит на меня.

— Боишься щекотки ещё где-нибудь?

— Нет, — отвечаю я. Чистое враньё.

— Придется проверить самому.

Верю его угрозе. Но затем он приступает к следующему пальцу, и, когда доходит до мизинца, его действия становятся более медленными и чувственными. Он массирует мою ногу, пока держит ее, дует на нее дольше, глядя на меня с жаром.

— Вот, — говорит он, поднимая мою ногу выше, чтобы я могла видеть ногти. Сгибаю пальцы. Он на самом деле хорошо справился. — Что думаешь?

— Очень хорошо. Хотя не думаю, что тебе стоит вступать в ряды вьетнамских женщин в салоне дальше по улице.

Он изображает досаду.

— А я так сильно рассчитывал на это. — Ставит бутылочку на журнальный столик, а затем показывает на шину. — Можно?

Я киваю, хотя сердце начинает биться быстрее. Я надела шину недавно, сразу после бассейна, и она не должна быть грязной, пахнуть или что-то в этом роде, но есть нечто крайне уязвимое в такой позиции.

Он дотрагивается до икры, осторожно держа по бокам и практически не касаясь задней части.

— Больно?

Я качаю головой, не спуская с него глаз, когда он осторожно снимает мою шину. Он делает это с уважением, словно разворачивает подарок, которого никогда не ожидал. Снимает заднюю часть сапога и осторожно освобождает мою ногу.

— Все еще нормально? — нежно спрашивает он.

Пытаюсь сказать «да», но выходит лишь писк.

Кейр держит мою ногу в руках, мою бедную, худую, бледную ногу. Несмотря на то, что при взгляде сверху она кажется здоровой, весь ущерб внизу, и кончики его пальцев почти касаются того места.

— Шрамы, — затаив дыхание, говорю я. — Пожалуйста, будь осторожен.

— Странные ощущения, правда? — спрашивает он. — Болит так, что невозможно описать.

Я киваю.

— Да.

— Буду максимально нежен, Рыжик. Последнее, чего я хочу, причинить тебе боль. Можешь довериться мне в этом.

И я доверяюсь ему.

Он двигается вниз по моей ноге и начинает массажировать ее, на этот раз действуя более деликатно, словно хирург в разгар операции.

С другой ногой ощущения совершенно иные. Сочетание боли и удовольствия. Я хочу, чтобы он остановился, но, в то же время, не хочу.

Затем он делает кое-что, что полностью шокирует меня.

Поднимает ногу и облизывает подушечки моих пальцев.

Я выдыхаю.

— Хочешь, чтобы я остановился? — Его голос хриплый, что само по себе делает

принятие решения легким.

— Нет, — тихо говорю я. Все, о чем я могу думать, насколько происходящее одновременно и правильно и неправильно. Неправильно, потому что, хотя вчера я принимала ванну, а сегодня дважды душ и плавала, мне все еще стыдно, что мои ноги были спрятаны так долго. Правильно, потому что это Кейр, и его рот, а я хочу, чтобы его рот был повсюду, включая ноги.

Он нежно дует на палец и снова облизывает его. Ощущения шокирующие, потрясающие и такие сексуальные. Мой мозг не может решить, что чувствовать по поводу всего этого, а тело пытается прийти с ним к какому-то соглашению.

Затем Кейр открывает рот, прикусывая мой палец, словно пытается укусить его, прежде чем медленно всосать в рот.

И он действительно посасывает мои пальцы. Его язык кружит по ним, влажный и горячий, и из моей груди вырывается глубокий стон. Закрываю глаза, когда снова ложусь на диван, подчиняясь этим запретным ощущениям. Никогда не думала, что буду наслаждаться подобным или найду такое приятным, и все же вот она я, практически таю.

Кейр делает то же самое со следующим пальцем, затем еще с одним, пока мое тело не напрягается от желания, умоляя о большем.

Намного большем.

— Как насчет того, чтобы накрасить остальные ногти позже? — неразборчиво спрашивает он.

Его дыхание поднимается вверх по моей икре, направляясь выше.

Я открываю глаза, чтобы посмотреть, и ловлю его горячий взгляд, его зрачки расширяются, становясь чернильными лужами на фоне сумеречного зеленого. Не разрывая зрительный контакт, он двигается вверх по моему бедру, руки осторожно сжимают мою икру.

Я непроизвольно раздвигаю ноги. Хочу и более чем готова.

— Теперь ты чувствуешь себя красивой? — спрашивает он.

Да. Определенно. Более того, я чувствую себя такой желанной, как никогда раньше.

Он коротко кивает, глаза сверкают.

— Я еще не закончил с тобой.

Затем он продолжает двигаться вверх, и я поднимаю свое платье до тех пор, пока оно не оказывается у меня на талии. Кейр отпускает мою ногу, и она оказывается рядом с ним, свисая с конца дивана, когда его руки снова раздвигают мои ноги.

Он опускает голову, пальцами отводя в сторону мои трусики, и у меня перехватывает дыхание, когда он проводит языком по внутренней стороне моего бедра, нервные окончания на коже воспламеняются.

Я ощущаю, как резкий поток воздуха касается меня между ног, где я припухшая и жаждущая, и еще один вздох слетает с моих губ. Все во мне снова напрягается, когда его лицо приближается. Я ожидаю, что он продолжит облизывать меня, так же как делал только что.

Но он этого не делает.

Его палец нежно скользит в меня, в то время как губы остаются на моем бедре. Я наблюдаю за ним, и эмоции одолевают меня. Перестаю сдерживаться, ощущая, как сжимаюсь вокруг него, желая большего.

Он медленно и неспешно вытаскивает палец и кладет его в рот, затем посасывает.

Кейр не говорит ни слова. Не говорит мне, какова я на вкус. Ему и не надо. Я поднимаю голову, чтобы встретить его пристальный взгляд, и все понимаю по его глазам. Я для него, словно самый сладкий десерт. Он облизывает палец так, словно я сладкое мороженое.

Продолжая смотреть на меня, он вводит в меня другой палец. Ощущений почти слишком много, но по его взгляду я понимаю, он хочет, чтобы я продолжала наблюдать за

ним.

Затем он снова вытаскивает пальцы, медленно облизывая их.

Боже правый.

Это и правда происходит?

Я не думала, что у Кейра достаточно смелости для такого, но мне следовало подумать лучше. И, когда он скользит ловкими пальцами в меня, я знаю, что мне даже не стоило задумываться над этим. Он дает мне именно то, что мне нужно, хоть я сама и не знала, что нуждаюсь в этом.

Разрываю зрительный контакт и снова ложусь на диван, моя киска расширяется для него, желая его, и мне нет дела до того, как много я ему покажу. На самом деле, эта идея заводит меня еще больше.

— Теперь ты чувствуешь себя красивой? — бормочет он, прижимаясь к моему клитору и кружка над ним, а затем снова дует. Горячий воздух заставляет меня извиваться, мои ноги напряжены.

Чувствую. Но не хочу говорить ему, в основном потому, что хочу большего. Я хочу, чтобы он пошел дальше.

Он так и делает.

Кейр опускает рот. Горячий, влажный, мягкий язык, и облизывает мои горячие, влажные складочки.

Невообразимо хорошо.

Я громко стону, пальцами впиваясь в край дивана, когда он проходится языком по моим складочкам, а затем неторопливо выводит языком круги на моем опухшем клиторе. Он действует медленно, неторопливо, и я должна чувствовать себя все лучше и лучше.

Только вот я жажду большего.

Я нетерпелива.

Хватаю его за голову, зарываясь пальцами в мягкие, густые волосы.

Тяну за них.

Он стонет в меня.

Так же, как до этого играл с моими пальцами, теперь он всасывает мой клитор.

У меня нет времени, чтобы осмыслить происходящее.

Мое тело напрягается, пока я не перестаю дышать, видеть и чувствовать.

А затем я взрываюсь.

Это словно чертова волна.

Она зарождается где-то внутри меня, проходя через все тело, задевая каждый нерв, разрушая меня этим удовольствием. Я кричу, задыхаюсь, стону, руками хватая его за волосы, словно у моего тела есть собственный разум. Оно дрожит и извивается, словно не в силах немного успокоиться. И я продолжаю кричать, звуки эхом отдаются в комнате.

Я не могу двигать ногами и мне все равно. На сей раз мне это безразлично. Я могла бы просто лежать здесь вечно, мое тело все еще дрожит, а мозг, словно теплое желе.

Но затем Кейр встает, возвышаясь надо мной. Вытирает блестящий рот тыльной стороной ладони. Наклоняется и поднимает меня.

Я не протестую. Я практически обессилела. Полностью выдохлась и понятия не имею, как смогу до конца вечера сделать что-нибудь еще.

Но Кейр кладёт меня на кровать.

Стягивает платье через голову, оставляя меня в лифчике и трусиках.

Ядвигаюсь к краю кровати и откидываюсь назад на локтях, чтобы посмотреть, как он снимает мои трусики, нежно стягивая их по ногам, пока они не свисают с одной ноги. Вкупе с красными ногтями выглядит весьма эротично.

Затем встаёт рядом со мной и начинает раздеваться.

Сначала носки.

Затем рубашка.

Брюки.

Боксеры.

Его напряженный член оказывается на свободе.

Не знаю, можно ли вообще сравнивать его с кем-то, но у меня в прямом смысле слова перехватывает дыхание.

Я в шоке.

Он не просто большой, он толстый и идеальный. В сочетании с гигантской татуировкой парусника на бедре, он выглядит так, будто создан для секса.

Какое бы чувство удовлетворения я не испытывала, оно исчезло, и теперь я снова голодна.

Нет, даже больше того, я сгораю от желания.

Трудно сосредоточиться на чем-то другом, кроме этого идеального члена, и я знаю, что должна отвести взгляд, но не могу. Я могла бы смотреть на него весь день и все еще считать этот день продуктивным. Меня одолевает безумная потребность просто взять его в руки, почувствовать его вес, жар, попробовать блестящую каплю жидкости на толстой головке.

Я сажусь, все еще в одном лифчике, и тянусь к Кейру, пальцами впиваясь в его задницу, когда пытаюсь притянуть его ближе.

Черт.

Его задница невероятна: упругая и крепкая. Еще одна часть его тела, которую я хочу облизать.

«Кто ты?» — спрашиваю себя, потому что эти развратные мысли совершенно новы для меня. Словно какая-то похотливая, смелая женщина вселилась в мое тело

Я та Джессика, которую разбудил Кейр.

Кейр делает шаг вперед, и я раздвигаю ноги шире, они практически свисают с кровати. Одной рукой притягиваю его ближе, а другой касаюсь его члена.

Он словно бархат. Твёрдый, горячий бархат. Моя рука поднимается от толстого основания прямо к головке, мягко сжимая, пока я двигаюсь.

Кейр зарывается руками мне в волосы и тянет за них, с его губ срывается гортанный стон. Подтверждение того, что он испытывает удовольствие от моих прикосновений, подстегивает меня для большего, и я наклоняю голову, касаясь губами его головки.

Еще один стон вырывается из него, тот, который, похоже, лишает меня возможности мыслить связно. Хотя, давайте посмотрим правде в глаза, я перестала думать в тот момент, когда его губы коснулись моего пальца.

Скользя языком по головке, я чувствую солоноватый вкус его возбуждения, ощущение одновременно и острое и бодрящее. Дразня его, я облизываю его от основания до самого кончика, чувствуя каждую вену, пока держу в руках эту жаркую, пульсирующую плоть.

Его хватка в моих волосах усиливается, гранича с прекрасной болью.

— Джессика, — хрипло бормочет он, и я застенчиво поднимаю глаза, видя, как он откидывает голову назад. Адамово яблоко на толстой шее подпрыгивает, когда он слгатывает. — Господи, как же я хочу трахнуть твой сладкий рот.

Он снова смотрит вниз, веки отяжелели, едва скрывают огонь в его глазах.

— Тебе нужно остановиться или я кончу прямо тебе в горло.

Медленно вынимаю его изо рта, взгляд Кейра сосредоточен на этом движении.

— А может, я этого и хочу.

— Возможно, позже, — говорит он. — Я знаю, чего ты хочешь прямо сейчас. Знаю, что тебе необходимо.

Он немного отходит назад, и его член оказывается на свободе, темный и блестящий после моего рта.

— Секундочку, — произносит он и уходит в гостиную. Пользуясь моментом, я снимаю лифчик, бросая его через комнату.

На несколько секунд я остаюсь одна и этого достаточно, чтобы взглянуть на вещи объективно. Я обнаженная, лежу на краю его кровати, его член был у меня во рту, и он вот-вот трахнет меня. Кусаю губу, стараясь не улыбнуться. Пожалуй, это самое забавное, что случалось со мной за последние годы.

Он возвращается с упаковкой презервативов, бросает ее на тумбочку, а затем разрывает серебряную упаковку.

Мой пульс бешено стучит, пока я наблюдаю, как он медленно раскатывает презерватив по всей длине.

— Скажи, если будет больно, — говорит он, шагая вперед и держа член в руке, большим и средним пальцем потирая основание. Его другая рука скользит вверх по моей ноге. Я настолько возбуждена, что просто сочусь влагой. — Боже, — стонет он, пальцами дразня мой клитор и глядя мне прямо в глаза. — По крайней мере, я знаю, что из-за этого не причиню тебе боль. Ты вся мокрая.

Нетерпеливо улыбаюсь ему.

— Ну, что я могу сказать. Я уже какое-то время хочу этого.

— Это мои слова, — хрипло говорит он, хватая меня за бедра и притягивая ближе. Я оборачиваю здоровую ногу вокруг его талии, радуясь, что у него достаточно высокая кровать. Учитывая мою травму, большинство поз будут проблематичными для меня, но пока он во мне, мне плевать.

К слову о нем во мне, мое терпение вот-вот закончится. Поэтому ногой подталкиваю его вперед.

— Медленно, — шепчет он мне, стоя на полу, словно неподвижная стена. Нежно проводит головкой вверх-вниз по моему клитору, останавливаясь, чтобы ненадолго погрузиться в меня, прежде чем вернуться обратно. Звук настолько влажный, что почти вульгарен.

Я закрываю глаза, сдаваясь этой дразнящей ласке. Он не входит в меня, лишь намекает на то, что будет, но я все равно чувствую, что открываюсь для него, мое тело жаждет большего.

— Нравится? — бормочет он, голос настолько хриплый от желания, что я даже не могу ответить ему. Киваю, откидывая голову назад, волосы скользят по спине и щекочут позвоночник. Каждое ощущение сейчас усиливается. — Как думаешь, сможешь принять всего меня?

С трудом сглатываю, кивая. Практически прося. Мое сердце бешено стучит, кожа горит, а соски напряжены от холодного воздуха.

— Посмотрим, Рыжик, — говорит он и хватает меня за бёдра, толкаясь в меня.

Медленно.

Дюйм за дюймом.

Он ощущается хорошо, затем его слишком много, потом я даже не знаю, что чувствую, потому что все, что ощущаю - он. Растигиваюсь вокруг него, почти чувствуя боль.

Делаю глубокий вдох, напоминая телу расслабиться.

И затем расслабляюсь, даже если все еще сжимаю простыни руками.

— Хочешь, чтобы я остановился? — практически рыча, спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я, облизывая губы. Смотрю на него. — Ни за что.

Он кивает и, двигаясь вперед, внимательно наблюдает за мной. Рот приоткрыт, дыхание прерывистое. Лоб нахмурен от удивления. Словно он не может поверить в то, что это происходит, не может поверить, насколько хорошо ощущается.

Между нами есть очевидная связь, та часть, когда мы оба убеждаемся в том, что все в порядке, что мы вместе.

Мы подходим друг другу. Он - большой, грубоственный мужчина, я - маленькая женщина. Но мы сможем, у нас получится. У нас уходит минута, у меня на то, чтобы перестать анализировать происходящее, убедиться, что моя нога в норме, а у него на то,

чтобы удостовериться, что он не причиняет мне боль и сможет двигаться дальше без сопротивления.

Если честно, все это немного странно. Потому что мы два человека, которые хотят друг друга так сильно, что чувствуем это каждой клеточкой души, и все же нам необходимо время, чтобы действительно соединиться.

Но на все уходит лишь несколько минут. Мы оба практически неподвижны, пока я подстраиваюсь под него, и он приспосабливается ко мне, а потом все меняется.

Как же хорошо.

Очень хорошо.

— Джессика, — стонет он, хватка на моих бёдрах усиливается, а затем его руки поднимаются к моей талии. — Бл*ядь...

Происходящее не описать словами. Он наблюдает за мной, смотрит на себя, и на то место, где он погружается в меня. Он в восторге от зрелища, медленно вперед, а затем неторопливо назад.

Каждое движение моих бедер, каждый его толчок, подталкивает нас дальше, и я понимаю, что тоже смотрю. Зрелище завораживает. То, как сжимается его пресс, крошечные бусинки пота собираются в складочках. Я притягиваю его ближе, желая большего, и он входит так глубоко, что воздух покидает мои легкие.

Моя голова снова падает назад, глаза закрываются, прежде чем я сдаюсь. Он во мне так глубоко, что я не могу представить, как раньше жила без этих ощущений.

Они пробуждают что-то внутри меня, я загораюсь, словно динамит. Теперь я кручу бедрами, внезапно желая большего, и Кейр мгновенно отвечает.

С ворчанием он начинает толкаться быстрее, наклоняясь надо мной. Бусинка пота катится с его лба мне на грудь.

Он целует меня, быстро и горячо. На вкус он как соль, похоть и рай.

И тогда мы находим наш темп, тела двигаются в безумном ритме. Я бы могла сказать, что он легко скользит вперед-назад, мы свободно двигаемся вместе, но это не так. Я держусь за него, за простыни, пытаясь не задеть больную ногу.

Он продолжает толкаться в меня. Словно это его обязанность. Такой большой мужчина, и, кажется, я больше не вижу ничего в комнате, лишь его. Мышцы на его шее напряжены, пот катится вниз, глаза сверкают. Звуки, с каждым толчком слетающие с его губ, грубые и примитивные. Не думаю, что он знает, что издает их, но они заставляют меня чувствовать себя невероятно сексуальной, и я приближаюсь к краю.

Бам.

Бам.

Бам.

Кровать бьется о стену. Простыни спутаны, моя грудь подпрыгивает. Хозяйка, определенно, услышит нас, но мне все равно.

Напряжение внутри меня становится все сильнее и сильнее. Кейр скользит пальцами по моему клитору.

— Боже, хочу увидеть, как ты кончаешь, — хрипит он.

Ему не приходиться ждать долго.

Грубые движения его пальцев заставляют меня разбиться, словно стекло.

Я кричу, мой голос наполняет комнату.

В его глазах горит триумф.

Затем я выгибаю спину, оргазм накрывает меня, выводя мой разум из уравнения. Мои глаза закрываются, пока я дрожу под Кейром, звуки, ускользающие с моих губ, принадлежат кому-то другому.

Вот так, именно так. Всегда только так.

Я теряюсь в этой дымке, не желая возвращаться из нее, когда он начинает кончать. Но открываю глаза, чтобы посмотреть.

Такое красивое зрелище.

Он откидывает голову назад, обнажая горло. Мышцы на шее, груди, прессе и руках напрягаются. Он толкается быстро и жестко.

Кровать отодвинута от стены, его ворчание и шлепки потной кожи наполняют комнату.

Кейр входит в меня с такой силой, словно он гребаный воин, а я - сражение, которое ему необходимо выиграть.

Затем он выпускает долгий, животный стон, плечи дрожат, пока он кончает.

Толчки замедляются. Хватка на моей коже слабеет.

Кейр наклоняет голову вперед, влажные волосы прилипли ко лбу. Тяжело дыша, он внимательно рассматривает меня. Я и сама все не могу отдохнуться.

— Было хорошо? — глотая воздух, спрашивает он. И медленно выходит из меня.

Заставляю себя кивнуть.

— Да, — я едва могу говорить. Мое тело словно пробежало марафон. Сердце все еще бешено стучит, и я глотаю ртом воздух.

Хочу сделать это снова.

Но у моего тела другие планы. Желудок урчит, теперь я хочу есть, и Кейр улыбается мне, пока завязывает презерватив и бросает его в мусорное ведро.

— Не знаю, как ты, но я, определенно, готов к огромному чертову гамбургеру или чему-то еще, — говорит он, двигаясь по комнате и вручая мне свою одежду. — Гамбургер и много пива.

— Звучит заманчиво, — отвечаю ему. А потом застенчиво добавляю: — Думаю, я нагуляла аппетит.

Кейр останавливается передо мной, член все еще наполовину возбужден. Он наклоняется и кладет руку мне на щеку.

— Спасибо, — мягко говорит он, вглядываясь в мои глаза. Он выглядит таким удовлетворенным, что я чувствую гордость. Это из-за меня. Я принесла ему покой.

— За секс?

Он кивает.

— За то, что подарила мне частичку себя. Я буду хранить ее. В безопасности, — он делает паузу. — Ты можешь доверять мне, Джессика.

Слова задевают что-то в моем сердце. Пробуждая чувства, с которыми, я не уверена, что делать.

Он нравится мне. Очень сильно.

Быстро целую его, пытаясь перестать думать.

— Я знаю, — говорю я ему. — Теперь давай наденем на тебя штаны, чтобы ты лишний раз не соблазнял меня.

Глава 11

Кейр

Прошла неделя с тех пор, как я в последний раз видел Джессику. Не удивительно, ведь это была одна из самых трудных недель в моей жизни.

Я хотел ее видеть, да. Но, учитывая предстоящую поездку, мне надо было заняться машиной, а ей своей ногой. Все ее время занимала физиотерапия, в то время как я проводил время с зеленым «Ягуаром» шестидесятых годов выпуска, чтобы он был готов к дороге и отвечал всем требованиям. Черт, дело даже не в том, что он должен быть исправным, он должен быть достойным Джессики. Я хочу, чтобы все было идеально.

В среду утром, испытывая беспокойство, я подъезжаю к ее квартире. Честно говоря, я все еще в шоке от того, что она согласилась. Я много раз слышал, как она говорила, что хотела бы убежать, начать все с начала. И подумал, что у меня есть идеальное решение для нас обоих.

Несмотря на то, что сейчас последняя неделя сентября, погода, по большей части, вполне хорошая, что бывает редко, и даже когда в Эдинбурге ливень, я внимательно слежу за прогнозами. На Шотландском высокогорье, похоже, бабье лето, и, хотя шансы на это не очень высоки, я готов их принять. Кроме того, я слышал, что там чудесно в любое время года, и поскольку мы оба любим разную погоду, если придется, сможем справиться с дождливой дорогой.

У меня есть приблизительный план того, что я хочу сделать. Поскольку ни один из нас не был на севере, я решил, что мы должны проехаться по North Coast 500^x, шотландская версия Route 66, и теперь ее рекламируют как одну из лучших пяти дорог в мире. Концепция новая, но туристический офис сильно продвигает ее. Пока туристов не очень много, но в ближайшие годы все может измениться.

Это все, что у меня есть. Я знаю, что многие отели и домашние гостиницы закрываются по мере приближения зимы, но у нас все должно быть в порядке, по крайней мере, до первой недели октября. Надеюсь, если мы рассчитаем все правильно, мы вернемся в Эдинбург через неделю, к следующей встрече Джессики с группой поддержки.

Каждый день я восхищаюсь храбростью этой женщины. Она хорошо справляется с трагедией, не убегает и не скрывается. Она сильнее, чем сама думает, и из-за этого я почти забываю о собственной роли в том, что случилось с ней.

Почти.

Но все это все еще здесь, скрыто в глубине моего сердца. Когда на прошлой неделе мы занимались сексом, когда я был глубоко внутри нее, заставляя ее тело дрожать, во мне жила часть вины, от которой я не мог избавиться. Я знал, что секс с ней – наконец-то – будет впечатляющим, но я не ожидал, что он так повлияет на меня. И пока я сгораю от желания быть снова с ней, вина, сопровождающая ситуацию, напоминание о том, кто я, в наши самые интимные моменты, вероятно, появится снова.

Если только она не избавит меня от вины другим способом.

Звук хлопающей двери привлекает мое внимание. Джессика машет мне с передних ступеней, маленький чемодан на колесиках стоит рядом с ней, и я выхожу из машины, чтобы помочь.

— Я могу справиться сама, — говорит она, а затем смотрит на машину, сверкающую, словно лес в слабом солнечном свете. — Ого, а она красивая.

Всю неделю, пока работал над машиной, я присыпал Джессике фотографии, но, полагаю, вживую она выглядит еще лучше.

Забираю у нее чемодан и тут замечаю, что кое-чего не хватает.

— Никаких костылей?

Она улыбается мне и поднимает трость, слегка крутя ей.

— Неа. Теперь я сама элегантность.

— Определенно, так и есть, — говорю ей, а затем наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в щечку. Она восхитительно пахнет. Моя кровь начинает закипать. — Лучше бы тебе сесть в машину до того, как я наброшусь на тебя прямо здесь. — Смотрю ей через плечо и вижу, как Кристина и ее своеобразный муж выглядывают из окна, наблюдая за нами. Киваю им, и они исчезают в тени дома.

— Дай угадаю, они не одобряют, — спрашиваю я, неся чемодан Джессики к багажнику.

— Черт, нет, — говорит она, садясь на переднее сиденье и бросая трость на заднее.

— Но, если я что-то задумала, они не многое могут сделать, чтобы остановить меня.

— Охотно верю.

Забираюсь внутрь и завожу машину. К моему облегчению, «Ягуар» мурлычет, как голодный котенок, и мы отправляемся вниз по дороге.

— Итак, как твоя терапия? — спрашиваю я. Несмотря на то, что мы часто переписывались друг с другом, и она держала меня в курсе, личный разговор совершенно другое. В сообщениях Джессика кажется смелее. Но только когда вижу ее лично, я понимаю, как она на самом деле себя чувствует.

Она пожимает плечами, скользя руками по панели и изучая машину.

— Нормально.

— А на самом деле?

Она смотрит на меня краем глаза.

— Довольно паршиво.

Киваю.

— Как так?

— Ну, не буду утомлять тебя подробностями, но давай просто скажем, оба занятия закончились слезами и ненормативной лексикой. Не знаю, как Кэт терпит меня. Наверное, поэтому она такая жестокая, она вынуждена быть такой.

— Есть улучшения?

— Ну, избавление от костылей было первым. Я сильно завишу от трости, и, вероятно какое-то время так и будет, но, если использовать ее вместе с шиной, я могу ходить довольно много. В смысле, не совсем ходить, скорее, неуклюже шагать, да еще и хромая, но приму то, что есть, на данный момент.

— Честно говоря, звучит многообещающе. Я горжусь тобой.

Она смотрит на меня, медленно моргая.

— Ты хорошо справляешься, Рыжик, — говорю я, убедившись, что она слышит. — Прежде чем сама осознаешь, ты уже будешь бороться с преступностью.

Она мило смеется.

— Что?

Пожимаю плечами.

— Разве не так бывает? Героиня восстанавливается после того, как ее оставили умирать, а затем использует новообращённую силу, чтобы бороться со злом, обитающим в ее городе?

— Единственные, с кем я сражаюсь в Эдинбурге, чёртовы чайки. Вчера они едва не обделали меня.

Мы сидим в приятной тишине, пока едем через Форт-Бридж в Перт, а затем в Питлохри, направляясь в Инвернесс. Конечно, между нами есть напряжение. Оно постоянно потрескивает, словно оборванные линии электропроводки. Быть так близко к ней и держать руки на руле - не что иное, как чистая пытка. Потому что теперь я знаю, какова на вкус ее кожа, знаю, как она ощущается изнутри, тугая и горячая. Помню, как ее тело слилось с моим так, что происходящее вышло за рамки простого и легкого траха. Не поймите меня неправильно, это было легко. Черт, так же естественно, как и дышать. Но я не ожидал такой связи с ней.

Ту же самую связь я ощущаю и сейчас.

Мы по очереди выбираем радиостанции. В машине только АМ-диапазон, поэтому я останавливаюсь на «Мотаун», в то время как она предпочитает свинг музыку. Мы говорим обо всем: британской политике, канадском премьер-министре (уверен, он ей нравится), существуют ли пришельцы (определенко, да) и незабываемом отпуске.

На последней теме она уходит в себя, и я знаю, что заставляю ее думать о детстве, о котором она думать не хочет, поэтому рассказываю ей о первом (и единственном) разе, когда я ходил на охоту с отцом.

— Даже не уверен, что это можно назвать каникулами или отпуском, — рассказываю ей, когда мы приближаемся к автомагистрали. — Моя мать редко выражала своё мнение в нашей семье, отец подавлял всех нас. Но, по ее настоянию он взял моего брата, Мала, и меня на Лох-Ломонд, поохотиться на куропаток. Я даже не уверен, что к югу от Высокогорья есть куропатки, мы ни одну не видели. Но дело не в этом. Он думал, что сделает из нас мужчин, и на самом деле то был единственный раз, когда он проводил время с нами.

— Сколько вам было?

— Мал младше меня на девять лет. Мне тогда было шестнадцать.

— Ему было семь, когда он пошёл на охоту? — недоверчиво спрашивает она.

Я киваю.

— Да. Наверное, в моем случае отец увидел упущенную возможность. Я оказался не тем человеком, в котором он нуждался, не тем сыном, который был ему нужен, так что вместо этого он отправился за Малом. Что ж, если встретишься с Малом, ты поймешь, получилось не очень хорошо.

— Дай угадаю, он гей.

Я смеюсь.

— Он был бы рад это услышать. Нет, про него такое не скажешь. Мужчина-шлюха, вроде этот термин несколько раз использовала моя сестра. Но я не виню его. Сорняки и цветы растут из одной и той же грязи. Если он хочет быть ловеласом, флаг ему в руки. Но осесть и завести семью - не про него. Не помогает и то, что он фотограф и постоянно окружен женщинами.

— Какая тяжелая жизнь.

— Да. Он преуспел. Я горжусь им, хотя не думаю, что говорил ему об этом. На самом деле, прошел уже год, как мы последний раз разговаривали по телефону. Нерегулярно обменивались письмами, иногда смс. Если честно, не думаю, что у меня есть его номер, — я замолкаю, потому что отошел от темы и говорю немного сентиментально.

— Так или иначе, мы отправились на охоту, мне было шестнадцать и я был бунтарем. Попадал в проблемы в школе, с девушками... зависал с неправильными людьми, а в Глазго неправильные люди довольно жестокие. Но я хотел быть рядом с отцом, а также хотел защитить Мала, так что согласился на поездку.

Джессика напрягается.

— Твой отец был жесток?

— Ага, — просто говорю ей. — Так он жил. Постоянно колотил нас. Никогда не отправлял в больницу, и мы не могли ни на что пожаловаться, не будучи названными киской.

— Даже Мал?

— Он был избавлен от худшего. Я принял удар за него на себя. Все было нормально. Позже я перерос отца и узнал, как бороться. Думаю, для меня он хотел именного этого, чтобы я сопротивлялся и был мужчиной. Он, конечно же, сам таким не был. Он играл в азартные игры и потерял наши деньги, а потом однажды исчез. Никогда больше его не видел.

— Даже сейчас?

— Он мертв.

— Боже. Мне очень жаль, — говорит она, рукой касаясь груди.

— Не стоит, — отвечаю. — Теперь я с легкостью говорю об этом, потому что у меня было много времени подумать. Я продолжал жить своей жизнью, и были другие вещи, о которых стоило волноваться. Его пырнули ножом в драке. Из-за денег. Он умер на улице. Мне не нравится, что все так обернулось, но у него были проблемы, которые он отказывался признавать.

Джессика замолкает и снова смотрит в окно. Города остались позади, начинается Шотландское высокогорье. Шоссе идет через холмы, болота и торф, в сезон превращаясь в золото. В них нет ничего драматичного, но они хороший предвестник будущего пейзажа.

Я продолжаю, надеясь разрядить обстановку.

— Охота, конечно же, как я говорил, превратилась в катастрофу. Куропаток не было. Мы втроем должны были спать в палатке, и все два дня, которые провели там, шел дождь. Но отец не позволил нам уехать, и мы с братом, не жалуясь, делали то, что он просил. Ходили по болоту, мокли, с винтовками высматривая добычу. Единственный, кого мы увидели - кролик, и то отец упустил его. Но знаешь, несмотря на все, у меня остались лишь хорошие воспоминания. Я долго не возвращался к ним, потому что не хотел вспоминать о детстве или отце в любом положительном свете. Затем понял: можно оценить воспоминания и хорошие времена независимо от того, насколько они редки, и не оправдывая все дермо, что случилось. Никогда не надо чувствовать вину за то, что пытаешься увидеть хорошее в плохом.

Снова тишина. Джессика кивает, так что я знаю, что она слушает.

Я давлю на нее, лишь немногого.

— У тебя должны быть хорошие воспоминания, они должны быть главными. Они не перечеркивают все то дермо, через которое ты прошла...

— Не уверена, — безапелляционно заявляет она, и я понимаю, что лучше оставить ее в покое. Она заговорит, когда захочет. Не буду больше давить на нее.

Проходит немного времени, и мы въезжаем в город Инвернесс, известный тем, что находится на реке Несс, которая ведет, конечно же, в Лох-Несс. Идеальная остановка перед подъемом на север.

Мы заселяемся в отель, небольшой таунхаус напротив реки, и поднимаем чемоданы в комнату.

— Здесь мило, — говорит Рыжик, идя прямо к большому арочному окну, выходящему прямо на реку, где одинокий рыбак в болотных сапогах стоит посередине.

Мило, но по другим причинам.

Напряжение вокруг нас снова нарастает. Время обеда, и мы не ели ничего, лишь кое-что перекусили на заправке. Нам стоит пойти и пообедать где-нибудь, действительно насладиться атмосферой. Тем не менее мой голод совсем иного рода.

— Ты сильно голодна? — осторожно спрашиваю ее, пока она стоит у окна, проникающий свет идеально подчеркивает ее формы.

— Не очень, — отвечает она, поворачиваясь лицом ко мне. В ее глазах жар, которого раньше не было.

— Хорошо, — говорю я, шагая по комнате, пока ее лицо не оказывается у меня в руках. — Потому что я безумно голоден.

Я целую ее.

Жестко.

Влажно.

Дико.

Совсем не так, как в первый раз. Тогда все было нежно и осторожно, наши тела изучали друг друга.

На этот раз все иначе.

Я изголодался по ней.

Я желал ее всю прошлую неделю, с тех пор, как ее стройные ножки покинули мою

квартиру.

Постоянно мечтал о ней, обо всех вещах, которые хотел сделать с ней.

Теперь она здесь, в моих руках, и я медленно начинаю.

Я ласкаю ее шею, облизывая и посасывая так, как ей нравилось тогда, до тех пор, пока она не начинает дрожать, мягкие стоны срываются с ее губ. Музыка для моих ушей.

Я мгновенно раздеваюсь до трусов, она срывается футболку через голову, и я опускаюсь на колени, чтобы помочь ей выйти из юбки и трусиков. Сначала спускаю юбку и смотрю на нее, когда мои руки медленно скользят вверх по ее бедрам.

Джессика роняет трость и хватается за мои волосы, чтобы сохранить равновесие.

Пальцами нахожу ее трусики, шёлк мокрый от желания.

— Господи, ты такая мокрая для меня, — шепчу ей. — Интересно, смогу ли я заставить тебя намокнуть еще больше? — Отодвигаю ее трусики в сторону и скользжу пальцем по ее складкам, ощущение заставляет меня сгорать от желания. Она издает длинный стон, крепче сжимая мои волосы. — Я хочу, чтобы мой член скользнул в тебя вот так. — Добавляю дополнительный палец и перемещаю их. — Вперед-назад, — шепчу я, когда мои пальцы двигаются вперед. — Ты хочешь сильнее, глубже?

Джессика стонет, я поднимаю голову и вижу, как она выгибает спину, выставив грудь вперед, сладкие розовые соски напряженные и твердые.

Охрененный вид.

— Хочешь мой член? — нежно спрашиваю я. — Или язык? Как ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

— Как-нибудь, как угодно, — говорит она сквозь еще один стон, когда я ввожу пальцы еще глубже.

Я прижимаюсь к ней лицом, высывая язык и облизывая ее клитор.

— Ты так хороша на вкус, — бормочу я, и она дрожит от вибраций моего голоса.

— Как женщина, моя женщина. Ты моя женщина? Если ответишь «да», я позабочусь о тебе.

— Да, да, я твоя, — практически хнычет она.

Я всасываю ее клитор, и она издает резкий вскрик, произнося мое имя так, что понимаю, если продолжит, я погибну.

Отодвигаюсь и встаю, хватая ее за руку, чтобы она не упала. Ее глаза полузакрыты, взгляд заторможенный, рот приоткрыт.

Несмотря на то, что до кровати всего лишь несколько шагов, я поднимаю ее и несу на постель, опуская на живот.

— Секунду, — бормочу я. Стягиша трусы и беру штаны с пола, вытаскивая презерватив из кошелька, и раскатываю его по стволу, член горячий и твердый в моих руках. — Можешь немного подвинуться?

Она двигается вперед, оказываясь на середине кровати, и я забираюсь на нее, мои бедра по обе стороны от нее, загорелая кожа рядом с бледной.

— Дай знать, если тебе будет больно, мы сменим позицию, — говорю ей, проводя пальцем по расщелине ее попки. Она такая стройная и упругая, что я инстинктивно шлепаю ее ладонью.

Немного жду, наблюдая за ее реакцией. Рыжик немного приподнимает попку, желая большего.

Снова шлепаю ее - на этот раз сильнее - звук наполняет комнату. Отпечаток моей руки расцветает на ее бледной коже, словно роза.

— Так тебе тоже нравится? — бормочу я, и как только она кивает, снова шлепаю ее, на этот раз по обеим половинкам - шлеп, шлеп!

— А вот так? — спрашиваю ее, возвращая палец к ее попке и проводя по расщелине. Скользжу дальше, сохраняя это на другой день, и ввожу указательный палец в ее влагалище. Она скользкая, теплая, и мы оба выпускаем маленькие стоны.

Я знаю, новые отношения достаточно рискованное дело, когда вы впервые

начинаете спать вместе. У меня есть целый шкаф, полный желаний, какие-то из них грязные, какие-то странные и запретные, никогда не имевшие возможности выйти, потому что я никогда не был с подходящей женщиной достаточно долго, чтобы попробовать их. У меня никогда не было их доверия. Когда мне было двадцать, у меня была девушка, но она была из тех, кто годился лишь для ванили.

И это было нормально. Но теперь у меня есть идеальная задница Джессики, кончик моего члена у ее расщелины, ее кожа по-прежнему красная от моей порки, и я хочу провести жизнь, выясняя, что еще мы можем сделать вместе.

Она двигает попкой, пытаясь подтолкнуть мой палец глубже.

— Терпение, — предупреждаю я, но все тщетно. Беру член и вхожу в нее так глубоко, как только могу.

Я стону, когда она окруживает меня, словно тугой бархатистый кулак. Тот факт, что ее ноги сведены, означает, что я могу использовать дополнительное трение ее бедер.

Черт. Надо было подроочить утром. Я долго не продержусь.

Она сжимает меня, и я толкаюсь дальше, мое дыхание прерывистое.

Прижимаю руку к ее плечу, медленно выходя, затем снова входя, пытаясь найти ритм, не причинив ей вреда. Мои бедра, немного дрожа, выполняют большую часть работы, мышцы напрягаются, когда я двигаюсь все быстрее и быстрее, мой член полностью исчезает внутри нее, основание блестящее от ее соков.

Я кручу бедрами и укорачиваю толчки так, чтобы оставаться в ней. Она сочится влагой, и я хочу оставаться в ней так глубоко, как сейчас. Она безумно тесная, пот течет по моим вискам, мышцы сильно напряжены.

Джессика стонет что-то.

— Хочешь кончить, Рыжик? — хрипло шепчу я. — Кончишь на моем члене? Сделаешь его чертовски влажным? Ты точно сделаешь его влажным.

Она стонет, хнычет, прося чего-то.

— Я собираюсь заставить тебя кончить, — говорю я. Грубо. — Чертовски сильно кончить.

Двигаю одну руку к ее талии и сжимаю ее, пока другая скользит между ее бедрами и матрасом, пока не добираюсь до ее клитора. Он покрыт влагой, и мой палец легко скользит по нему.

Это все, что нужно.

Ее тело подо мной напрягается, а затем начинает дрожать. Она пульсирует вокруг моего члена, клитор пульсирует под моим пальцем. Резкий крик срывается с ее губ, а затем смешивается с маленькими стонами.

Я кончаю сразу же за ней. Дрожь проходит вниз по моему позвоночнику, пока что-то во мне не взрывается. Я хрюкаю, как животное, толкаясь все глубже и глубже, кровать дрожит, пока сильно кончуя, выстреливая спермой в презерватив.

Я громко выдыхаю, дыхание прерывистое, сердце колотится. Откидываюсь назад на бедра, рассеянно пробегая руками по ее попке, пока вспоминаю, как дышать. Затем, когда мне перестаёт казаться, что у меня сердечный приступ, когда пот прекращает катиться по мне, я осторожно выхожу из неё.

Наклоняясь вперёд, прижимаюсь губами к её уху.

— Тебе понравилось?

Она поворачивает голову, глаза закрыты и издаёт звук, который, я думаю, означает «да».

Я убираю волосы с ее лица и целую ее в щеку. Затем оставляю крошечные, нежные поцелуи на ее шее, плече, по ее спине, пока, наконец, не слезаю с нее.

После того, как я избавляюсь от презерватива, бросаю ей рубашку и юбку на кровать.

— Теперь, когда мы насладились закусками, пойдем, пообедаем.

Глава 12

Кейр

Сейчас утро, впереди нас ждет долгий путь, но, несмотря на то, что я завожу будильник на семь утра, мы еще несколько часов лежим в постели. Не помогает и то, что, когда я лежу в постели с Джессикой, мне совершенно не хочется торопиться. Мы два раза долго и неспешно занимаемся сексом, прежде чем наконец спускаемся вниз, чтобы позавтракать в крошечном пабе отеля.

Пока я все еще жую бекон, Джессика извиняется, говоря, что хочет быстро принять душ, прежде чем мы уедем.

После того, как до отвала наедаюсь - секс, кажется, пробудил во мне аппетит, и я знаю, что мне придется снова начать бегать, чтобы не набрать вес - направляюсь наверх, чтобы проверить Джессику и отнести наши сумки в машину.

К моему удивлению, Рыжик, скрючившись, лежит на полу в середине комнаты и плачет.

— Что случилось? — Я сразу же переворачиваю ее на бок. На ней лишь трусики и майка, волосы мокрые после душа. Пытаюсь прикоснуться к ней, но она отталкивает меня, поворачивая голову в сторону.

— Я в порядке, все нормально, — быстро говорит она, шмыгая носом.

— Что случилось? — спрашиваю снова. — Ты ударилась?

Она закрывает глаза, словно ей больно, морщась, когда кивает.

— Да. Нет. Я не знаю. Это глупо. — Вытирает нос и печально смотрит на меня. Глаза красные. — Так глупо.

Нежно смотрю на неё, убеждаю ее открыться мне.

Она вздыхает и смотрит на ногу. На ней нет шины и нога бледная в утреннем свете, проникающем через окна.

— Я пыталась заняться йогой.

— Уже? — спрашиваю я, хотя это объясняет, почему она лежит на полу.

Она кивает.

— Знаю. Это глупо. Я начала с позы «собака мордой вверх», а потом приняла позу «сааранчи». Думала, смогу сделать позу война. Ну, знаешь, когдадерживаешь равновесие на одной ноге. Я попробовала ее, но надо было взять трость. А я не взяла. Другая нога начала дрожать, я потеряла равновесие и упала.

Я гляжу ее по волосам.

— Где болит?

— Нигде, — тяжело вздыхая, говорит она. Слышу грусть в ее голосе. — Только моя гордость. Упражнения такие чертовски простые, а я не могу продержаться дольше, чем десять секунд.

— Тебя ранили, Джессика. Я знаю, что йога была твоей карьерой, если не жизнью, но восстановление займет время. Я бы очень хотел, чтоб было по-другому. Хотел бы забрать у тебя эту боль, но не могу.

— Просто я раздражена, — сердито проводит рукой по лицу.

— Я знаю. — Поднимаюсь и держу ее рядом. — Пойдём. Давай сделаем вид, что ничего такого не случилось. Утром у тебя было два оргазма, и, можно сказать, что день начался отлично. Давай так же думать и дальше.

— Три оргазма, — говорит она с небольшой улыбкой. — Я поиграла с собой в душе, думая о твоем члене. — Она прикасается ладонью к моему члену и сжимает его, хитро глядя на меня.

Черт, я нашёл вулкан.

К счастью, Джессика, похоже, отвлекается от своих мыслей. После того, как она собирается, мы берем сумки и направляемся к машине, готовые к следующему этапу

поездки.

Похоже, сегодня погода не собирается идти нам на встречу, но хоть «Ягуар» тихо мурлычет. Дождь начинает бить в окна в тот момент, когда дорога начинает петлять, устремляясь к побережью. Тем не менее, вид все еще великолепный - пологие зеленые холмы слева, острые известняковые скалы, доходящие до моря, справа от нас - и я понимаю, что мне повезло, что у меня есть возможность изучить ту часть собственной страны, которую я никогда прежде не видел.

И повезло вдвойне, что рядом со мной эта женщина.

Сегодня вечером мы направляемся в рыбакий городок Вик, но по пути делаем несколько примечательных остановок. Первая - замок Данробин, словно вырванный из долины средневековой Франции. К сожалению, когда мы добираемся до него, начинается ливень, и, хотя мы укрываемся в стенах замка, женщина говорит нам, что нельзя использовать фотоаппарат, чтобы фотографировать картины в зале наверху (даже без вспышки, вот черт). Мы проводим остальное время снаружи под дождем, прячась под гигантским дубом, пока смотрим ежедневное шоу соколиной охоты.

С Джессикой, уютно устроившейся у меня под рукой, мы частично укрылись от ливня под высоким навесом, листья уже стали оранжевыми и красными, и мне нравится находиться здесь.

Я внимательно слежу за ней, когда шоу продолжается, она с детским удивлением смотрит на обученных охотничьих птиц. В какой-то момент старая сова по имени Бонзо проносится рядом с ней, и Джессика издает хихикающий визг, прежде чем зарыться лицом мне в грудь.

Я чертовски безнадёжен. Эта женщина такая разносторонняя, нежная и любящая, дерзкая и смелая, застенчивая и сладкая, дикая и сексуальная... Я едва могу соображать.

Но у меня нет другого выхода.

На нашей следующей остановке нет даже никаких вывесок. Если бы Джессика не посмотрела Lonely Planet в своем мобильном телефоне, мы бы проехали мимо.

Там говорится, что камни Акаванич были здесь с Бронзового века. Я никогда не был любителем истории и мои знания об истории Шотландии ограничены войнами между кланами. Тем не менее, камни более чем интересны. Все, что было создано человеком и существует так долго, вызывает пугающее чувство благоговения.

Мы паркуемся и выходим. Нет никаких надписей, которые бы говорили, что мы на месте, но это и так понятно. Камни стоят буквально на обочине дороги. Достаточно просто посмотреть сквозь высокий чертополох, и вы увидите их.

Мы находимся посреди болот. Дождь прекращается ровно настолько, чтобы позволить лучам света пробиться сквозь облака, окутавшие вершины холма, освещая синие воды Лох-Стэмстера. Низкие холмы болота представляют собой смесь мха зеленого, фиолетового и коричневого цветов, а посередине - полукруг из повидавших многое камней.

— Bay, — говорит Джессика, приближаясь к ним, словно в трансе.

Вблизи камни покрыты желтым и белым лишайником, свидетельством того, как долго они стоят здесь. Некоторые из них доходят до колена, другие практически с меня ростом. По бокам круга трава золотистая, а внутри зеленая, словно каждый месяц кто-то приходит сюда и косит ее. Хотя я знаю, что это не так.

Пока мы здесь, никто из нас ничего особо не говорит. Это тот тип места, которое требует уважения и молчания. Тяжелое, почти сверхъестественное чувство висит в воздухе, словно можно приблизиться и заглянуть в прошлое. Никто не знает, почему камни были расположены в таком порядке, как и в Стоунхендже, это по-прежнему остается загадкой. Может быть, это инопланетяне, возможно, Пикты, создали календарь, может кто-то, создавший раннюю версию садовых гномов. Кто знает.

Джессика останавливается у камня высотой до талии, предпочитая опереться на него вместо трости, когда смотрит на темно-синие воды озера по соседству. Она выглядит

задумчивой, волосы танцуют вокруг ее лица, пока ветерок, наполненный смесью травы, грязи и охлажденный горными ручейками, дует на нас. Мы оба одновременно делаем глубокий вдох. Этот воздух, возможно, самый чистый, которым я дышал.

Позволяю ей несколько минут побыть в трансе, разобраться в том, в чем ей нужно разобраться и, надеясь, что большие открытые пространства очищают ее душу.

Затем спрашиваю:

— Если бы ты жила в те времена, когда здесь появились камни, каким человеком была бы?

Она поворачивает голову ко мне и хмурится.

— Что?

— Представь, что ты живёшь в бронзовом веке, тысячи лет назад... кем бы ты была? Все ещё самой собой?

Она слабо улыбается.

— Не слишком ли мы погружаемся в нашу поездку? Я не знаю. — Она пожимает плечами, оглядываясь на горизонт, и делает глубокий вдох. — Легче представить, что они здесь, чем мы там. Разве тогда не кажется, что мы окружены призраками?

Так и есть.

Она пробегает пальцами по верхней части камня, лаская его, словно любовника.

— Не уверена, кем была бы. Мы - продукт генетики, или следствие того, сколько времени провели в этом мире? Влияет ли то, как мы были воспитаны? Природа против воспитания. Может быть, я была бы ведьмой, может быть, убежала бы из семьи посреди ночи на спине темной лошади. Кто знает, в какую беду я бы попала.

— Если попала в беду однажды, будешь попадать в неё всегда? — спрашиваю я.

— Полагаю, так.

— А я бы там был?

Она тихо отвечает, словно звук ее голоса может помешать мертвым.

— Могу лишь надеяться. — Смотрит вниз и жует губу. — Насколько глупо это не звучало бы... думаю, ты бы был там. Кажется, я знаю тебя всю жизнь.

Господи. Что эта женщина творит со мной?

Я едва могу дышать, ее признание заставляет мое сердце ускоренно биться. В третий раз за сегодня, я понимаю, что влюблена в нее сильнее и сильнее.

— Я чувствую то же самое, — удаётся сказать мне. Твою мать. Говорю как подросток.

Оставляю эти мысли и подхожу к ней, протягивая руку.

— Пойдём, мы ведь не хотим пропустить ужин в отеле.

Она берет мою руку, и мы идём по траве к машине, камни стоят по обе стороны от нас.

— А куда мы направляемся? — спрашивает она.

Я не сказал ей. Хотел, чтобы это был сюрприз.

Сам город Вик не очень интересен. В нем есть определенное очарование старого города и привлекательная набережная, но это - тень того, каким он был раньше, во времена расцвета добычи сельди. Шоссе ведет нас через город, но наш пункт назначения немного за городом.

Проезжая несколько миль, я сворачиваю направо к замку Акергилл, направляясь вниз по узкой полосе грязной дороги, окруженной золотыми и краснолистными деревьями.

— Ещё один замок? — спрашивает она, выглядывая из окна.

Я лишь улыбаюсь.

Дорога доходит до гигантского круга - поле с пятнистыми овечками посередине. Во главе круга, на берегу Северного моря, находится замок Акергилл. Он не такой впечатляющий, во всяком случае, на первый взгляд, как замок Данробин. Сравнительно небольшой, с красивой высокой центральной башней с зубчатыми стенами. Но разница в

том, что в этом замке можно остановиться на ночь.

— Это наш отель на ночь, — говорю я, паркуя машину рядом с «Ленд Роверами» с логотипом замка на них.

— Ты шутишь, — отвечает она, широко открытыми глазами глядя на замок. — Люди могут останавливаться здесь?

— Мы можем, Рыжик. Пойдём, заселимся.

Мы оставляем сумки в машине и заходим в массивные укрепленные двери замка. Внутри лишь средневековый декор, и на самом деле, замок похож на шотландский домик в более масштабном размере. Тартанские ковры, темные деревянные перила, картины оленей, рябчиков и гербы. В каждой секции есть что-то интересное, будь то чучела диких птиц в полете (или олень с клыками за стеклом), хайландинский рогатый скот или декоративные модели кораблей. Когда наконец-то находим стойку регистрации, петляя по комнатам на первом этаже, мы направляемся в наш номер.

В этом отеле нет лифтов (в конце концов, его построили в пятнадцатом веке), поэтому нам требуется некоторое время, чтобы наконец добраться до нашей комнаты, пройдя по нескольким грандиозным лестницам. Это того стоит.

— Это синяя комната, — говорит молодая блондинка администратор, вставляю сувальдный ключ в дверь и открывая ее. — Раньше здесь была детская.

Комната просторная и внутри много синего. Синие обои, небесно-голубые и цвета слоновой кости кресла и синее с белым покрывало с синим балдахином над ним. Мебель цвета темного дерева. Есть зона с одним стулом, окруженным тремя длинными окнами с обеих сторон, выходящими прямо на море и руины еще одного замка вдалеке.

Ванная более или менее простая. Размера квартиры, которая была у меня, когда мне было лет двадцать. С ванной и душем, и одним из тех унитазов, где сливной бочок расположен высоко на стене. Чтобы смыть за собой, надо потянуть за шнур.

Море везде вокруг нас, ветер проникает сквозь оконные трещины, борется с тонкими белыми занавесками. Воздух наполнен солью и солнечным светом.

— Все хорошо? — спрашивает администратор, и, когда Джессика отвечает ей «да», девушка предлагает нам чувствовать себя как дома. Мы можем отдохнуть в любой из главных комнат внизу, и нам подадут алкоголь, когда захотим. Ужин будет через несколько часов в главной столовой.

В ту минуту, когда девушка уходит, Джессика быстро подходит ко мне. Она побежала бы, если бы могла. Она хватает мое лицо, крепко целуя меня.

— Спасибо, — нежно говорит она у моих губ. — Спасибо. Спасибо.

У меня внутри что-то сжимается. Эмоции переполняют меня.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Она отстраняется, пробегаясь руками по моей груди, прижимая пальцы, словно проверяя, насколько я силен.

— Откуда ты знаешь, что я фантазировала о том, чтобы побывать принцессой?

— Полагаю, это удача

Честно говоря, пока мы исследуем комнату: старые книги, сложенные над камином, собственность Синклеров, которые захватили замок, старинные зеркала и большой шкаф, я думаю о том, что в другой жизни Джессика была бы принцессой. Не потому, что она ведет себя, как принцесса, а из-за ее внешности и манер — они абсолютно аристократичны.

— Как насчет того, чтобы подняться на самую вершину башни с зубчатыми стенами? Девушка рассказала, как это сделать. Там мы можем предаться твоим мечтам о том, чтобы стать принцессой. Бьюсь об заклад, оттуда открывается потрясающий вид на море.

Джессика с энтузиазмом соглашается, и мы выходим из комнаты в поисках приключений.

Но нас ожидает проблема.

Чтобы добраться наверх, нужно пройти по коридору и подняться по другой лестнице. Затем на том же этаже пройти через другую дверь и добраться до крошечной винтовой лестницы, сделанной из камня. Я едва ли могу подняться по ней, мои плечи прижаты к каменным стенам, и ступеньки слишком узкие, как для Джессики, так и для ее трости. Проход настолько узкий, что я даже не могу посадить ее себе на спину. Мы просто не поместимся.

Я оборачиваюсь и посылаю ей полный сожаления взгляд.

Она храбро улыбается.

— Все нормально. Не уверена, что хочу упасть и разбиться. И не знаю, может ли кто-то кроме ребенка подняться туда.

Она все понимает, но я чувствую себя ужасно уже из-за того, что предложил такое. Я должен был знать, замок не приспособлен для людей в ее состоянии. Она так хорошо скрывает свою травму, что иногда я забываю, что с ней что-то не так.

Иногда я забываю о многих вещах.

— Как насчет того, чтобы напиться, — говорю я, хлопая в ладоши. Звук поднимается по лестнице, отдаваясь эхом. Если наверху спит спящая красавица, сейчас она точно проснулась.

— Вот теперь ты дело говоришь, — отвечает Джессика.

Мы медленно продвигаемся вниз. Лестницы в замке открытые и широкие, но больше, чем несколько раз, ее трость застревает в шерстяной клетчатой дорожке, лежащей на них. Однако мы не торопимся.

На втором этаже находится столовая и зал. Мы останавливаемся около старого латунного телескопа, установленного в нише, и по очереди смотрим в него. Слева от замка широкая полоска белого песка, прямо напротив — скалистый берег, покрытый слоями темных отложений, напоминающих мне обугленные челюсти.

Вода поразительно чистая, пятна бирюзы постепенно расплываются, и вода становится практически лазурного цвета. От чего возникают мысли о том, что мы где-то в Средиземном море, но вода на ощупь ледяная, и нет ничего, кроме буровых вышек и рыболовных судов, пока не попадешь на побережье Норвегии.

Мы садимся в одном из залов, радуясь тому, что он пуст.

Потолки, должно быть, высотой футов двадцать, на стенах узорчатые обои и бра. На самом деле, здесь действительно чувствуешь себя как дома — со всеми буфетами, мягкими диванами, каминами, украшенными фотографиями замка, и мерцающими свечами в каждом окне, действительно создается впечатление, что мы находимся в доме какого-то богатого лорда. У одного из больших окон даже стоит пианино, и я быстро направляюсь к нему.

— Ты играешь? — спрашивает Джессика, садясь в конце скамьи.

— Не совсем, — говорю ей и осторожно прикасаюсь к клавишам. Я знаю лишь несколько песен, и большинство из них не известны. В юности, в Глазго, я иногда играл на синтезаторе за небольшие дополнительные деньги, обычно для шоу друга. У них ничего не вышло, так что это не имеет значения.

— А ты? — спрашиваю я.

— Нет. Но я бы хотела. Всегда думала, что в моем доме будет пианино. Даже если бы я никогда не научилась играть, просто чтобы мог играть кто-нибудь из гостей. Музыка успокаивает душу.

Слова вертятся у меня на языке, но я не смею произнести их.

Переезжай ко мне, и я куплю тебе пианино. Я куплю тебе что угодно, для тебя и твоей души.

Не уверен, видит ли она это в моем взгляде или нет, а если и видит, то для нее, вероятно, это слишком. Она внезапно извиняется, говоря, что хочешь взять телефон и отправить сообщение Кристине. Связь не ловит здесь и рядом, а Wi-Fi есть лишь в номерах. Хорошо. В любом случае, персонал принесет нам напитки.

Только они все не приходят. Я встаю, собираюсь отправиться на поиски одного из них, может быть, найти немного виски для нас двоих, когда слышу крик, а затем неуклюжий, наполненный болью звук кого-то падающего.

Твою мать.

Практически перепрыгиваю через кушетку, пытаясь выбежать из комнаты в главный зал, и вижу Джессику, лежащую у лестницы, ее трость валяется на пару ступенек выше.

Второй раз за сегодня я опускаюсь на колени и притягиваю ее к себе.

— Джессика, — кричу я.

Но, в отличие от падения, которое было раньше, сейчас все серьезно. Из ее носа идет кровь, она в шоке потирает свои ноги, не в силах открыть глаза.

— Лежи спокойно и не двигайся, — приказываю ей. — Тебе нужно оставаться неподвижной. У тебя могут быть травмы, о которых ты не знаешь.

Два сотрудника отеля в панике присоединяются к нам, спрашивая, вызвать ли скорую.

Джессика качает головой.

— Моя трость, — бормочет она. Открывает глаза, смотрит на меня, снова и снова моргая. — Она зацепилась за покрытие на лестнице, и я упала.

Мое сердце замирает, но я отмахиваюсь от этих эмоций.

— Позволь мне посмотреть, — прошу я, снова вытягивая голову, чтобы лучше видеть. Джессика лежит, ее здоровая нога находится под больной. Шина вот-вот спадет, но пока держится. — Где болит? Вот, откинь голову назад. — Я вытаскиваю из кармана салфетку, которую взял с обеда, и наклоняю ее голову назад, чтобы остановить кровь.

— Везде, — говорит она. — Плечи... ой, бедра. Я знаю, что делать. У меня уже было такое. Нога немного болит, но не думаю, что слишком повредила ее.

— Вызвать врача? — спрашивает блондинка с ресепшн. Она кажется испуганной, может быть, больше из-за возможного судебного процесса, чем взволнованная благополучием одного из ее гостей, но, конечно же, во мне говорит циник. Здесь, в отдаленном районе Севера, шотландцы более чем искренние.

— Нет, — говорю им, продолжая смотреть на Джессику, убеждаясь, что она держит салфетку у носа. — У нее будет синяк, но думаю, это все.

Джессика кивает, смотрит на них и улыбается улыбкой, достойной Оскара.

— Со мной все будет хорошо, — говорит она. — Мне жаль. Я не привыкла к этой трости, и слишком торопилась.

Смотрю на них.

— Я отведу ее в номер. Но если вы хотите принести нам бутылку виски в качестве компенсации, мы будем благодарны.

Девушки кивают, радуясь, что все проблемы будут уложены лишь бутылкой «Макаллана», и спешат в кладовку.

Я поднимаю Джессику на руки и поднимаюсь по лестнице, наклоняясь, чтобы по дороге захватить ее трость. Мы добираемся до комнаты, и я осторожно кладу ее на кровать. Несколько мгновений спустя одна из девушек появляется с бутылкой виски пятнадцатилетней выдержки, которую я с удовольствием принимаю.

— Сейчас, — говорю Джессике, снимая стакан с полки над камином. На улице темнеет, небо затянуто облаками. Я быстро наливаю нам два стакана, затем подхожу к кровати и вручаю один ей.

— Спасибо, — шепчет она, прежде чем откладывается назад и проливает виски на покрывало.

Не говоря ни слова, вручаю ей свой полный стакан, а затем приступаю к осмотру ее тела. На ней леггинсы до колен и длинный шерстяной свитер, так что трудно осмотреть тело полностью. Я заставляю ее снять свитер и вижу проявляющийся на плече синяк. Спускаю ее лосины и вижу фиолетовые пятна, проявляющиеся на бедрах, а затем и на

колене. К счастью, пострадала лишь здоровая нога.

— Что ж, при падении пострадала эта сторона, — говорю ей, опуская ее свитер, пока она допивает виски из моего стакана. — Уверен, у тебя несколько дней будут синяки, но ты ничего не сломала, кровотечение из носа остановилось, и, думаю, твоя нога будет такой же, как и прежде.

— Имеешь в виду больной и бесполезной? — спрашивает она, ее голос монотонный.

— Эй, — говорю ей, беря ее за подбородок и поворачивая лицом к себе. — Перестань так говорить. Я серьезно. Ты не хочешь, чтобы люди жалели тебя, но тогда и сама должна перестать вести себя так, как человек, которого хочется пожалеть.

Слова просто выскользывают. Я не хотел говорить так резко, хотя это полная правда. Ей это не нравится. Она замирает, рот раскрывается.

— Не думаешь, что мне будет больно, когда я просто упаду с долбаной лестницы? — вскрикивает она, глаза полны злости. — Считаешь, я должна просто не обращать на это внимания?

— Да, — говорю ей, зная, что уже разозлил ее. — Ты должна встать и справиться с этим.

Она шокирована моими словами.

— Я встала. Иправляюсь с этим.

Я смотрю на нее.

— А если бы я не пришел, долго бы ты сидела там, на полу. Я про оба раза.

Она прищуривается.

— Не думаю, что мне нравится эта твоя сторона засранца.

— Это не моя сторона.

— Весело играть в адвоката дьявола, когда сидишь в баре, а не когда приходиться иметь дело с чертовой трагедией. Считаешь, что подобное дерзко может произойти с кем-то и этот кто-то не должен чувствовать? Что-то случилось с тобой, что-то заставило тебя упасть на колени. — Внутри меня все цепенеет. — Лишь потому, что ты так чертовски хорошо скрываешь это, держа в себе, не значит, что я могу вести себя так же. Ладно, может быть, я в последнее время немного зла и раздражена, ну и что, подай на меня в суд. Справляюсь с этим как могу.

Делаю глубокий вдох через нос. Она права. Я знаю, как похоронить боль глубоко в себе, а она этому еще не научилась, не так, как я. И это, наверное, хорошо.

— Прости, — говорю ей, забирая с кровати пустые стаканы и ставя их на тумбочку. — Я лишь хочу, чтоб ты сохранила оптимизм. Ненавижу видеть тебя такой.

— Знаешь что, Кейр? Я тоже ненавижу видеть себя такой. Думаешь, мне нравится каждый раз превращаться в ноющую стерву, когда ситуация становится тяжелой? А вот и нет. Терпеть не могу быть такой. Из-за чего я начинаю ненавидеть себя, и затем порочный круг продолжается.

Скрециваю руки на груди, желая иметь возможность сделать что-то.

«Ты виноват в этом, — думаю я. — Если бы ты стал таким мужчиной, которым твой отец хотел, чтоб ты был, ты бы мог поговорить, исправить все. И тогда бы Льюис никогда не отправился туда со своим ружьем».

Игнорирую эти мысли. Я не могу пойти по той же дороге, по которой идет она.

— Прости, — говорю я снова, но она отворачивается от меня, тем самым говоря мне, чтоб я отвалил. Если бы я знал Джессику чуточку лучше, я бы понял, это знак мне отступить или наоборот продолжать. Но я не знаю. Несмотря на все то, что я чувствую к ней, она все еще загадка для меня.

Решаю действовать осторожно, хотя у меня такое чувство, что невозможно не рисковать и действовать осторожно, когда дело касается отношений.

— Пойду, приму душ, — сообщаю ей и иду в ванную, закрывая за собой дверь, но на всякий случай не запирая ее на замок, вдруг она поменяет мнение и решит

присоединиться ко мне. Хотя первое, что я сделал бы, заставил ее принять ванну. Если бы только в этом отеле была английская соль.

Намыливаю волосы, когда, вроде как, слышу, как хлопает дверь в комнату. Полагаю, это другая дверь в коридоре. В замке ведь не очень хорошо со звукоизоляцией.

Но когда заканчиваю, обворачиваю полотенце вокруг талии и открываю дверь в спальню, она пуста. Джессика ушла. И полупустая бутылка виски лежит на кровати.

Господи, она выпила слишком много. Поднимаю бутылку, ставлю ее на каминную полку и тут слышу звук. Подхожу к нише и открываю одно из окон, выходящих на море.

Джессика находится на пляже внизу, гладкий каменистый отрезок у воды.

— Эй! — зову ее. — Какого черта тытворишь?

Но ветер приглушает мой голос. Джессика не оборачивается. Вместо этого она шагает вдоль скал, пока не оказывается у края воды, несколько раз ее трость практически соскальзывает.

Господи. Сейчас случится катастрофа.

— Не иди дальше! — на всякий случай кричу я, вдруг она услышит меня. — Вернись, ты навредишь себе.

Последнее, что ей нужно, упасть там. Скалы острые и неровные, а она и так уже с трудом сохраняет равновесие.

Возвращаюсь в комнату, собираясь закрыть окно, когда происходит немыслимое.

Джессика бросает трость на землю.

Девушка, полностью одетая, прыгает с края скал в воду и с плеском исчезает.

— Джессика! — кричу я и на долю секунды замираю, боясь, что она может не всплыть. Это та доля секунды, которая легко могла бы поставить на мне крест, та же, которая предопределила будущее моих людей. Я долго ждал, боясь высказаться. Здесь же, я слишком долго ждал и смотрел.

Она не всплывает, вода слишком холодная.

Ну, давай, всплывай, давай же.

Но тут ее голова показывается из воды, и она начинает плыть.

Прочь от берега.

Еще хуже.

Я даже не тружусь надеть брюки. Выбегаю в полотенце, вниз по главной лестнице замка и на улицу, к берегу. Все это время я не вижу ее и боюсь, что происходит сейчас, когда я не могу наблюдать за ней. У меня перед глазами стоит ее тело, лежащее на воде, бледное и безжизненное, волосы кружатся вокруг нее, как красные водоросли.

Бегу за угол замка и наконец вижу воду. Автоматически осматриваю береговую линию и, когда не вижу Джессику, на меня накатывает тошнота. Меня научили не паниковать, но никогда не готовили к кому-то вроде Джессики.

Затем я вижу крошечную голову на расстоянии, по крайней мере, в сотне футов от меня. Должно быть, она плыла очень быстро.

— Джессика! — кричу я, размахивая руками, пока бегу к береговой линии, скалы жалят мои босые ноги.

Она не отвечает. Она настолько далеко, что я не знаю, вижу ли ее лицо или затылок. Но понимаю, что ее голова начинает уходить под воду. Какой бы адреналин не был у нее в начале, она начинает слабеть.

Выбора нет. Я даже не думаю. Просто срываю полотенце и направляюсь в воду.

Вскрикиваю, потрясенный, когда мои ноги оказываются в воде, и не из-за острых краев, а от сильного холода. Ощущения такие, словно я хожу по кубикам льда. Но это не имеет значения. Нет времени даже чувствовать. Я вхожу по бедра, пока камни не сменяются мягким песком, а затем оказываюсь полностью в воде.

Вода - это нож. Один большой холодный нож, прорезающий свой путь сквозь меня. Мои легкие горят, сердце практически замирает, мысли замерзают. На одну ужасную секунду холод овладевает мной, и я сделаю все, что он мне скажет.

Затем я прихожу в себя.

Трудности не страшат.

Пришло время доказать это.

Я начинаю плыть, ворча сквозь ошеломляющую боль. Руки и ноги работают в ускоренном темпе, пока я плыву за Джессикой. Я делаю все легко, не прилагая особых усилий, хотя знаю, это потому, что больше не чувствую ног. Что многое облегчает.

Я приближаюсь, пытаясь следить за ней, пока усиленно гребу, чтобы убедиться, что она не тонет. Я не знаю, что бы я сделал, если бы она оказалась под водой. Погрузился бы под воду, чтобы найти ее, даже если мне придется делать это вечность.

Но она все еще там, и когда я наконец оказываюсь рядом, она начинает медленно уходить под воду.

— Джессика, — задыхаюсь я, легким не хватает воздуха. Я хватаю ее и тяну к себе.

— Джессика.

Она едва ли понимает меня и ничего не говорит. Глаза остекленевшие, не сфокусированы, кожа бледнее, чем обычно.

Я быстро оглядываюсь в сторону берега. Замок кажется невероятно далеким. Понятия не имею, как я справлюсь. Но я должен.

Затаскиваю ее себе на спину, оборачивая ее руки вокруг своей шеи.

— Пожалуйста, держись, — говорю ей, пытаясь плыть.

Она делает то, что я прошу, она ослабла.

— Я пыталась увидеть, — бормочет она, ее голова лежит на моей спине. — Пыталась узнать, может там есть что-то лучшее.

Из-за безнадежности в ее голосе я едва ли предаю значения ее словам. Но все же они жалят меня, попадая в больное место.

Какое-то время я не уверен, что способен на это. Я сильный. Мне приходилось проходить безумные тесты на выносливость, и даже, если мое тело уже не та машина, каким оно было в армии, я знаю, что способен на большее, чем среднестатистический качок в спортзале.

Но сейчас все по-другому. Сейчас мое тело работает на износ, задействуя каждую частичку. Это сложная задача, которую, кажется, невозможно преодолеть, тем более, что замок, кажется, не приближается, как быстро бы я не плыл со своим драгоценным грузом.

Затем, наконец, я вижу его.

Каменные стены маячат передо мной, ноги касаются берега, хотя я ничего не чувствую. Я почти падаю, камни впиваются в руки и колени, но мне удается вытащить Джессику.

Оказавшись на траве, я тут же укутываю ее в полотенце и продолжаю нести внутрь, держа ее на руках. Я голый, почти синий, но это не имеет значения.

Каким-то образом нам удается подняться по лестнице незамеченными. Или, может быть, они видят нас, но слишком боятся привлекать внимание, рискуя сделать что-то не так. Я знаю, первое, что мы сделаем утром, уберемся, нахрен, отсюда.

Но когда я осторожно опускаю Джессику на кровать, меня поражает ужасная мысль, что я был в нескольких секундах от того, чтобы больше не было никакого другого утра для нас. Еще бы одна лишняя минута в душе, еще одна секунда раздумий, бежать ли за ней, и она бы утонула.

Я быстро укутываю ее в одеяла, моя подготовка пригодилась. Хотя в Афганистане я не имел дела с переохлаждением, риск все еще был, учитывая, насколько холодно там, в горах.

Хотя сейчас все не так уж экстремально, поэтому, после того, как она укрыта так, что не может двигаться, я ставлю чайник и делаю ей чай. Как только она начинает немного согреваться, я меняю одеяла на ее одежду, которую повесил на батарею, чтобы нагреть, и сухие простыни из шкафа.

А затем, конечно же, занимаюсь собой. Легко игнорировать симптомы и просто

сосредоточиться на ней, но без меня рядом, она бы не справилась. Я быстро переодеваюсь в сухую, чистую одежду, натягивая столько, сколько могу, и устраиваюсь в постели рядом с ней с горячим чаем для нее. Как бы соблазнительна не была мысль о горячем душе, я знаю, что, если приму его, организм будет слишком шокирован. Все необходимо делать медленно и постепенно.

— Кейр, — шепчет Джессика рядом со мной. Я смотрю на нее, ее лицо едва выглядывает из-под простыней.

— Да, Рыжик?

— Что находится на дне моря?

Задавая такой вопрос, она говорит, словно маленькая девочка.

— Смерть, — отвечаю ей. — И тебя там нет.

Воздух между нами, кажется, сгущается, пауза или, может быть, просто вечное молчание. Если у нее и есть что сказать на это, она не отвечает.

Глава 13

Джессика

Шотландия прекрасна.

А вот внутри меня нет ничего прекрасного.

Кейр за рулем, узкая дорога виднеется под блестящим капотом старинного «Ягуара». Мы рано уехали из замка в Вике. Кейр сказал, мы сделали так из-за того, что у нас впереди длинный путь до нашего следующего пункта назначения - сегодня мы едем по северному побережью - но я знаю, это потому, что он не мог дождаться момента, чтобы вытащить меня оттуда.

Я не собиралась спорить. Хотела бы я обвинить замок и сказать, что он был виноват в том, что произошло, ведь есть призрак «Леди в зеленом», который, по-видимому, посещает его. Но я не могу обвинять в произошедшем кого-то, кроме себя. Замок прекрасен, и я была очень рада посетить его. Мне просто жаль, что я не смогла подольше цепляться за эту радость.

Прошлая неделя была борьбой. Дополнительные сеансы физиотерапии с Кэт отняли у меня много сил. И я нетерпелива. Я очень сильно хочу вернуться туда, где была; снова преподавать йогу, жить самостоятельно. Но, как я доказала на днях, я все еще не могу делать даже основные упражнения. И что получается?

А получается вот что: я здесь с мужчиной, который заботиться обо мне, но все же не хочет мириться с моим дерзом. Должна сказать, мне было больно слышать от него вчера те слова. Я всегда говорила, что мне нравится быть рядом с Кейром, потому что он честен, и не нянчится со мной. Не видел мои недостатки.

Все так и есть, даже сейчас. Но вот что я поняла вчера - если он думает, что я веду себя, как плакса, он скажет мне об этом. Он позволит мне пожалеть себя, а потом быстро приведет в чувство.

Конечно, моему это не понравилось, а оно и так уже стояло на зыбкой почве (простите за каламбур). Я скользнула в темную, влажную дыру, лелея свои раны, которые причиняют больше боли внутри, чем снаружи. Моя гордость пострадала: сначала он обнаружил меня на полу в Инвернессе, плачущую, потому что я не смогла принять долбанную позу йоги, а затем, когда я упала с лестницы в замке. Слава богу, никто не видел мое падение, но это не имеет значения. Я показала, насколько слаба.

Я не думала. Просто выпила несколько стаканов виски подряд, пока переживала из-за Кейра, в то время как он принимал душ. А потом решила, что мне нужно выбраться оттуда.

Я не хотела прыгать. Не поэтому я пошла на пляж. Я просто искала выход, хотела сбежать. Вся поездка должна была стать побегом, но я забыла, что я была не одна. Порой невозможно убежать от себя.

Следующее, что я поняла, я плавала, пока у меня не осталось сил. Я остановилась, вокруг меня было лишь море, и просто посмотрела вниз на свои ноги, какими свободными они ощущались. Вода была прозрачная, и мне казалось, что я стою на суше, жизнерадостно гуляя без боли, чернильные глубины далеко подо мной.

Я едва помню, как Кейр вытащил меня из воды. Лишь помню, что было холодно. Очень холодно. В некотором смысле мне это нравилось, потому что чем дольше я оставалась там, тем меньше я чувствовала.

Прошлой ночью я заснула, завернутая в одеяла, Кейр был рядом со мной. Никто из нас особо не разговаривал друг с другом и мы, конечно же, не упоминали о том, что произошло, и теперь ситуация в машине весьма напряженная. Судя по темным кругам под глазами и сдержанности в его поведении, предположу, что он вообще не спал.

Не уверена, что можно чувствовать себя хуже, чем вчера, но это так. Мое тело болит - один бок пострадал от падения - и, что еще, я чувствую себя ужасно из-за того, что Кейр был вынужден спасти меня, рискуя своей собственной гребанной жизнью, чтобы еще и иметь дело со всем моим глупым дерьмом.

Погода тоже не способствует улучшению моего настроения. Солнце светило совсем недолго, когда мы остановились в маленькой деревушке Джон О'Гроатс, но там я ощущала странное опустошение, когда смотрела на Оркнейские острова в холодном море. Как будто мы были на краю земли и вот-вот упадем.

Затем появились облака, и пошел дождь. Мы вернулись в машину и продолжили путь, направляясь на запад вдоль северного побережья. Дорога идет мимо множества восхитительных белых и золотистых песчаных пляжей, которые не ожидаешь найти в Шотландии, особенно на севере, но учитывая ливень, стучаший в окна, поехать на пляж было бы не очень весело.

Только мы проезжаем через город Терсо, и пейзаж начинает меняться. Как и дорога. Она становится узкой, однополосной с расширенными участками, называемыми «места разъезда», где вы должны притормозить, чтобы позволить встречному транспорту проехать мимо. Похоже на игру «Кто первый струсит».

Земля становится мягче, теперь это цепь торфяных холмов, с одной стороны уходящих к морю, с другой превращающихся во впечатительные горы. Их верхушки не острые, а плоские. Облака - светлые наверху и темные внизу - быстро двигаясь, собираются между холмами.

Мы останавливаемся около города Тонг для обеда, довольствуясь быстрым и жирным перекусом в пабе отеля. Разговор по-прежнему не клеится, и я начинаю волноваться, что потеряла связь с Кейром. Несмотря на то, что мы вместе в этой поездке, хотя он и придумал ее для меня, страх окутывает мое сердце. Что, если я зашла слишком далеко? Что, если я в таком беспорядке, что он не в силах справится с ним. Я знаю, у него тоже есть проблемы, так как я могу ожидать, что при столкновении моих и его проблем, все будет хорошо?

Мы возвращаемся в машину и продолжаем нашу поездку, проезжая длинную дамбу, разделяющую бирюзовый залив надвое. На заднем плане знаменитая гора Бен-Хоп поднимаясь на три тысячи футов над ухабистыми, пологими болотами, простирающимися под ней. Мы проезжаем мимо знаменитых мохнатых шотландских коров, переходящих через дорогу, и овцы обступают нас. На самом деле, не думаю, что видела в своей жизни столько овец, сколько вижу за эту поездку. Они бродят повсюду, ягнята и овечки, либо стоят посреди дороги, либо лежат на краю и скитаются по бесконечным болотам.

Здесь красиво и безлюдно. Пока облака все еще парят над горами к югу от нас, небо над дорогой уже чистое, позволяет солнцу освещать болота. Словно кто-то включил выключатель, и даже Кейр ворчит, признавая красоту этого места. Со светом темные холмы преображаются. Вереск ярко-фиолетового и ярко-зеленого цвета, с пятнами красного и золотисто-коричневого. Одна из самых потрясающих картин, которые я видела.

И кажется, во мне тоже что-то переключается. Я вытаскиваю телефон, опускаю окно и начинаю делать снимок за снимком, пока Кейр ведет машину. Воздух, касающийся моей кожи и пробегающий по волосам, пахнет божественно - свежестью, цветами и минералами. Достигает моего носа и оказывается у меня внутри. И я словно получаю пощечину, еще одно напоминание, как сильно мне необходимо жить. На самом деле, жить. Действительно чувствую все, что хорошо.

Мы проезжаем мимо рядов, уложенных в болотах, как крошечные темные стены, когда впереди виднеются руины каменного дома, место слишком красивое, чтобы просто проехать мимо.

— Остановись! — кричу на Кейра, мой громкий голос застает врасплох нас обоих.

Он паркуется на маленькой дорожке, покрытой гравием, которая уходит вниз.

— Что такое? — спрашивает он, когда я поворачиваюсь на месте, чтобы взять трость с заднего сиденья.

Смотрю ему в глаза и не знаю, что сказать, кроме как: мне это необходимо. Сейчас первый раз, когда я действительно посмотрела на него, первый раз, когда, я думаю, он на самом деле посмотрел на меня. Я так скучаю по его взгляду, что мне почти больно.

Прочищаю горло.

— Мне нужно побывать там, — отвечаю я, кивая на дом.

— Хорошо, — говорит он. Нервно облизывает губы, линия между темными бровями становится глубже. — Тебе нужно побыть одной?

— Дай мне немного времени.

Я выхожу, а затем начинаю спускаться с небольшой возвышенности, мягкий торф под ногами, чертополох и участки золотистой травы, растущие с обеих сторон, создают временную тропинку. Я немного похожа на Кэтрин, когда она бродила по болотам в «Грозовом перевале». Здесь никого нет, лишь нескончаемый торф, вереск, и горы вдалеке. Мы даже не встретили ни одного автомобиля на этом участке пути. По всей видимости, Сатерленд - самая изолированная область во всей стране.

В то время как покрытая гравием дорога спускается к мелкому озеру, окаймленному высокой травой и ракитником, я продолжаю идти по мягкой дорожке, уделяя особое внимание трости, пока не приближаюсь к дому.

К моему удивлению, здесь есть еще одна дорога, давно забытая и заросшая мхом, возможно, соединенная с дорогой, усыпанной гравием, которая ведет к озеру. Дом построен на одной стороне озера, словно придорожный мотель 1800-х годов.

У дома нет крыши, всего четыре стены, две из которых - острые пирамидальные вершины, а местами, похоже, новый кирпич был дополнен камнем, возможно, в качестве меры по сохранению здания. Но настоящий шок наступает, когда заходишь внутрь.

Почти все стены покрыты красивыми фресками - граффити высшей художественной формы. Мужчина на красном фоне, женщина с ногами в воздухе, кто-то в зеленом противогазе. Все рисунки потускнели из-за дождя, открытая крыша оставила место для вмешательства стихии. Зрелище невероятно современное для такого простого каменного дома, расположенного среди мрачных болот.

Я даже не уверена, что ищу. Этаж дома - это просто одна большая комната. Я стою посередине, глядя на рисунки, оранжевый лишайник, растущий на стенах, кусочек сена на грязном полу. Иду к одному из окон, стекла давно нет, и прислоняюсь к каменному подоконнику. Я смотрю на Бен-Хоп, скалистую гору, поднимающуюся к облакам, и у меня такое чувство, что мои мысли далеко отсюда. И мне хорошо от этого.

— Bay.

Звук голоса Кейра, тихий и грубо-ватый, заставляет меня повернуться.

Он заходит в дом, тихо глядя по сторонам. Из-за его большого тела комната кажется меньше, его плечи такие же широкие, как и горы вдалеке. Он засовывает руки в карманы темных джинсов, бесшумно ступая ботинками, пока обходит помещение, с почтением глядя на граффити, словно он в музее.

Наконец, поворачивается ко мне, брови подняты.

— Ты знала, что здесь будет такое?

Я качаю головой.

— Нет. Просто увидела дом на обочине дороги. Солнце осветило его... и мне захотелось посмотреть на него поближе.

Он кивает, приближаясь ко мне, стены блокируют свет. Его лицо оказывается в тени, которая подчеркивает острые линии его скул и подбородок. Теперь его борода гуще, что каким-то образом придает ему еще больше мужественности. Поднимается ветер, играя с его темными волосами.

У меня пересыхает в горле. Внезапно я осознаю, насколько он красив. Эта мысль не нова для меня, но я все же удивляюсь ей. Я словно вижу его впервые, не только как незнакомца, который полюбил меня, а как нечто большее.

— Мне нравится такой взгляд, — бормочет он, проводя большим пальцем по моему подбородку.

Я сглатываю. Во рту сухо.

— Какой взгляд?

— Вот этот. Тот, который говорит, что ты жива и со мной. Не только здесь. — Он жестом очерчивает воздух вокруг меня. Затем прикасается к моей груди напротив сердца, его ладонь теплая. — Но и здесь.

Он убирает руку и сжимает мое лицо, большим пальцем нежно проводя по губе. Я облокачиваюсь на окно и ощущаю прохладный воздух, скользящий по затылку, подбадривающий меня.

— Мне жаль по поводу вчерашнего вечера, — говорю я, мои слова приглушенные.

Он медленно качает головой.

— Нет. Не стоит. Это произошло. Все в прошлом, а прошлое - лишь воспоминание. Ни больше, ни меньше. А вот настоящий вопрос: что ты собираешься делать дальше?

Но дело в том, что я не знаю. Все, что я знаю, чем дальше этот пристальный взгляд обращен на меня, тем меньше беспокоюсь о будущем. Лишь о настоящем. Он со мной, два тела и души, которые нуждаются друг в друге.

— К слову о том, что делать дальше, собираюсь сделать это, — говорю я, кладя руку ему на шею. Притягиваю его голову вниз и сладко целую его в губы. Нежно и осторожно, дразня его.

— А затем сделаю это, — провожу другой рукой по его джинсам, восхищенно ахая, почувствовав, насколько он уже твердый. Оставляю руку на месте, легонько сжимая.

Он стонет.

— Продолжай, — хрипло говорит он, его глаза закрыты.

Я расстегиваю его джинсы и стягиваю их вниз по бедрам, затем оттягиваю пояс его трусов и скользжу рукой внутрь, пока не касаюсь его члена. Восхитительно, насколько что-то такое мягкое, словно шелк, может быть настолько твердым.

Я очень хочу, чтобы он оказался внутри меня.

Прямо здесь.

И сейчас.

Он двигается, не задавая никаких вопросов, точно зная, чего я хочу. Хватает меня за талию, словно я вешу всего десять фунтов, поднимает вверх, пока моя спина не оказывается прижатой к стене. Я оборачиваю здоровую ногу вокруг его талии, удерживая его рядом.

— Я держу тебя, — хрипло говорит он, держа руки на моих бедрах. — И не отпущу тебя.

— Обещаешь?

— Обещаю, — он делает паузу. — Как бы мне не хотелось войти в тебя вот так... ты можешь дотянуться до переднего кармана? — Он взглядом показывает на свою кожаную куртку.

Я тянусь к его карману, мои пальцы скользят по упаковке презерватива. Вынимаю его и быстро разрываю, раскатывая латекс по его твердой длине, пока губы Кейра накрывают мои, его язык ищет мой. Его член на месте, головка нежно прижимается к моему сладкому местечку, и, когда я немного пододвигаюсь, он с легкостью скользит в меня.

Кейр дышит сквозь стиснутые зубы, приближает рот к моему уху и прикусывает мочку. Медленно толкается в меня, наполняя, пока я растягиваюсь вокруг него. Никогда не думала, что смогу чувствовать себя настолько полной, как с ним, настолько цельной. Я постаниваю, ощущая его каждой клеточкой тела.

Двигая бедрами, он начинает толкаться в меня, моя спина скользит по каменной стене, прикрытая лишь моей джинсовой курткой.

— Все нормально? — шепчет он, и его акцент усиливается от желания. — Скажи, если что-то не так.

— Просто трахни меня, — говорю ему, хватая его за волосы.

Кейр стонет.

— Ну, если ты так просишь...

Он ускоряется, беспощадно толкаясь в меня.

Он такой твердый. Каждый мускул во мне напряжен, пока я приближаюсь к краю, каждое движение толкает меня все дальше и дальше, словно оживляя. Одно за другим. Кейр заполняет пустоту внутри меня.

Мое тело сверхчувствительно, словно обезумело. Он так пристально смотрит на меня, что я ощущаю его взгляд во всех самых темных уголках души. Мы разделяем эту потребность, это дикое стремление к плоти друг друга, разделяем темноту, которую оба скрываем. Мы всего лишь два сломленных человека, собирающих осколки друг друга.

Я распадаюсь на кусочки.

Из-за него.

И всего этого

Каждый мощный толчок его бедер, каждый раз, когда его член двигается вглубь моего влажного жара, каждый вздох, который я делаю, каждый голодный стон, который он издает, отправляет меня все дальше и дальше.

Что-то внутри меня ломается.

Трешины.

Я открываюсь.

Я принадлежу ему.

— О, черт, — кричу я, когда давление внутри нарастает, спираль закручивается внутри меня, и я закрываю глаза, когда падаю через край. Сильно сжимаю его. — Черт!

Мои слова становятся невнятными, как только оргазм настигает меня. Наши звуки слышны по всему дому, и я откидываю голову назад, открывая глаза, чтобы увидеть пышные облака над головой, небо над нами широкое и бесконечное.

Я чувствую себя такой же широкой, такой же свободной, как это небо.

И все же на сто процентов принадлежу ему.

Слезы льются из моих глаз, эмоций слишком много, пока мое тело парит на волнах блаженства.

Теперь кончает и он, великолепный, животный стон вырывается из него. Ничто не звучало сексуальнее, чем то, как он ворчит мне в шею, его лоб горячий и потный против моей кожи. Он замедляет толчки, затем останавливается, его пульс стучит напротив моего, когда мы пытаемся отдохнуть.

Прохладный ветерок, пахнущий вереском и ручейками, охлаждает нас. Кейр отстраняется, лениво и довольно улыбаясь мне.

— Если еще захочешь сделать остановку, просто скажи мне, — говорит он.

Улыбаюсь ему в ответ, глаза все еще влажные.

— Боюсь, тогда мы никогда не доберемся до места назначения.

Он осторожно выходит из меня, а затем, с особой осторожностью, мягко опускает меня на землю. Я ощущаю небольшую судорогу в здоровой ноге, но борюсь с собой, чтобы не потерять ее, чтобы Кейр не подумал, будто мне больно. Боль точно стоит того.

— Разве ты не знаешь, Рыжик, — говорит он, хватая меня за руку и целуя ее. — Путешествие - это и есть пункт назначения.

Он передает мне мою трость, и мы выходим из здания обратно к болотам.

Теперь у меня на душе становится легче.

Могу лишь надеяться, что все так и останемся до самого конца путешествия.

Глава 14

Кейр

Наш отель на ночь - полная противоположность тому, где мы останавливались прошлой ночью. Замок в Вике был, ну, замком. А этим местом как будто управляют Бэзил и Сибил Фолти^{xi}, а вместо Мануэля - испанского слуги - большая белая кошка, следящая за всеми.

Тем не менее, есть что-то приятное в том, что отелем управляют владельцы, даже если он находится в месте под названием Скори - едва ли город, просто точка на карте на дороге North Coast 500 ближе к югу. Я даже не планировал нашу остановку здесь, думал, что мы сможем добраться до города Аллапул, но начал уставать от вождения.

По правде говоря, я больше не хотел оставаться в машине. Я хотел быть с Джессикой, запереться в нашей спальне. Хотел понять свои чувства к ней, потому что-то, что я чувствовал, начинало злить меня. Только когда я был внутри нее, это имело какой-то смысл.

Но, благие у меня намерения или нет, мы оба слишком устали от поездки, чтобы делать что-то, кроме как сидеть и отдыхать. В отеле есть небольшая зона отдыха с баром, которую предпочитает один из владельцев, когда не бегает за стойкой регистрации. Там стоят кожаные кушетки, массивные журнальные столики, красное ковровое покрытие и камин с моделями кораблей на полке сверху. Окна выходят на залив, где причалили несколько рыбацких лодок. Бар покрыт деревянной обшивкой и увенчан чеканкой, с одним из самых больших ассортиментов виски, которые я когда-либо видел.

Конечно же, владелец - высокий, худой мужчина с нервирующим взглядом - предлагает нам продегустировать виски. Несмотря на то, что вчера Джессика выпила слишком много, она в деле.

Мы садимся на кушетку с нашим набором из шести разных сортов виски и смотрим на бухту, когда начинается дождь.

— Итак, — говорит Джессика, когда мы переходим к третьему стакану (этот обещает намек на свежесрезанные цветы и лимонный чизкейк - полная ерунда, если спросите меня), — сегодня мы здесь, где бы это ни было. Где остановимся завтра?

— Остров Скай, — отвечаю ей, — хотя есть несколько окольных путей, по которым я бы не прочь проехаться. Предполагается, что полуостров Аплкросс покажется ошеломляющим, и есть еще один прибрежный маршрут, расположенный к югу отсюда.

Она протягивает мне стакан, морщась от ожога, как и со всем остальным виски.

— Остров Скай. Там живет твоя мама, верно?

Я качаю головой.

— На Айлее. Остров ближе к Глазго. Много вот этого производят там, и тем лучше, — делаю глоток, аромат дыма от костра наполняет мой нос.

Она сжимает губы, выглядя почти разочарованной.

— Ты думала, я везу тебя в дом моей матери? — спрашиваю ее.

Она фыркает и пренебрежительно смеется.

— Нет, нет. Что ты. Я просто перепутала острова. Знакомство с мамой... мы еще не там.

Я хмуро смотрю на нее, допивая напиток. Она потирает ладонями ноги, пытаясь вести себя как ни в чем не бывало.

— Мы еще не там? — переспрашиваю. — Где там?

Она пожимает плечами и тянется к следующему стакану, слегка прищурившись. Ее глаза открываются шире, когда она осознает, что это виски на вкус более резкое, чем предыдущее.

— Джессика, где не там? — Я не позволяю ей притворяться, что она этого не говорила.

— Нигде, — говорит она, делая неуверенный глоток. Она кашляет и быстро передает бокал мне. Я не притрагиваюсь к нему. Внимательно слежу за ней, надеясь, что она наберется смелости сказать мне правду. Нам еще предстоит поговорить о наших отношениях, и, хотя мы никогда не объявляли ничего официально, словно подростки, мне кажется, до сих пор было довольно очевидно, что мы привязаны друг другу. Я имею в виду, мы вместе здесь, не спим с другими людьми. Так что все этого немного сбивает меня с толку.

— Ты нервничала, думая о том, что тебе придется встретиться с моей мамой? — спрашиваю ее.

— Нервничала? Нет. — Но она смотрит на дождь, стекающий по большим окнам.

— Ты же знаешь, я не очень близок с ней, — говорю ей, — но нет причин, по которым мы не можем заехать. Значит, нам придется продлить путешествие на один день и, может быть, сократить время, которое собирались провести в Гленко, но...

— Все в порядке, — защищаясь, возражает она. — Забудь, что я сказала. Это был просто вопрос, вот и все.

Делаю глубокий вдох, кладя руки поверх ее.

— Если тебе интересно, в тех ли мы отношениях, где познакомили бы друг друга с нашими семьями, тогда да, я думаю, мы сейчас именно там. Слишком быстро? Может быть. Кто знает. Честно говоря, я особо не думал об этом. Возможно потому, что редко вижу маму, может, потому, что я уже знаком с твоей сестрой. Когда дело касается нас, я не сижу, проверяя факты, надеясь, что каждый шаг приблизит нас к цели.

Она поворачивает голову в мою сторону и изучает меня.

— Какой цели?

Я вздыхаю.

— Нет никакой цели. Многие люди рассматривают отношения, как несколько этапов. Цель состоит в том, чтобы ты чувствовала себя безопасно в своих обязательствах. Для некоторых это заканчивается семьей, детьми, браком. Для других просто означает, что они знают, к кому приходят домой каждую ночь. Но я не думаю о целях. Может быть, я делал так однажды, но не теперь. Не с тобой. Целью было просто быть с тобой, а это у меня уже есть. И не имеет значения, что произойдет дальше, пока ты рядом со мной.

Эта ложь одна из самых больших за всю мою жизнь.

Потому что у меня есть цель. Большая. Она не имеет никакого отношения к тому, чтобы получить одобрение от семьи или даже услышать слова «я люблю тебя». Это возможность сказать ей правду и заставить ее понять эту правду. Быть честным о каждой части меня, перестать недоговаривать и показать, какой я на самом деле, и по-прежнему сохранить ее рядом в конце дня, вот как сейчас. Вот моя цель. Такова была моя цель с тех пор, как я впервые увидел ее в пабе, когда узнал, кто она на самом деле: не только жертва, которую показывают по телевизору.

Дело больше не в долгे перед ней. Смысл в том, чтобы очиститься и быть с ней.

Мысль поражает меня, словно молния.

Ты должен сказать ей сейчас.

Обязан сказать правду о том, кто ты.

Мне кажется, меня бросает в холодный пот. Я знаю, что должен это сделать.

— Ты действительно милый, знаешь об этом? — говорит она, пробуя напиток в другом стакане.

Поднимаю бровь.

— Ты говоришь мне, что я, черт побери, милый?

Она ухмыляется мне.

— Ага. А что, у тебя с этим проблемы?

— Допивай, Рыжик, — говорю ей, хватая один из бокалов, к которому мы не притронулись. — Ты говоришь мне, что я милый, тогда я покажу тебе животное.

Мы сидим там и пьём виски. В конце концов, дождь заканчивается. Мы навеселе, выходим на улицу и отправляемся к воде.

И все это время я слышу голоса:

Расскажи ей, расскажи ей.

Мы останавливаемся на краю гавани, где стальная серая вода омывает траву, папоротник и остатки старой каменной стены. Вдали виднеются холмы небольших островов и заливов, лабиринт, который в конечном итоге где-то приводит к открытому морю.

Мой мозг затуманен из-за выпивки, сердце болит. Потому что я могу видеть слова, исходящие из моих уст, услышать, как они будут звучать для нее.

Джессика, я должен тебе кое-что рассказать.

Присядь, нелегко будет услышать такое.

Ты не поверишь в мои слова.

Я должен кое в чем признаться, и тебе это не понравится.

Я виноват в том, что тебя ранили.

Мужчина, который подстрелил тебя, был моим другом и подчиненным.

Я был младшим капралом в Британской армии. Этим я занимался последние восемь лет.

Когда я сказал, что бродил по свету, на самом деле я сражался в Афганистане.

Нас отправили назад. Я потерял людей. Моя вина в том, что Льюис Смит сошёл с ума.

Он говорил мне, что собирается причинить боль людям. Я должен был сделать больше, чтобы освободить его.

Должен был попытаться.

Я живу во лжи.

Я лжец.

Единственно, что я знаю точно правда - мои чувства к тебе.

Я влюблена в тебя.

Я влюблен в тебя.

Пожалуйста, прости меня.

Внезапно она тянется и берет меня за руку, вырывая меня из моих мыслей, слова еще не вышли.

Я облизываю губы, чтобы что-то сказать, что угодно. Мое сердце начинает ударяться о грудную клетку, холодок пробегает по коже, пока я готовлюсь.

— Я должна рассказать тебе кое-что такое, что никому раньше не рассказывала, — внезапно говорит она, ее тон серьезен.

Несколько раз моргаю, глядя на неё, не ожидая такого.

Она громко вздыхает, прежде чем кисло улыбается мне.

— Я просто... мы говорили о шагах в отношениях, и я честно не знаю, как бы даже назвала все происходящее. Отношения, я думаю... мы не определили, кто мы друг для друга, и думаю, это меня немного беспокоило. Незнание, что произойдет с нами, когда мы вернемся в Эдинбург. Была ли эта поездка просто разовой акцией, и мы расстанемся.

— Нет, — заверяю ее. — Определенно, все не так. Абсолютно по-другому.

— Я этого и хочу, — говорит она. Я выдыхаю с облегчением. — Но... я была в отношениях, когда говорилось одно, а делалось другое. Может, лишь в самом начале все было как надо. Я не была самой собой, и все закончилось некрасиво. Я должна была понять, что с тобой все будет иначе, думаю, мне необходимо было осознать это. Когда ты сказал, что мы не собираемся поехать к твоей маме, я почувствовала себя идиоткой из-за того, что подумала о таком. Что мы были на том этапе. Я на самом деле именно это и имела в виду раньше.

Она отстраняется, опираясь на трость, когда смотрит на лодки, качающиеся на воде. Вдали виднеется дождь, который, вероятно, в ближайшие несколько минут дойдет и до

нас. Мне хочется сказать ей, что нам следует вернуться, но у меня такое чувство, что она еще не закончила разговор.

— Я все сделала правильно с Марком, — продолжает она. — Он просто не способен на большее. Может быть, потому, что он спал со своей помощницей, кто знает. Это не имеет значения. Несколько месяцев назад, может быть, в мае у меня были планы оставить его. Я хотела убежать, чтобы у меня появился шанс найти то, что я хотела, что мне было необходимо, с кем-то другим. Или я просто была бы одна. — Она замолкает на пару мгновений. — А потом я забеременела.

У меня скручивает живот. Я открываю рот, чтобы сказать что-то, но не могу.

Она смотрит на меня через плечо, ее подбородок дрожит.

— Я думала, беременность поможет нам. Сблизит. Но, если честно, она облегчила идею ухода. Я была на третьем месяце и не говорила ему. Думала, что могу просто уйти и начать все с начала с ребенком. Я была идиоткой. Боялась. Я должна была сказать ему. Он имел право знать. Это был его ребёнок. Боже мой, мы ведь жили вместе. Если бы я сказала Марку правду, что я беременна, может быть, он бы не позволил мне отправиться в Лондон.

Бл*дь.

На меня словно сбросили бомбу.

— Ты была беременна, когда тебя ранили? — шепчу я, и мой голос надломывается. Шок парализует меня.

Она быстро кивает, закрывая глаза.

— Да. Была. И, хотя мир был одной огромной неопределенностью, я была счастлива. Но вот что получила. Расплата за содеянное. Карма. Я сама виновата. Я должна была сказать ему, мы должны были остаться вместе и воспитывать ребенка, и я должна была быть счастлива, но вместо этого все изменилось в один миг. Врачи сказали мне, что я потеряла ребенка. К счастью, они сохранили эту информацию в тайне от средств массовой информации. Не знаю, как бы я справилась с этим, и как бы пережил это Марк. Может, он не оставил бы меня. Возможно, нет. Какое это имеет значение сейчас?

Я пытаюсь подобрать слова, но все, что ощущаю — холодная ненависть к самому себе.

Не могу рассказать ей сейчас.

Не после такого.

Я долбаный монстр.

— Я действительно единственный, кому ты сказала? — тихо спрашиваю я. Чувствую себя так, словно проглотил клей: медленная липкая жидкость скользит в мои легкие.

— Да, — говорит она, возвращаясь ко мне, один осторожный шаг за раз. Я чувствую, что этот момент въелся мне в мозг, то, как быстро ее волоски метнулись обратно в конский хвост, ее джинсовая куртка, холодная вода и быстро приближающиеся серые облака. Момент, когда я понял, что причинил ей больший вреда, чем думал.

— Мне было слишком стыдно, — говорит она. — Я не хочу стыдиться тебя, Кейр. Я доверяю тебе и хочу, чтобы ты доверял мне. Ошибки, которые я совершила в прошлом... Я больше не хочу их делать. — Она торопливо убирает прядь волос с лица, заправляет их за ухо, и я знаю, как трудно было ей признать это.

Моя сладкая, любимая девочка.

Моя прекрасная русалочка.

Так хочется обнять ее.

Ты не заслуживаешь ее. Закончи все сейчас.

Но, конечно же, я не слушаю. Я трус.

И я люблю ее.

— Пойдём внутрь, — говорю ей. — До того, как начнётся дождь.

Мы на полпути в отель, когда снова начинается ливень.

— Проснись, Кейр.

Голос Льюиса Смита заставляет меня резко открыть глаза.

Меня встречает темнота.

Я медленно сажусь и оглядываюсь.

Джессика, тихо посапывая от слишком большого количества выпитого виски, спит рядом со мной, волосы разметались по ее лицу. Она выглядит невинной, красивой и маленькой, словно сказочная нимфа, которую мне посчастливилось словить.

Машинально тянусь, чтобы убрать волосы с ее лица, когда голос говорит:

— Нет. Не буди ее, — снова слышится его голос. — Ещё нет.

Снова оглядываю номер, собираясь с мыслями, и понимаю, что мы находимся в месте под названием Скори, где-то на северо-западе Шотландии. И я вообще не должен слышать этот голос.

«Тебя здесь нет, — мысленно говорю я. — Ты мертв».

— Я? — говорит Льюис, и фигура выходит из тени, я думал, что это небольшая дверь шкафа, на самом деле это Льюис в своей армейской форме. Одна сторона его головы покрыта кровью. В тусклом свете она похожа на смолу. Его глаза светятся пустотой. Той же пустотой, на которую я смотрел, когда мы в последний раз разговаривали лицом к лицу. Казалось, что он смотрит на замершую пустыню: ни души, ни жизни, ни надежды. Просто бесконечная тундра, где ничего не живет.

Я отказываюсь признать этот призрак. Я знаю, что это мой ПТСР. Знаю, что это мой ум, играющий со мной, выдаёт самые сложные галлюцинации, достойные спецэффектов «Оскар». У меня был этот сон раньше, это видение, где Льюис появляется, чтобы сказать мне, что все это была моя вина.

Но на этот раз все немного по-другому. Он никогда не появлялся в присутствии Джессики, а теперь его фигура скользит к концу кровати, он смотрит на нее.

— Она красивая, — говорит он. — Я постоянно наблюдаю за тобой. За счастьем, которое ты изображаешь. — Тянется рукой, чтобы коснуться ее повреждённой ноги, которая торчит из одеяла.

— Не трогай ее, — предупреждаю я. Мой голос громкий и грубый в комнате.

И тут я понимаю, насколько я, бл*дь, сошёл с ума.

Джессика рядом шевелится, но не просыпается.

Я смотрю на Льюиса, желая, чтобы он ушел. Его мертвые глаза ничего не выражают.

— Сегодня она сбросила на нас бомбу, — говорит Льюис. — Помнишь, как мы все время делали такие каламбуры. Забавно, как это было. Как будто это были добрые старые времена. По-моему, в какой-то степени так и было. Пока ты не испоганил все. Превратил в кровавое месиво свое подразделение. Свою жизнь. Ее жизнь.

Ты мертв. Ты это я. Мое подсознание.

— Конечно, — говорит Льюис, медленно приближаясь к кровати, продолжая смотреть на спящую Джессику. — Ты продолжаешь говорить это, и я буду продолжать возвращаться. Если только тебе есть что сказать себе? Нет? Конечно, нет.

Уходи.

Мой пульс учащается, легкие начинают сжиматься. Комната кажется холодной, и страх повисает над ней, словно облака.

Я сошёл с ума. Просто спятил.

— Ты сумасшедший, — говорит Льюис. — Он встречается со мной взглядом. — Я тоже. Это не наши недостатки. По крайней мере, это не моя вина. Ты же знаешь, Кейр, это должно было когда-нибудь закончиться. Ты и она. Ты и твоя жизнь Ты знал, что все так будет. Долг должен быть оплачен твоей кровью и только твоей.

Статистика о количестве ветеранов, которые убивают себя, ошеломляет. Я понимаю, почему. Никакой помощи со стороны военных, мы храним все внутри, как нас учили,

словно чертовы машины. Они тренируют нас, как вести себя в неожиданных ситуациях. Но не обучают, как бороться с последствиями.

Это было моим последствием. Я жил ложью и теперь меня преследовали те, кому я позволил умереть.

Но я не позволю этому забрать меня. Не сейчас, ни когда она рядом.

— Ты знаешь, что здесь нет счастливого конца, — говорит Льюис. — Ты в курсе, что между вами тикают часы. В один прекрасный день тебе придется сказать ей правду, что ты не тот человек, за которого она тебя принимает. Неужели ты думаешь, что после этого она останется с тобой? Ты мог бы сказать ей правду с самого начала. Рассказать, откуда узнал о ней, что пришел сказать, что тебе очень жаль. Разве не таким был твой первоначальный план? Так и есть. Ты ведь знаешь, его. Наблюдать за ней по телевизору, думать, что она сексуальна и жалеть ее, а затем выследить и попросить прощения. А затем ты обманул ее и все испортил, — он замолкает, проводя рукой по краю кровати, в нескольких дюймах от нее. — Ты мог бы рассказать ей даже в следующий раз, или после этого. Но ты этого не сделал. Потому что верил в эту новую жизнь, которую создал для себя. Жизнь, в которой ты можешь начать все заново и убежать от своих обязанностей. Жизнь, в которой ты заслуживаешь любовь такой женщины.

Он касается руки Джессики. Я задерживаю дыхание, ожидая, что она проснется.

Но она не просыпается.

Потому что он не реален, она не может почувствовать его, его здесь нет.

Но на что я тогда смотрю?

— Убери руку и уходи, — говорю ему. — Иди.

Теперь Джессика переворачивается, и Льюис смотрит на ее обнаженную грудь, когда она поворачивается.

— Иди! — кричу я.

Джессика стонет, начиная просыпаться.

— Ты любишь ее, — говорит Льюис. — И я думаю, что она любит тебя. Но однажды правда выйдет наружу, и она будет ненавидеть тебя и все, что ты из себя представляешь. Настоящего Кейра МакГрегора.

— Убирайся отсюда! — злюсь я, вскакивая с постели, обнаженный и готовый задушить его.

— Не стоило тебе влюбляться, — говорит он с улыбкой, прежде чем я хватаю его за горло и толкаю обратно в стену.

Только там нет Льюиса.

Его здесь никогда и не было.

Все это происходило в моей голове.

Я падаю в угол, ударяясь головой о край двери шкафа.

— Кейр! — кричит Джессика. — Что происходит?

Кто-то в номере с той стороны стены стучит в нее, говоря нам заткнуться.

Я встаю, держась за голову, пытаясь отдохнуть, хотя, кажется, что у меня нет легких. Я - лишь биение сердца в голове, громкое и быстрое, как стрельба, как бомбы, как ракеты, грохочущие в моем черепе. Внутри меня война, и враг побеждает.

— Кейр, — снова тихо говорит Джессика, в голосе слышна паника. Ее голос дрожит так сильно, что она едва может произнести слова. — Пожалуйста, сядь, пожалуйста. Все нормально. Все в порядке, мы в порядке.

Мы не в порядке.

Я не в порядке.

Я не знаю, куда идти, что делать. Я хочу вылететь за дверь и бежать, может быть, в гавань, пока вода не шокирует меня. Может быть, у Джессики была правильная идея.

— Пожалуйста, — снова говорит она, и я наконец смотрю на нее и вижу, как она тянется ко мне, протягивая руки, такая беспомощная, что мое сердце начинает ныть, и я снова в бешенстве.

Посмотрите, что я делаю с женщиной, которую люблю.

Я медленно возвращаюсь к кровати, словно во сне. Кровь, несущаяся по венам, настолько горячая, что меня бросает в пот. Я злюсь, просто в ярости, вот-вот взорвусь и мне некуда идти.

Затем понимание озаряет меня. Моя любовь к ней, моя потребность в ней, ярость, мое отчаяние.

Буря чувств охватывает меня.

Хватаю уголок ее одеяла и откидываю его, затем дергаю ее к краю кровати, ее грудь подпрыгивает, когда я притягиваю ее ближе.

— Кейр! — тихо вскрикивает она. — Что ты делаешь?

Я кладу руку ей на затылок, сжимая его, прежде чем поцеловать ее, мой рот и язык настойчивы.

Она отвечает мне, задыхаясь, когда наши губы двигаются вместе. В этом поцелуе нет ничего приятного и чувственного. Он злой, грязный, дикий. Наши зубы ударяются, рты мокрые, отчаянные. Мы словно боремся друг с другом.

Моя рука скользит к ее груди, я грубо сжимаю ее. Она тихо вскрикивает, когда я наклоняюсь, беря ее сосок в рот и сжимая зубами.

Я в огне. А ее стоны лишь подливают масла в огонь.

Оставляю быстрые небольшие укусы на ее груди, двигаясь вверх к ключице, где оставляю метки и на ней, прежде чем перейти к шее.

Она снова ахает от боли, пока я посасываю ее шею и кусаю, прокладывая дорожку к ее уху, клеймя ее кожу, но вскоре ее стоны наполняются теплом и желанием.

Толкаю ее обратно на кровать, упираясь коленом между ее ног. Она кричит, потому что я задел поврежденную ногу. Знаю, я слишком груб, но я зашел слишком далеко, чтобы переживать об этом. Потребность, пылающая нужда обжигает меня, угрожая сжечь нас обоих.

Я хочу наблюдать за тем, как мы сгорим вместе.

Я взбираюсь на нее, прижимая ее руки, мой твердый член пульсирует. Я толкаюсь в нее - горячую, открытую - одним выпадом. Ее имя срывается с моих губ, когда я дрожу от толчка, теряясь в ощущениях, а затем хватаю ее за бедра, пальцами сжимая их так сильно, что оставляю синяки, и начинаю насаживать ее на себя, одновременно дико толкаясь.

Я никогда не чувствовал ее так, как сейчас, такую реальную, узкую и влажную, ощущение почти заставляет меня слететь с катушек. Из-за него я хочу большего, больше этих ощущений, которые пульсируют через мой член, к моим шарам и позвоночнику. Я голоден, и каждый толчок затягивает меня все глубже и глубже, пока у меня не остается сил на то, чтобы остановиться.

Черт.

*Бл*дь.*

Охренеть.

Я ускоряюсь, подпитываемый похотью, желание такое дикое, что я даже не контролирую ситуацию. Это инстинкт, и он несется по моим венам как горячий, жидкий восторг.

Я трахаю ее так грубо, что пот льется с моего лба и стекает на нее, заставляя ее грудь блестеть. Кровать двигается в таком же устойчивом, безумном темпе, пока картины на стене не падают, едва не задевая нас, когда отскакивают на пол и разбиваются.

Теперь это словно долбанная война, та, которую я могу выиграть. Она пытается поднять бедра, придвигнуться ко мне, но я беспощаден, пока продолжаю грубо врываться в нее. Я трахаю ее со всей силой и силой всех моих демонов.

Простыни скользят с кровати, а я сжимаю рукой ее запястья и держу их над ее головой, прижимая ее к кровати, чтобы мы не упали, продолжаясь толкаться в нее, хрипло бормоча что-то на ухо. Мои руки дрожат, шея напряжена, но напряжение внутри меня не ослабевает.

Джессика выпускает стон, который подстёгивает меня, и я чувствую, что мои шары напрягаются. Я скоро кончу.

Задыхаясь, я продолжаю вколачиваться в нее, отклоняясь назад, чтобы посмотреть, как подпрыгивает ее грудь, ее глаза закрываются, влажный, красный рот открывается, когда она кричит, сильно кончая. Я трахаю ее, пока у меня не остается сил.

Моя кожа натянута и горит, напряжение скручивается по моему позвоночнику. Мне хватает здравого смысла и силы воли, чтобы схватить член и в последнюю минуту вытащить его. Рукой провожу по нему вверх-вниз, мой ствол горячий и скользкий от влаги внутри нее. Хлюпающий звук, появляющийся от моих движений, откровенный, почти пошлый.

Я кончаю, открывая рот и не произнося ни звука, мышцы ног дрожат, пока я быстро изливаюсь. Сперма попадает на ее живот, грудь, шею. Я пытаюсь насладиться видом того, как она вся мокрая от меня, но едва ли могу дышать, едва могу двигаться и почти не могу думать.

Я без сил.

Пересыщен.

Чертовски выдохся.

И на этот раз, ощущаю покой.

Она стонет, ее голос ленивый после оргазма. Я быстро встаю с кровати, осторожно обходя разбитое стекло на полу от упавших картин, и беру полотенце из ванной.

Аккуратно вытираю сперму с ее груди, мое дыхание медленно успокаивается, пот на теле охлаждается. Комната пахнетексом, и я делаю глубокий вдох.

— Ты в порядке? — шепчу ей.

Она смотрит на меня с нежностью, удовлетворением и беспокойством в глазах.

— А ты в порядке?

Кажется, грубый трах не может стереть то, что она наблюдала раньше.

Киваю.

— Угу, — хрипло отвечаю я. Прочищаю горло. — Я в порядке.

Я люблю тебя. Лишь при этой мысли мое сердце ощущается невесомым.

Я люблю тебя, и это не нормально.

— Хорошо, — говорит она и оглядывается. — Дерьмо. Похоже, мы разгромили номер.

— Мы заплатим за это, — говорю я, целуя ее в лоб, пробуя ее сладкий пот. — Все будет хорошо.

Но когда я забираюсь в кровать, оборачивая руку вокруг неё, мои демоны все еще со мной.

Это сработает?

Теперь мне вообще трудно понять, как из этого может что-то получиться.

Глава 15

Джессика

Кейр скрывает от меня что-то важное.

Я знала это с самого начала. И решила, что могу жить в неведении, что он может и дальше хранить свои секреты. Кто я такая, чтобы утверждать обратное? Я так долго хранила в секрете правду о своем ребенке, что это был практически секрет для самой меня.

Но после вчерашней ночи... я больше не хочу жить в темноте. Дело не в ночных кошмарах, которые преследуют его, или что он кричит на кого-то воображаемого и бьет стены. Я не боюсь за себя, потому что, если его злость влечет за собой горячий, животный секс, я не собираюсь жаловаться.

Я боюсь, что он не доверяет мне достаточно, чтобы впустить в свою душу. Что, если я не смогу войти, не смогу стать частью его сердца.

Мне нужно его сердце. Его прекрасное, гигантское сердце. Я хочу его для себя, желаю удержать его, поклоняться ему и любить его со всей имеющейся у меня силой. Кейр - большая загадка, такой сложный человек, и я уважаю это и все, что он пережил. Но он должен позволить мне быть частью этой боли. У меня есть собственная боль, которую я должна нести, и было бы неплохо отдать часть своей ноши и взять на себя часть чужой. Что угодно, чтобы освободить ту боль, которую он держит глубоко внутри.

Мы снова устали, но, по крайней мере, разговариваем. И находимся не там, где были вчера. Каким бы ни был тот грубый и спонтанный секс, случившийся после ночного кошмара, он сблизил нас. Однажды Кейр упомянул, что внутри каждого человека идет война. Кейр трахает меня, не для того, чтобы избежать войны в собственном сердце. Он приносит войну мне, так что мы можем сражаться вместе. Губы, язык, руки, зубы - вчера ночью мы боролись за свободу с каждым толчком, каждым поцелуем, каждым стоном. Это битва без проигрыша и бесконечных побед.

Вчера вечером я призналась ему кое в чем важном, но он все еще не доверился мне. Может быть потому, что я все еще сама утаиваю кое-что. Возможно, мне самой нужно наконец открыться до конца.

Сегодня мы направляемся на остров Скай, но Кейр решил отправиться туда еще более живописным маршрутом, как будто это возможно. Если честно, мне все равно. Я сделала достаточно фотографий из этой поездки, пока мы едем по северному побережью, меня одолевают различные чувства, но мой взгляд притягивают не виды за пределами автомобиля, а человек внутри него.

Он такой красивый. Я внимательно изучаю его: бледные шрамы на скулах, глубокие царапины на костяшках, более глубокий шрам на мощном предплечье, когда он ведет машину с закатанными рукавами. Чем дольше смотрю на него, тем замечаю в нем больше нового. Может, я делаю это, потому что пытаюсь обнаружить, что скрыто внутри, как будто ищу какие-то подсказки. Шрам на его ребрах определенно один, но он был там с самого начала.

Я также задаюсь вопросом, не запоминаю ли я каждую мельчайшую подробность о нем из-за страха, что в какой-то момент мы расстанемся, и мои воспоминания будут всем, что у меня останется?

У меня внутри все холодаеет от этой мысли, я словно падаю в холодную пропасть. Какой бы захватывающей и освежающей - и да, на поворотах страшной - не была эта поездка, я игнорировала маленький голос внутри, который говорит мне, что что-то не так. Он не замолкает, наполняя меня сомнениями и основанием для страха. Я не очень боюсь, но все же, страх есть.

И я игнорирую его, потому что не хочу смотреть в лицо какой-то суровой правде. Хочу верить, что со временем Кейр станет моим, больше, чем просто телом, еще и

сердцем и душой. Что он доверит мне всю свою темноту. Я очень хочу осветить ее и все равно любить его.

Любить.

Вот в чем сложность. Настоящая проблема. Настоящая причина, по которой я игнорировала свою интуицию

Я влюблена в него. На сто процентов.

Я не могу сказать, произошло ли это прошлой ночью. Может быть, у руин. Может быть, после того, как он рискнул жизнью, прыгнув в море и спася меня.

Возможно, это случилось в первую минуту, когда мы встретились, когда он посмотрел на меня и ему понравилось то, что он увидел. Он видел всю меня и игнорировал то, кем я не являлась.

Неважно, когда, но это произошло. Это чувство запутанное, безумное и мучительно радостное. Оно такое новое для меня, что затмевает все остальное. Я люблю его так, как никогда никого не позволяла себе любить.

И с этой мыслью приходит ужас. Потому что мое сердце бьется ради него, и если что-то случится... Я не уверена, что у меня вообще останется сердце.

«Вот почему тебе не стоит спрашивать о правде, — напоминаю я себе. — Будь, что будет. Правда может испортить все, что у тебя есть».

Это правда. Но я не уверена, как долго мы можем продолжать жить вот так, пока я не знаю всей правды. И не имеет значения, что Кейр делал в прошлом, это его прошлое, его точка отсчета. Оно не связано со мной и не может повлиять на нас.

— Ты пропускаешь пейзаж, — замечает Кейр, полуулыбка изгибает его красивые губы. Трудно вспомнить, насколько груб он был ночью, что эти мягкие, полные губы могут оставлять так много укусов и синяков по всему телу. Теперь, в сочетании с синяками от падения с лестницы замка, и я выгляжу так, будто меня несколько раз избили.

— Я лучше посмотрю на тебя, — говорю ему. — Я заставляю тебя чувствовать себя неудобно?

Он усмехается.

— До тех пор, пока ты разглядываешь меня и думаешь, насколько я чертовски сексуален, у меня нет проблем с этим.

Тем не менее я снова смотрю на дорогу. Полуостров, на который мы отправились, отличается от всего, что я видела в этой поездке. Мы начали с проселочной дороги, ведущей на запад, которая привела нас к горе Квинаг - громадине с крутыми, скалистыми боками, ее вершина всегда скрыта под облаками. Из-за этого гора вызывает какое-то первобытное чувство, словно она осталась нетронута со времен зарождения нашей планеты. Под ней текут бурные реки, сливаясь с широкими ручьями, покрытыми вереском болота и торф простираются на мили вокруг. Как и все остальное путешествие по Норт-Кост 500, дорога однополосная, хотя мимо нас и не проехал ни один автомобиль.

Место, правда, не похоже на те, что я видела до этого, хоть пейзаж и меняется каждую минуту. С одной стороны, я полагаю, мы на болотах, настолько мрачных, что они напоминают арктическую тундру, настолько высоких, что облака практически целуют дорогу. Затем мы направляемся по извилистой дороге к морю, где стоят маленькие каменные дома, а вода настолько прозрачная и бирюзовая, что похожа на воду в тропиках.

Мне не стыдно признаться, что я миллион раз заставляю Кейра остановиться, и каждый раз он терпеливо соглашается. Я знаю, что он хочет, чтобы мы добрались до Скай до наступления темноты, чтобы посмотреть там некоторые достопримечательности, но не говорит ни слова. Я фотографирую все, от овец, чешущих бока об автобусную остановку, до пляжа с белым песком в Клэшнесси, до красивого маленького ярко-голубого кафе, которое когда-либо было здесь (буквально размером со шкаф и единственное место на много миль вокруг, где можно перекусить) в оживленном кемпинге в Клэтхолл-Бич.

Во всяком случае, он смотрит на меня с гордостью, радуюсь моему веселью и осмеливаюсь сказать, что это может быть что-то еще. Что-то, за что я готова умереть.

После того, как мы покупаем несколько свежих пирогов в городе Лочайнвер, мы наконец-то делаем перерыв. Мы останавливаемся у руин замка Адврек, в другом месте, от которого захватывает дух. Здесь узкая часть озера Лох-Ассинт бежит рядом с дорогой, серые облака отражаются в воде, а несколько одиноких сосен стоят на крошечных островах, единственные деревья на километры.

В конце озера находится замок, или что осталось от него. Согласно моему приложению Lonely Planet, это была внушительная структура, хотя теперь все, что осталось - часть защищающей стены и одна из башен. Сам замок находится на полуострове - узкая часть песчаного пляжа с лентой травы посередине.

Пока мы пересекаем полуостров, я решаю сделать что-то дерзкое. Хоть Кейр и жонглирует нашими коробками навынос, я передаю ему свою трость.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

— Хочу посмотреть, могу ли я ходить без нее, — говорю ему, делая осторожный шаг. В последнее время я немного подталкивала себя, например, ходила по комнате без трости, ходила без нее в ванную и тому подобное. Шина уже неплохо стабилизирует мою ногу, но я хочу продвинуться еще дальше. Я хочу быть в состоянии ходить без нее.

— Разве мы не должны делать это на плоской поверхности? — спрашивает он, указывая на комочки травы передо мной.

Храбро улыбаюсь ему.

— Если я научусь делать это здесь, то плоская земля - проще простого. Кроме того, если я упаду, будет не так больно.

Он хмурится. Я могу сказать, что он не согласен с этим, но это не имеет значения. Я сделаю это.

И я действительно сделаю.

Я принимаю тот факт, что могу упасть, могу смутить себя перед группой туристов, фотографирующих руины замка, могу навредить себе.

Но это не имеет значения. Я поднимусь.

Я спотыкаюсь на полпути, моя нога попадает на мягкий участок земли, и я лечу вперед, на этот раз сумев повернуться на другую сторону, чтобы не добавить синяков туда, где они уже есть.

Травя мягкая и прохладная, я приземляюсь с «уф».

Кейр подходит ко мне.

— Ты в порядке?

Смотрю на него и улыбаюсь.

— Да.

Он протягивает руку, но я качаю головой.

— Я должна сделать это сама.

Встаю на здоровую ногу и напрягаю пресс, чтобы удержать равновесие. Я ставлю большую ногу на землю, смело опираясь на нее. Больно, но терпимо. Я не хочу проверять ее дальше и вредить, но это хороший знак. Со временем не будет никакой боли.

Облегчение накатывает на меня. Я поворачиваюсь и хватаю свою трость одной рукой и держусь за руку Кейра другой.

— Нет проблем.

Он смеется.

— Рад слышать. Хочешь вернуться?

— И пропустить этот замок? Сомневаюсь, что здесь есть какие-то лестницы, на которых я могу упасть, а даже если бы и были, мне все равно. Пусть все видят. Я поднимусь.

— Вот это моя девочка — говорит он, притягивая меня и целуя, нежно прижимаясь губами к моим. Так просто, но в этом поцелуе я чувствую гордость. — В конце концов, Ариэль получила ноги.

— Она сделала это. — Я сжимаю его руку, и мы продолжаем идти через полуостров к замку.

Я не могу подняться на развалины и посмотреть сквозь окна - тропинка вымощена булыжниками - но Кейр может, и я делаю несколько фотографий его, когда его силуэт проходит через остатки сооружения. С зелеными холмами позади и разрушающейся башней он выглядит так, словно мог бы быть персонажем «Игры престолов», готовый сражаться, готовый трахаться.

И он мой.

Мой.

Я улыбаюсь прохладному, свежему ветру и чувствую облегчение, зная, что он никуда не денется.

Но потом правда ударяет меня, словно холодный кулак.

Он все ещё не мой.

Не с его прошлым между нами.

Я жду, пока он не отступит назад, и мы находим мягкую насыпь, где садимся и начинаем есть наши пироги. Озеро плещется о берег лишь в нескольких шагах.

— Хочу кое-что спросить, — говорю я, откладывая половину пирога в жирной коробке, сохраняя ее на потом. — И я хочу, чтобы ты, несмотря ни на что, был на сто процентов честен со мной. Даже если это причинит боль.

Он перестаёт жевать. Проглатывает пирог.

— Ладно.

Я не видела, чтоб Кейр боялся чего-то, но, думаю, вижу это сейчас. Вена пульсирует на его шее, морщины формируются в уголках его глаз.

— Что с тобой произошло? — прямо спрашиваю я.

Вопрос обрушивается на нас, как холодный, сильный дождь.

Он смотрит на меня, и я вижу борьбу внутри него. Я не хочу принуждать его, не хочу быть назойливой, но...

— Я знаю, ты сказал, что расскажешь мне в свое время, — говорю быстро. — И я это понимаю. Просто хочу знать, потому что желаю, чтобы ты чувствовал, что можешь мне доверять. Я хочу быть тем, кто знает все о тебе, даже постыдные или пугающие вещи.

Он нервно сглатывает, переводя взгляд на озеро. В нем нет тепла, лишь холод.

— Ты служил в армии?

Озадаченно смотрит на меня.

— Что?

Я беспомощно пожимаю плечами, явно хватаясь за соломинку.

— Я не знаю. Твоё состояние похоже на ПТСР, например, ты страдаешь от воспоминаний или чего-то еще. Так оно и есть? Это флэшбэки из прошлого?

Он смотрит на меня напряженные минуты. Я не могу ничего прочитать по его глазам.

— Нет, — наконец говорит он.

— Тогда что это? Ты... ты причинил кому-то вред?

У него перехватываете дыхание. И у меня такое чувство, словно я получила его. Кусочек пазла, но только кусочек.

Только теперь мне интересно, какого черта он сделал. Это была самооборона? Это был его отец? Все произошло, когда он был ребенком?

— Ты можешь рассказать мне. — Я продолжаю внимательно наблюдать за ним, словно я - детектор человеческой лжи. — Я не буду судить. Просто хочу знать, откуда ты пришёл. Я хочу помочь тебе, как ты помог мне.

— Как я помог тебе? — хрипло спрашивает он.

Я вздрогиваю

— В самом деле? Ты не знаешь? Кейр... без тебя... я была бы лишь тенью. Ты заставляешь меня чувствовать себя цельной. Ты давишь на меня и обижаешь меня, ты

заставляешь меня подняться, и все это делает меня сильнее. Ты делаешь меня сильнее, чем я думаю. Ты веришь в меня тогда, когда я сама не верю в себя, и это значит все.

Я громко выдыхаю, чувствуя себя плохо из-за того, что подняла эту тему. Следовало просто оставить все как есть, доверять его срокам. Это его прошлое, его травма, он знает, что лучше.

Но все же давлю на него.

— Что бы ты не сделал, ты должен простить себя. Должен позволить прошлому уйти. Если ты этого не сделаешь, эти ужасы, эти эпизоды, они будут держать тебя в темноте. Они заставят тебя утонуть. Поверь мне, я знаю.

— Как насчет тебя? — спрашивает он. — Почему ты что-то скрываешь от меня?

Мне бы надо разозлиться, что он ушёл от ответа, вот так сменив тему. Но он прав.

— Ты хочешь правду? — спрашиваю я, повернувшись лицом к нему. — Хорошо. Я не говорила тебе об этом раньше, потому что это не моя правда. Это касается Кристины. — Делаю глубокий вдох, пытаясь оставаться спокойной, но мои руки начинают дрожать. Я убираю их, сжимая под ногами. — Мой отец подвергал ее сексуальному насилию. С тех пор, как она была маленькой, и до тех пор, пока не исчез. Он делал это с ней почти каждую неделю, если не каждую ночь, — я замолкаю. — Он не трогал меня. Он даже не обнимал меня. Не знаю почему. Он даже не смотрел в мою сторону, только угрожал, если я расскажу кому-то. Тогда... в то время, я не знала...

Я затихаю. Мои воспоминания настолько постыдны. Позор, который окутывает вас, как черный плащ, который вы должны носить до конца своей жизни.

Кейр внимательно наблюдает за мной. Я продолжаю, делая глубокий вдох.

— Когда я была ребенком, я ревновала. Я действительно завидовала, что он делал это с ней. Насколько я, должно быть, была больна? Насколько охрененно испорчена?

— Нет, — говорит Кейр, простирая горло, — нет, ты не была больна. Ты была молода. В молодости мы думаем и делаем то, что никогда не сделали бы сейчас.

— Мне было двенадцать, — возражаю я. — Я была достаточно взрослой, чтобы понять, что происходит. И я все спрашивала себя, почему она? Почему он обратил внимание на неё и игнорирует меня? — Я не могу думать из-за уродства. Не могу стряхнуть его.

— Эй, — нежно говорит Кейр, беря меня за руку. — Не иди по этому дорожке. Той, что внутри. — Он наклоняется и касается моей груди в той области, где расположено сердце.

— Я вижу это, прямо сейчас. Не ненавидь себя. Не вини себя.

— Как я могу не делать этого? — вскрикиваю я, и слеза стекает по моей щеке. — Когда я наконец поняла, насколько безумной и испорченной была, я все равно ничего не сделала. Я хотела ей помочь. Хотела спасти ее от этого больного ублюдка, урода, с которым нам пришлось жить, но не смогла. Я этого не сделала. Он сказал мне, что, если я донесу на него, он убьет меня. Он сказал то же самое маме. Мы вдвоем жили в страхе и ничего не делали. НИЧЕГО!

Рыдание вырывается у меня из груди.

— Ты не можешь винить себя, — шепчет он, но его голос слабый.

— Нет? Почему нет? Я могла бы пойти в службу опеки, в полицию. Они могли бы защитить всех нас, арестовать его. Но я была слишком напугана. Была трусихой. Я была ее старшей сестрой, на которую она равнялась. Она все время рассказывала мне, как она любит меня и восхищается мной. Я должна была защитить ее, но я облажалась.

— Твоя мать обязана была защитить ее, — указывает он.

— Ну, она тоже облажалась. Она сделала единственную хорошую вещь, когда отец наконец ушел. Мы не знаем, куда он пошел. Мы все еще не в курсе, но это не имело значения. У нее было достаточно сил и вины, чтобы увезти Кристину далеко, где он не мог бы их достать. Они приехали сюда. К тому времени я уже пошла своим путем. Я ушла... Да, я могла бы остаться в городе, могла бы наблюдать за ней издалека. Но я, черт возьми, ушла, сбежала.

— В мире полно страшных людей, которые делают ужасные вещи, — говорит Кейр.
— Всегда хуже, если это происходит с твоим родственником. Но ты не можешь винить себя за то, что не в силах контролировать, и не можешь винить себя за свои поступки в детстве. Ты была зла, смущена, парализована страхом, и у тебя были основания для этого.

— Не важно, в конце концов, я получила то, что заслужила.

Он непонимающе смотрит на меня.

— Подожди, ты имеешь в виду свою ногу? Ты думаешь, что заслужила этот выстрел?

— Я ничего не говорю. Он качает головой, глядя в сторону. — Херня какая-то, Джессика. Ты не сделала ничего, чтобы заслужить такое. Ты меня слышишь? Ни одной гребаной вещи. Это не твоя карма. Просто неудачное время. Жизнь - дермо. Но ты не сделала ничего, что бы привело к этому. Понимаешь?

Я киваю, хотя его слова и не доходят до меня. Я слышала речи о вине. Когда дело доходит до этого, не значит, что мир наказывает меня. Я считаю, что заслуживаю наказания.

Я знаю, что больше не хочу об этом говорить. Не хочу давить на него, заставлять рассказать мне его правду. Мне и так уже тяжело и я просто заставляю его чувствовать себя так же дермово, как я чувствую себя сейчас.

— Нам надо идти, — говорю ему. — Если мы все еще хотим добраться до Скай до темноты.

Он тут же нахмуривается, затем кивает.

Мы возвращаемся к машине. И все это время я использую свою трость.

Глава 16

Джессика

Из-за всех отклонений от маршрута, нам не удается добраться до острова Скай до темноты. После того, как мы покинули руины и оставили мою правду там, мы должны были продолжить движение по главной дороге, но Кейр хотел исследовать другой прибрежный маршрут через полуостров Аплкросс - горы на другой стороне острова Скай, и думал, что мы все еще сможем успеть до наступления темноты.

Маршрут занял большую часть дня: медленная, порой опасная дорога по краю скал, везде однополосное движение, из-за чего было несколько страшных моментов, когда дом на колесах наклонился.

К счастью, «Ягуар» хорошо справился (во всяком случае, с этой частью), и мы довольно быстро выучили правило: оставайся ближе к машине впереди. Не слишком близко, чтобы оказаться на хвосте, потому что последнее, что нам нужно, задеть их, и не слишком далеко, когда они обгоняют автомобили, идущие в другую сторону, так мы не остаемся сзади. Просто держись машины перед собой и делай то, что они делают. Они действуют как плуг. Принимают все давление от этих дорог. Вскоре мы с Кейром стали смеяться над нашей новой игрой «салочки, баран!», и, черт, было хорошо посмеяться после всего того, что произошло раньше.

Дорога вела нас мимо впечатляющих бухточек, и, направившись дальше по южной стороне, через какое-то время перед нами развернулся остров Скай: вода в заливе молочно-голубая, как оболочка яйца малиновки. Погода на Скай казалась не очень приятной: темные облака парили над скалистыми вершинами. По крайней мере, контраст был драматичным и эй, мы приехали в Шотландию не ради погоды.

После этого мы повернули вглубь страны, переехав через Беалах-на-Ба (самый высокий горный перевал в Британии, и название этого места звучит очень сексуально, когда его произносит Кейр), окутанный облаками. Конечно, именно тогда «Ягуар» начал перегреваться: двигателю трудно справляться с постоянными серпантинами и подъемом на две тысячи футов.

Нам удалось совладать с дорогой, а иногда другие машины пролетала мимо нас. Я увидела, как Кейр работает, поднимая капот и неся ящик с инструментами из багажника. К счастью, все, что понадобилось, лишь больше воды для радиатора и немного охлаждающей жидкости. По-видимому, произошла утечка, но он сказал, что этого хватит, чтобы без проблем вернуться в Эдинбург.

Место для привала было странным и не очень удачным, потому что в моем сердце поселилось беспокойство. Здесь наверху везде были скалы и мох с пятнами снега. Холодный, пронизывающий ветер свистел по вершинам, толкая облака и туман.

У меня было такое чувство, будто меня предупреждали о чём-то.

Наконец мы вернулись в машину и, после сумасшедшего крутого спуска, ведущего вниз между двумя горами, направились на Скай. К сожалению, когда мы подъехали к отелю, было темно, поэтому, чтобы увидеть любые потрясающие картины, нам придётся ждать до утра.

Отель «Флодигарри» оказался довольно ошеломляющим. В то время как замок был роскошным, а отель в Скори семейным, это место шикарное и изысканно романтично. Бутик-отель смотрит на море, и хотя мы не можем видеть воду, мы слышим, как внизу волны ударяются о берег, и ощущаем запах морской воды.

Когда мы регистрируемся, нам предлагают ассортимент хереса или виски, а затем показывают нашу комнату в коттедже Флора МакДональд, где в 1700-х годах жила печально известная Флора. Я мало знаю о ней, лишь то, что в те дни она была дерзкой молодой леди, которая провозила контрабанду и прятала Бонни Принца Чарли, лидера якобитов, во время восстания.

— Она очень похожа на тебя, — говорит Кейр, когда мы заканчиваем ужин в элегантной столовой и направляемся по галечной дороге обратно в коттедж.

— Я больше никого не провожу тайком, — отвечаю ему, оборачивая его руку вокруг своей талии.

«Только если ты не сделал что-то, о чем мне следует знать», — мысленно добавляю.

Отталкиваю эти мысли прочь.

Мы идем в коттедж, от вина, которое мы пили за ужином, моя одежда с лёгкостью слетает. Я практически нападаю на него, ну насколько могу, учитывая, что он крупный мужчинам, а я, по сравнению с ним, крошка. Мы падаем назад на кровать, и я оказываюсь на нем.

— Сдаётся мне, несправедливо, что я голая, а ты нет, — говорю ему.

— А я думаю, это совершенно справедливо, — отвечает Кейр со всей серьезностью. Он поднимается и проводит большими пальцами по моим скулам, удерживая меня над собой. Открывает рот, словно хочет что-то сказать, затем закрывает его. На лице написана боль.

Я наблюдаю за ним, изучаю его и жду.

— Джессика, — шепчет он почти с благоговением. — Даже не знаю, с чего начать...

Вот оно? Он рассказывает мне?

Кейр нервно сглатывает, его адамово яблоко двигается вверх-вниз.

— Я... — делает глубокий вдох. — Ты значишь для меня больше, чем даже можешь представить. Больше, чем я вообще могу объяснить. Никогда не думал, что достоин такого человека, как ты, в моей жизни... я не смел мечтать. В моей жизни и будущем не было ничего подобного.

Мое сердце дико бьется, словно вот-вот вылетит из груди.

Кейр закрывает глаза и медленно выдыхает. Когда снова открывает их, застенчиво улыбается мне.

— Прости. Я не очень хорош в разговорах. Я просто пытаюсь сказать... что бы ни случилось, знай, то, что я чувствую - настоящее.

Внутри меня все холодаеет.

— Что случилось? — повторяю я.

— Некоторым людям требуется время, чтобы набраться храбрости, — говорит он, удерживая мое лицо, в его глазах столько отчаяния, что я едва могу смотреть на него. — Я просто говорю, — быстро продолжает он. Длинная пауза. — Я люблю тебя, Рыжик.

Бам.

Его слова попадают прямо в сердце.

— Я влюблен в тебя, — говорит он, его голос наполнен искренностью, а в глазах смесь ужаса и покоя. — И не могу сказать тебе, что будет дальше, потому что со мной никогда не бывало такого. Я никогда никому не отдавал свое сердце. Не так, как тебе. Независимо от того, понимаешь ты или нет, все это время мое сердце было у тебя, с того самого момента, как мы впервые встретились.

Вот. Дерьмо.

Он что, и правда говорит, что любит меня?

Счастье, которое я чувствую, делает меня безумной. Словно шлюзы внутри меня открываются, и тёплая радость льётся сквозь меня, заполняя каждый пустой угол, возвращая мне то, что, я никогда не знала, было утрачено.

— Ты меня любишь? — повторяю я. Слова звучат нереально, и я улыбаюсь так широко, что щеки начинают болеть.

— Я должен был сказать раньше... не хотел тебя пугать. Но теперь понимаю, что больше не могу молчать. Не могу держать это в себе. Ты должна знать.

— Кейр, — медленно говорю я, но не могу найти слов. Я чувствую это. Да.

Столько всего. Эту огромную любовь, которую не могу больше держать в себе. У меня кружится голова, я парю от осознания того, что люблю его, и это взаимно. Любовь большая и темная, одновременно и поглощает и придает сил.

Он прикладывает палец к моим губам.

— Не говори ничего. Пусть пройдёт несколько дней. Пусть идет, как идёт. Свыкнись с этой новостью. Поживи с ней. А сейчас позволь мне просто любить тебя. Ты позволишь мне любить тебя?

О боже, он разрушает меня изнутри. Я и так уже открыла свою душу, а он нашел ещё больше трещин и забирается глубже.

— Да, да, — шепчу я, нежно и сладко целуя его. — Люби меня, люби.

Кейр откидывается назад, волосы растрепались по лбу, глаза дьявольски сверкают. Он скользит грубыми руками по моим бокам, а затем сжимает талию. Его ладони настолько большие, что ему удается почти полностью охватить меня.

— Иди сюда, — бормочет он и подталкивает меня вверх.

Быстро оцениваю ситуацию. Я могу схватиться за спинку кровати, положить больную ногу на подушку, и пусть здоровая нога примет на себя весь мой вес.

— Ты просишь меня сесть на твоё лицо? — спрашиваю его.

— Все мы по-разному показываем любовь, — отвечает он с дерзкой ухмылкой.

Я поднимаюсь на его мускулистое тело, не торопясь, чтобы потеряться киской о его пресс и грудь, пока руками исследую твёрдые плечи. Такая огромная сила и мощь подо мной, настоящий мужчина.

И весь мой.

Я хватаюсь за изголовье, поднимаюсь к его лицу и широко раздвигаю ноги, а он одной рукой удерживает мое бедро, чтобы уменьшить давление с одной стороны.

— Быстро или медленно? — бормочет он между моих ног, его горячее дыхание щекочет меня самым приятным из способов.

— Удиви меня.

— Как насчет медленно, — говорит он. Его язык скользит по мне, медленное дразнящее движение от попы до клитора.

Я практически таю. Если это один из способов, которым он показывает свою любовь, пусть продолжает.

Кейр любит меня.

Я все ещё с трудом могу поверить в это.

Он останавливается и дует на мой клитор.

— Еще или хочешь по-другому?

Крепче хватаюсь за изголовье.

— Меньше слов и больше дела.

Он громко смеётся, прежде чем языком скользнуть в меня. Я сжимаю его, желая большего, жадная и ненасытная. Опускаюсь ниже, и его язык продвигается глубже, но даже тогда этого недостаточно.

Он облизывает меня, сосредоточившись на тех местах, где я влажная и припухшая, проводя свободной рукой между моих ног и дразня меня пальцем.

— Тебе нравится? — спрашивает он сквозь стон. Кейр кружит языком вокруг моего клитора, один круг и ещё один, одновременно толкая в меня два толстых пальца.

Моя голова откидывается назад, спина выгибается, и я крепче хватаюсь за изголовье. Когда его пальцы играют со мной, а язык кружит по самым чувствительным местам, я чувствую себя богиней. Богиней на грани оргазма, но, тем не менее, богиней. Этот гигантский мужчина, воин сердца и души, он подо мной и дает мне только удовольствие. Его лицо - мой трон, его член - мой скипетр. Прилив власти идет прямо к моей голове.

— Может, быстрее? — спрашивает он, и вибрации его губ сводят меня с ума.

Да. Быстрее, быстрее, сейчас.

Его пальцы проникают глубже, растягивая меня и лаская. Я могу слышать, насколько я влажная, и от одного этого возбуждаюсь ещё больше.

Кейр нежно дует на клитор, прежде чем всосать его обратно в рот, и я кричу. Сначала это тихий стон, затем он становится громче.

О.

Да.

Вот так.

— Черт, — ругаюсь я, сильно кончая, толкаясь ему в лицо. Из головье бьется о стену, когда я дрожу.

Я практически падаю на Кейра. Мои руки дрожат от напряжения, пока я держусь за кровать.

Он обнимает меня за талию и поднимает с себя, пока я не оказываюсь наполовину лежащей на кровати, наполовину на нем. Я зарываюсь лицом ему в грудь, сердце бешено стучит. Он тоже тяжело дышит.

Кейр оборачивает руку вокруг моей талии, удерживая меня рядом, и целует меня в макушку.

Я смотрю на антикварный гардероб в углу, клетчатое одеяло, которое наполовину свисает с кровати, мои глаза дрейфуют надо всем этим, пока мой мир возвращается на место, как еще один кусочек головоломки.

Поднимаю голову, посмотреть на него.

— Твоя очередь, — говорю я.

Но Кейр лишь обнимает меня крепче.

— Побеспокоишься обо мне завтра. Ублажая тебя, я потратил дохрена энергии. Ты жадная, и я без сил.

— Говоришь как настоящий романтик, — дразню его.

— Кому нужна романтика, когда я могу трахнуть тебя языком, — со смешком говорит он. — Кроме того... я люблю тебя.

Лежа у него на груди, я улыбаюсь и слушаю биение его сердца.

На следующий день мы встаем рано, Кейр очень хочет показать мне остров Скай. Он еще не был на острове, но думаю, просмотрел мое приложение Lonely Planet, пока я не видела, и решил сыграть в гида.

Я не жалуюсь. После вчерашней ночи у меня хорошее настроение, да и погода радует. Мы завтракаем в ресторане и отправляемся в путь.

Пейзаж здесь просто потрясающий. Словно все, что мы видели во время поездки по дороге, объединилось на одном острове. Единственный недостаток - место определенно более популярное и переполнено туристами, что является проблемой на дорогах с односторонним движением.

Мы начинаем путь, направляясь на запад, мимо высоких скал и плато гор Килинг, которые господствуют над отелем. Я бы с удовольствием поднялась по темным трещинам, чтобы увидеть красоту с плоскогорья наверху, но моя нога не позволит.

То же самое касается знаменитого холма Сторра, всего в нескольких милях внизу. Я могу сфотографировать только из машины, а очередь туристов (с этого расстояния похожих на муравьев) поднимается со стороны дороги, направляясь к вершинам, стоящим отдельно от крутых горных сторон.

— Когда ты окончательно поправишься, мы вернёмся сюда, — говорит Кейр, его рука лежит на моем колене, пока он ведёт машину. — Поднимемся на каждую чёртову вершину этого места.

Я верю ему.

Затем мы едем дальше к оживленному городку Портри, берем кофе, а после

пересекаем северный перешеек острова, направляясь обратно на другую сторону дороги - необходимый круг, чтобы попасть обратно в отель. Таков план на первый день. Я предполагаю, что вторая половина дня включает в себя много секса.

Теперь Кейр ищет определенную дорогу, и я просматриваю карты Google, но продолжаю проигрывать, поскольку сигнал здесь плохой. Наконец, мы находим ее. Впереди над городом Уиг, где массивные паромы стоят в своих доках, готовые отправиться на Внешние Гебридские острова. Еще одно место, которое мне бы хотелось увидеть, еще одно путешествие с Кейром.

Это ведь реально, правда?

То, что он чувствует ко мне, что я чувствую к нему. Хотя прошлой ночью я не сказала ни слова, отчасти потому, что он не хотел этого, я знаю, что все же скажу. Когда сегодня утром мы принимали вместе душ, я почти рассказала ему о своих чувствах. Но в место этого опустилась на колени и сделала ему минет.

Практически призналась ему во время завтрака, когда он случайно пролил на меня чай, у него было такое расстроенное, такое забавное выражение лица, что я чуть не умерла от смеха.

Я хочу сказать ему сейчас, когда он ведет машину по крутой узкой дороге вправо, направляясь к безымянному месту сказочной долины. То, как он хмурится, когда едет, его темные, идеально изогнутые брови сходятся вместе. Как его руки сжимают руль, большие и сильные, способные быть необычайно нежными и безумно грубыми одновременно. То, как его волосы закручиваются на затылке, мягкая, загорелая кожа, которую я люблю целовать, облизывать и пробовать на вкус.

То, как он заставляет меня чувствовать себя так, словно я заслуживаю его сердца.

Все это не может оставить меня равнодушной, и я люблю его до безумия.

«А это рискованно», — говорят голоса. Как и все в жизни.

Но я устала слушать их. Устала защищать себя. Я люблю его каждой частью души, цельными частями, сломанными частями и частями, которые все еще приходят в себя.

Я охотно бросаюсь в пропасть.

— Думаю, мы на месте, — говорит он, проезжая мимо кучи автомобилей, припаркованных рядом с однополосной дорогой. Хоть вид и красив, не думаю, что он достоин того, чтобы называться «сказочной долиной».

Мы продолжаем ехать. Больше вагонов, затем фермерский дом, затем автомобили и люди, которые возвращаются к своим машинам. Ну, если они идут назад, это означает, что они двигаются откуда-то.

— Вот оно, — говорю Кейру, после того, как мы проезжаем бассейн и странный холм, похожий на миниатюру горной травы высотой двадцать футов, растущую над ним

Здесь также стоят машины, несколько ив и за ними тропинки, ведущие к холмам.

Мы следуем по самому ровному пути, моя трость впивается в мягкую грязь и траву, и начинаем подниматься по пологому склону, пока не огибаем поворот. Вокруг нас лишь маленькие горы травы, местами высотой в семьдесят футов, все с тропинками, идущими по бокам. Из-за чего мне кажется, что я гигант.

Одна рядом с нами увенчана крутым базальтовым утесом и силуэтами людей, которые поднялись на вершину, а у ее основания - кромлех, создающий идеальную воронку. Кучи этих камней разбросаны по богатым растительностью долинам, и мне становится любопытно, расставляют ли их люди.

Здесь есть несколько человек, хотя, судя по количеству автомобилей, которые мы видели, я предполагаю, что надо идти дальше, существуют более скрытые места, которые надо исследовать, и толпа разошлась. За каждым маленьким коническим холмом может быть другой холм, или долина или водопад. На самом деле, Кейр замечает, что он слышит слабый водопад на расстоянии.

— Ты сказал, что в следующий раз мы поднимемся на каждую гору, — говорю я ему. — А сейчас, как насчет того, чтобы мы поднялись на эту? — Я указываю тростью на

высокую вершину напротив нас, она около пятидесяти футов в высоту, и отсюда наклон кажется не очень крутым.

— Нет проблем, — отвечает Кейр. Он встает передо мной, а затем приседает и поворачивается ко мне.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Забирайся мне на спину, — говорит он. — Я твой чертов Шерпа.

Я шагаю вперед, держа трость, как стек, и он хватает меня за бедра, поднимая на себя. Я сажусь на его спину так, словно я на ломовой лошади, бедрами сжимая его бока, а рукой обнимая шею, пытаясь и удержаться и при этом не задушить его.

Я чувствую, как пульс бьется под моей рукой, пока держу его за шею, и подевчачки визжу, когда он начинает подниматься по склону. Как и прошлой ночью, чувство освобождающее, потому что я еду на этом диком мужчине.

Нам не требуется много времени, чтобы добраться до вершины - красивого плато, которое смотрит на другие холмы.

Кейр осторожно опускает меня вниз, хотя я могла бы всю жизнь кататься вот так у него на спине.

— Неплохое место, — говорит он, оглядываясь вокруг. — Похоже на миниатюрную версию Шира.

— Или просто Шир, — изdevаюсь я, ударяя его по руке. — Потому что они и так были миниатюрами.

— Успокойся, маленькая фанатка «Властелина Колец», — говорит он, скрещивая руки на груди и широко расставив ноги, оглядывая землю так, словно владеет ей.

Я совершенно определенно принадлежу ему.

— Я не фанатка «Властелина Колец», — отвечаю ему. — Не то чтобы я стыдилась этого. Просто озвучиваю общеизвестные факты. Если кто тут и фанат, так это ты. Ты все еще читаешь «Песнь Льда и Огня». А мог бы просто посмотреть сериал.

Он пожимает плечами, ему плевать.

— Книга всегда лучше. И я мазохист, как Джордж. Мы похожи.

Я добродушно закатываю глаза, а затем достаю телефон. Делаю наше селфи с зелеными холмами на заднем плане, и Кейр угождает мне, даже если ненавидит камеру, а затем даю телефон ему.

— Похоже, погода ухудшается, — говорю ему, отмечая, что с запада надвигаются облака. — Не возражаешь пойти туда и сфотографировать меня? — Я указываю на следующий холм, который, кажется, ведет на большое плато. Холм высокий и скалистый.

— Ты хочешь, чтоб я сфотографировал тебя отсюда? Не хочется тебя расстраивать, но iPhone не способен выделить тебя. Будет виден лишь твой силуэт.

— Именно этого я и хочу, — сообщаю я, ударяя его по руке и пытаясь оттолкнуть, пока солнце не исчезло. — Поверь мне, снимок будет живописным, и, держу пари, будет выглядеть потрясающе. Только мы с тобой будем знать, что надо смотреть на меня.

Кажется, Кейр понимает мою идею. Он быстро целует меня в губы и бежит по холму.

— Никуда не уходи, — кричит он через плечо, а затем исчезает.

Делаю глубокий вдох, закрывая глаза. Воздух чистый и свежий, смесь запаха близлежащего моря и плодородной почвы. Райский аромат.

Должно быть, именно так пахнет умиротворенность и спокойствие.

Я поворачиваю голову к солнцу, прежде чем облака скроют его, и улыбаюсь ему, позволяя лучам омывать меня с ног до головы.

Счастлива.

Я чертовски счастлива.

— Извините, — говорит голос слева от меня, вырывая меня из блаженства.

Мои глаза открываются, и я поворачиваюсь к большому, неуклюжему мужчине, направляющемуся ко мне и обходящему гребень холма. Он идет целенаправленно. И то,

как одна из его брючин цепляется к внутренней части колена, заставляет меня думать, что у него на ноге может быть протез.

Сначала я думаю, что он попросит меня сфотографировать его. Он, кажется, один здесь. Но теперь я задаюсь вопросом, может он видит мою ногу и трость и идёт сюда из сочувствия.

— Привет, — говорю ему, осторожно улыбаясь. Краем глаза я вижу Кейра в сотне футов, он начинает подниматься на другую насыпь

— Э, — говорит мужчина, останавливаясь рядом со мной, затем смотрит на Кейра. Парень молодой, может быть около тридцати, лицо красное, светлые волосы подстрижены под «ежик». На нем штаны цвета хаки и кожаная куртка. Армейские жетоны, лежащие поверх футболки, и комбинация всего этого плюс его манеры просто кричит, что он военный.

Он тоже нервничает, нервно играя пальцами.

— Можно вас кое о чем спросить?

— Конечно, — осторожно говорю я, удивляясь, почему этот парень так волнуется, почему не перестаёт смотреть на Кейра.

Он указывает в сторону Кейра. Тот почти на вершине холма.

— Это Кейр МакГрегор?

Я вздрагиваю от этих слов.

— Что? Откуда вы знаете Кейра?

Наконец парень смотрит на меня, темно-карие глаза полны любопытства.

— Извините, я должен был представиться, — он протягивает руку. — Меня зовут Оливер Блэквуд. Друзья зовут меня Брик.

Глава 17

Кейр

Холм круче, чем я ожидал, мои ботинки практически скользят по овечьему дерму, пока я забираюсь наверх. Водопад, который я слышал вдалеке, становится все громче, хотя, когда я наконец добираюсь до вершины, он больше, чем поток, падающий вниз между щелью в зелени. На насыпи растет одинокая яблоня, листья становятся желтыми и золотыми.

Я оборачиваюсь, и у меня захватывает дух. Вид отсюда ошеломляющий, и учитывая солнце, светящееся в моих глазах и заставляющее все сиять, трудно осознать все, что видишь. Все настолько ярко-зеленое, практически неоновое, тени между различными холмами и насыпями, солнце, светящее сквозь облака, все выглядит так, словно кто-то открывает окно в темной комнате. За круглыми холмами сказочной долины водопады льются прямо из гор, их, покрытые травой склоны, в этом свете похожи на бархат.

В каком-то смысле мне чертовски жаль, что завтра нам надо возвращаться в Эдинбург. Из-за этой поездки, того, что мы находимся здесь и исследуем неизвестные места, я начинаю мечтать о жизни с Джессикой. Как легко, как красиво было бы жить где-нибудь в деревне. Возможно, на пороге глухого болота, может быть, на одном из многочисленных пляжей, которые мы проезжали. Возможно, спрятаться под тенью гор или посередине крошечной деревни, как те, что у них здесь, на острове Скай. Она могла бы преподавать йогу - она могла бы делать что угодно - а я бы открыл гараж. Такая жизнь была бы такой чертовски идеальной. Мое сердце практически ликует, когда я лишь думаю об этом.

Осматриваю горизонт, а затем смотрю на холм, откуда пришел, чтобы понять, как лучше сделать снимок. Но тут понимаю, что смотрю на силуэт Джессики, и что она разговаривает с кем-то.

Волна ревности накатывает на меня. Я могу сказать, что это мужчина, и он крупный. А его жесты смутно знакомы.

Я не хочу, чтобы он попал в кадр.

«Подвинься, Рыжик», — мысленно говорю ей и начинаю махать рукой, надеясь, что она увидит меня и поймет, что я готов. Может быть, подвинется к краю холма, чтобы я мог запечатлеть ее. Эта фотография была ее идеей, я просто делал все, чтобы сделать ее счастливой.

Но если она и видит меня, то не реагирует. Хотел бы я видеть выражение ее лица, но все, что я вижу отсюда - лишь ее силуэт.

Теперь она указывает рукой на меня. Затем на мужчину. Он смотрит на нее, не двигаясь, словно слушает каждое ее слово.

Что-то в нем заставляет меня насторожиться.

Тревога звучит у меня в голове.

Почти такое же чувство было у меня в тот день, когда нас атаковали.

Я начинаю спускаться с холма, пытаясь не вляпаться в дермо, пока иду, внезапно наполненный этой неотложной срочностью, чтобы вовремя добраться до нее. У меня такое чувство, что бомба вот-вот взорвется, как будто на нас вот-вот нападут и что-то ужасное разлучит нас.

Нет, нет, не может быть.

Я дохожу до равнины и начинаю бежать по траве, перепрыгивая через камни.

Приближаясь, я теряю Джессику из вида, холм закрывает ее от меня.

Я начинаю подниматься вверх по холму прямо там, игнорируя тропинку на другой стороне. Хватаюсь за траву, ногтями зарываясь в грязь, когда ботинки скользят, и продолжаю взбираться наверх, словно обезумевший.

Профиль Джессики появляется, когда я поднимаюсь. Все происходит в замедленном темпе.

Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, ее лицо бледнее, чем молоко, глаза мерцают от боли, когда встречаются с моими.

О нет.

Я даже не...

Я продолжаю карабкаться наверх и затем вижу другого человека.

Я смотрю на Брика Блэквуда.

Единственного из моих людей, кто остался в живых.

Замираю, грудь напряжена, но не от подъёма, а от ужасного осознания того, что мой мир, наконец, рухнул на меня.

У меня нет слов. Я не знаю, что сказать. Джессика шокировано смотрит на меня, а Брик невольно улыбается. Я не могу притворяться, что не знаю его. Я должен ему столько же, сколько должен Джессике.

— Сэр, — говорит Брик, автоматически выпрямляясь, когда я подхожу к нему, бл*дь, хотел бы я, чтоб он этого не делал. — Простите, что пришел сюда вот так, я не был уверен, вы это или нет. — Он пытается улыбнуться, и я пытаюсь улыбнуться в ответ.

Недоверчиво смотрю на него.

— Брик, — отвечаю я, смотрю на Джессику, затем обратно. — Что ты здесь делаешь?

— У нас с женой небольшое путешествие, — говорит он.

— Ты женился? Здорово, — говорю ему, но мой голос дрожит. Слишком много вопросов сидит у меня в голове, и я даже не знаю, с чего начать. Почему он здесь? Как такое могло произойти?

Что он ей рассказал?

Брик кивает.

— Да. Все произошло немного стремительно, я едва знал ее, но это случилось. Эй, я слышал, ты не подписал новый контракт. Покидаешь армию?

Я не могу посмотреть на Джессику.

— Уже. Для меня пришло время двинуться дальше, сделать что-то еще.

Брик хмурится на это, неизменная складка между его глаз становится глубже. Брик был злым, тем, кто смотрел романтические комедии тогда, когда никто другой не смотрел, кто всегда шутил, рассказывая шутки через минуту после того, как кричал. Он был последним выжившим членом моего подразделения и в процессе потерял ногу. Я не думал о нем так много, как должен, не так много, как о Льюисе и Джессике. Но он был еще одним человеком, которому я должен.

— Прости, что не поддерживал связь, — говорит он, хотя я в равной степени виноват в этом. — После того, как в новостях увидел, что натворил Смит, я должен был связаться с тобой. Я хотел. Наверное, я просто... занервничал. Я в курсе, что для тебя все это было довольно тяжело.

— Не так, как для тебя, — шепчу я, смотря на его ногу.

Он наклоняется и хлопает по своей икре.

— Ты про эту старую штуку? Это не твоя вина, МакГрегор. Ни это. Ни то, что случилось с Анселим и Роджером. Ни то, что случилось с Льюисом.

Джессика ахает, громкий звук, заставляющий нас обоих посмотреть на неё.

Она складывает все вместе.

Брик кивает на неё.

— Как вы сказали, вас зовут? Джессика? — Он смущённо смотрит на меня. — Это та девушка, которую подстрелил Льюис? Черт. А ведь я думал, что вы выглядите знакомой.

Я стою неподвижно, словно если не буду двигаться, смогу исчезнуть.

— Да, — говорит Джессика, ее голос ровный. — Именно та девушка. — Она

непонимающе смотрит на меня. — Кейр, я не понимаю. Ты был в армии? Ты знал Льюиса Смита, человека, который стрелял в меня?

— Ой, твою мать, — говорит себе под нос Брик. Испуганно смотрит на меня. — Прости, — мямлит он, проходя мимо меня и уходя прочь.

Хотя я хочу уделить внимание Джессике, из-за бомбы, взорвавшейся и засасывающей нас, я крайне обязан Брику. Я протягиваю руку и кладу ее ему на плечо, сжимая его.

— Послушай, — тихо говорю ему, наклоняясь ближе. — Я бы хотел поговорить с тобой. Когда вернешься, свяжись со мной. Мне нужно многое тебе сказать. Даже необходимо.

Он кивает и смотрит через мое плечо на Джессику.

— Кажется, я не единственный, с кем тебе нужно поговорить. Удачи, сэр.

Брик Блэквуд исчезает за холмом.

Остаёмся лишь мы с Джессикой и смертельная правда.

И я знаю, понимаю, судя по слабому ужасу в ее глазах и тому, что она смотрит на меня так, словно я уже незнакомец, когда я спущусь с этого холма, я полностью потеряю ее.

Опять же, такой риск был всегда.

— Кейр, — говорит Джессика, стоя там, где стоит, ее голос безжизненный. — Пожалуйста, скажи, что это не правда. Я не... Я не понимаю, что здесь происходит.

Делаю глубокий вдох.

— Что он тебе сказал?

— Что? Зачем? — восклицает она, вытаскивая руку. — Чтобы ты смог попытаться соединить свою ложь с правдой, которую он сказал?

Честно говоря, да

— Я просто хочу знать, что он тебе сказал. — Мои кулаки сжимаются и разжимаются, ногти впиваются в ладонь в отчаянной попытке не потерять долбаный рассудок.

— Сказал, что был с тобой в армии. Что ты был его капралом, и он какое-то время не видел тебя. Что мир здесь, в Шотландии, мал и тесен. Вот что он сказал.

— И ты ответила...

Она с отвращением смотрит на меня.

— Что я сказала? Что это, черт возьми, связано со мной? Я сказала, что он, должно быть, ошибается, потому что Кейр никогда не был в армии. Он, скорее всего, принимает тебя за кого-то другого, должен быть другой Кейр МакГрегор. Но не мой Кейр. Почему? Потому что я только что, на днях, спрашивала его, был ли он в армии, и он сказал «нет».

— Она с трудом сглатывает. — И ты так и сделал. Я спросила, и ты, твою мать, лгал мне в лицо!

Я делаю глубокий вдох. Сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Мне пришлось.

— Пришлось?

— Я не хотел.

— Ты не хотел? — усмехается она. — Кейр. Ты хотел. Ты скрывал что-то от меня с того момента, как мы встретились, и теперь я знаю, почему. Ты хотел каждую частичку моего сердца и души, но не мог хотя бы немного открыть свое.

— Это неправда, — грубо кричу я, показывая ладони. — Я отдал тебе свое сердце, всего себя, это правда.

— Вранье! — кричит она. — Теперь все это ложь! Как я могу верить хоть одному твоему слову?!

Мне нечего ответить на эти слова. Я жалок и молчу.

— Почему ты солгал? — продолжает она. — Почему скрыл от меня, что ты знал человека, этого монстра, который стрелял в меня?

Я смотрю в сторону на облака, плывущие по горным вершинам внизу - бархатные зеленые долины. Здесь слишком красиво для такой сцены.

— Потому, — тихо говорю я, — что я создал этого монстра.

Тишина повисает в воздухе. Я слышу, как Джессика тяжело дышит, пытаясь справиться с этим.

— Что?

Зло провожу по волосам, понимая, что теперь правду не остановить. Я покажу ей, насколько она уродлива.

— Я причина, по которой тебя подстрелили.

Она ахает. Наконец я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё. Если бы не ее трость, она бы упала. Она бледная, как призрак.

— Как? — ее слова уносит ветер.

— Он был в моем подразделении. На нас напали. Я потерял двух человек. Брик выжил. Как и Льюис Смит. Я тоже. Но Льюис, он... он потерял рассудок. Позволил тьме поглотить его. Он... он сказал мне, что хочет убивать людей. И я не сделал ничего, чтобы остановить его. — Делаю вдох, воздух ранит мои легкие. — Я следил за тобой. Ощущал себя виноватым за то, что он сделал с тобой. Я хотел... просто хотел твоего прощения, вот и все. Ты была долгом, который мне пришлось заплатить.

Я закрываю лицо руками, потирая лоб.

— Я хотел сказать тебе правду, Джессика, — шепчу я. — Хотел. Когда я впервые встретил тебя, это была случайность, клянусь, но я искал тебя, и хотел сделать все правильно. Я не ожидал... Я не ожидал, что ложь продолжит жить, а потом было уже слишком поздно.

— Когда ты собирался сказать мне?

— Скоро. Очень скоро. — Я смотрю на нее. — Пожалуйста, поверь мне. Я почти сказал тебе вчера вечером, но поведал тебе еще кое-что, что скрывал от тебя. Что я люблю тебя. И это правда, я очень сильно тебя люблю. — Я подхожу к ней, протягивая руку.

— Не надо, — хнычет она, отворачивая голову. — Не трогай меня. Кейр, ты предал мое доверие. Все это время ты притворялся кем-то другим. Я когда-нибудь видела настоящего тебя?

Я хватаю ее за руки и слегка встряхиваю, отчаяние вырывается от меня.

— Вот он, настоящий я. Все это, все, что я говорил.

Джессика пристально смотрит на меня, слезы катятся вниз по щекам. И это разбивает мне сердце.

— Как мне теперь верить тебе? Как я узнаю, что реально? Кейр, ты сказал, что пришел за мной, потому что считал, будто что-то должен мне. Откуда я знаю, что вся эта поездка, все это время, пока мы узнавали друг друга, произошли не потому, что ты пытался облегчить свои угрызения совести? Откуда я знаю, что твои чувства ко мне настоящие, что ты любишь меня, а не чувствуешь себя обязанным?

— Джессика, пожалуйста, — скулю я, протягивая руки к ее лицу, ее прекрасному лицу, но она вздрагивает, отворачиваясь, словно я причиняю ей боль. — Пожалуйста, прости. Я знал, что это неправильно, и я не должен был лгать, но теперь ты знаешь правду. Ты не можете сказать мне, что, если бы я рассказал тебе раньше, ты бы не поступила так же?

Она прищуривается.

— Если бы ты сказал мне раньше, все равно был бы шанс, что мне будет больно. Но это риск, который ты должен был принять, риск сказать правду. Ты солгал, и я узнала все от другого человека. Я никогда за всю свою жизнь не чувствовала себя более преданной, особенно после вчерашнего, особенно после того, что я открыла тебе. Я дала тебе каждый дюйм своей души, Кейр. Тела и душа. Впустила тебя. А ты никогда не собирался делать то же самое. Ты предал мое доверие, сломал меня. А я уже была разбита.

Она вырывает руку из моей хватки и начинает уходить.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я, паника поднимается внутри меня.
Я не могу потерять ее. И не потеряю.

— К машине, — говорит она.

Быстро иду за ней.

— Я понесу тебя.

Она резко оборачивается, в ее глазах ненависть.

— Не смей больше прикасаться ко мне. Не смей нести меня. Ты теперь для меня просто незнакомец. — Она идет вперед и поднимает трость, тыча меня прямо в грудь. — Я была с тобой настоящей. Уязвимой. Позволила тебе увидеть каждую уродливую часть меня, и я ничего не просила, лишь то же самое взамен. Просто немного гребаной честности. А ты не смог даже этого. Я совершенно не знаю тебя... никогда не знала. Так все и останется.

Я не могу дышать. Картинка становится размытой по краям. Похоже на паническую атаку, галлюцинацию, воспоминание, но все это реально. Это мой мир, разлетающийся на куски, мое сердце среди обломков.

— Я иду в машину, — говорит она, доходя до края холма. — И ты отвезешь меня в отель. А затем я сяду на ближайший самолет отсюда.

— Джессика, — кричу я, задыхаясь на ее имени. — Пожалуйста. Я отвезу нас домой в Эдинбург.

Она ничего не отвечает, и я смотрю, как ее рыжая голова исчезает за краем холма.

У меня перехватывает дыхание, пока я пытаюсь не слететь с катушек. Во время тренировок, во всех боях и сражениях, я никогда не был настолько потрясен. Никогда не чувствовал, что потерял абсолютно все, потому что, для начала, у меня никогда ничего и не было.

Но она была моей. Несколько недель она принадлежала мне.

Внезапно визг Джессики слышится в воздухе.

Я побегаю к краю и вижу, как она скатывается последние несколько футов и падает на траву.

В несколько прыжков спускаюсь с холма и через несколько секунд оказываюсь рядом с ней. Несколько людей идут от близлежащего каменного круга, чтобы посмотреть, могут ли они помочь.

Джессика пытается сесть, но она рыдает, слезы текут по лицу, всхлипы вырываются из ее горла.

— Джессика, — мягко говорю я, кладя руку ей на затылок. — Тебе больно? Позволь помочь...

— Убирайся от меня! — кричит она, отталкивая меня, и я почти падаю назад. Быстрее, чем я видел до этого, она вскакивает на ноги, глядя на меня с ненавистью, пока продолжает плакать.

— Пожалуйста, — умоляю я, понимая, что люди наблюдают за происходящим между нами. Я пытаюсь схватить ее за руку, но она резко поворачивается и ударяет тростью по моему плечу.

— Отвали! — кричит она. Я никогда раньше не видел ее такой злой, словно все ее годы боли наконец выходят наружу.

— Проблемы? — спрашивает какой-то ублюдок, подходя такой развязной походкой, словно собирается сделать это своей проблемой.

Смотрю на него.

— Тебе лучше держаться подальше, приятель.

Недоумок смотрит на Джессику.

— Это парень надоедает вам?

Да вы, бл*ть, серьезно?

Она смотрит на меня так, словно хочет плюнуть мне в лицо.

— Я едва знаю его, — говорит она ему, вытирая слезы тыльной стороной руки. Она

смотрит на парня, настоящего незнакомца. — Мне нужно добраться до гостиницы «Флодигарри».

— Ой, да ладно! — кричу я. — Джессика, не будь чертовой идиоткой. — Указываю на него. — Ты едва знаешь этого парня. Ты не пойдешь с незнакомцем. Я отвезу тебя. Как и сказал пару секунд назад.

— Еще раз, кто ты, нахрен, такой? — спрашивает парень.

Я парень, который проломит твою долбаную башку, вот кто.

— Я ее парень, — отвечаю ему сквозь стиснутые зубы.

— Был моим парнем, — язвит Джессика, смотря в сторону.

Охренеть. Неужели все так и есть?

— Тогда вам лучше оставить ее в покое, — говорит парень, скрещивая руки.

Горько улыбаюсь.

— О да? — Хватаю за ее руку, не собираюсь оставаться здесь ни минуты. — Джессика, пожалуйста. Давай вести себя как взрослые.

— Уберите от нее руки, — говорит придурок, подходя к нам.

Я огрызаюсь.

— Это вас не касается.

— А я сделаю так, что будет касаться.

Он хватает меня за плечо и пытается оттолкнуть.

Я даже не думаю.

Просто замахиваюсь, кулак врезается в его челюсть со всей гребаной силой ярости и злости, бушующих во мне.

Парень кричит и спотыкается, падая на землю и держась за челюсть.

Я понимаю, как это выглядит сейчас. Джессика, кричащая на меня, ее нога. Я похож на гребанного монстра, я и есть монстр. В их глазах я не лучше моего отца.

Тяжело дышу, кулак все еще сжат. Остальные люди начинают отступать.

— Кейр, — говорит она, звука сломленной, разбитой. Затем шмыгает носом. — Мужчина, которого я знаю, не ударил бы другого за то, что тот пытается помочь мне.

Я ничего не могу ответить. Гнев душит меня, мое лицо красное от возмущения, вкупе с безнадежностью и болью.

— Отпусти меня, — говорит она. — Все мои вещи, оставшиеся в машине, можешь сохранить. Просто отпусти меня, найди свой собственный путь назад. Пожалуйста. Ты должен мне хотя бы это.

Я не хочу оставлять ее. Просматриваю толпу, в основном семьи и пары. Показываю на них большим пальцем.

— Только если ты пойдешь с кем-то другим. — Я смотрю на парня, который поднимается на ноги. — Не с ним.

— Так и сделаю. Только, пожалуйста, иди.

Мгновение смотрю ей в глаза. Такие голубые и ясные, даже когда она напугана, даже когда ненавидит меня, даже когда думает, что смотрит на незнакомца.

Я знаю, что больше никогда не увижу эти глаза, разве что, может быть, в новостях однажды вечером. Они расскажут о храброй девушке, которая пережила нападение, и как боролась со смертью, затем они покажут ее фотографию, и мне придется смотреть на нее через экран, как и всем остальным в мире, только я буду единственным, кто знает, насколько она действительно смелая.

Кивая, я проглатываю комок в горле.

— Ладно, — отвечаю я, но выходит резко и невнятно.

Ее взгляд умоляет меня уйти, и я ухожу.

Поворачиваюсь и ухожу прочь.

Оставляя все кусочки своего разбитого сердца позади.

Глава 18

Джессика

— Уверена, что не хочешь поговорить об этом? — спрашивает меня Кристина. Опять. Как делает с тех пор, как они с Ли забрали меня из аэропорта.

Я качаю головой, не произнося ни слова.

— Оставь ее, — говорит Ли, и это самая умная вещь, которую я слышала от него в последнее время.

Кристина со злостью откидывается назад на сиденье, но все же периодически умоляюще смотрит на меня через зеркало заднего вида.

Я даже не могу говорить об этом, потому что не понимаю, что произошло. Я плакала с тех пор, как в Долине Фей села в машину с семьей из Германии. Семьей, которая отвезла меня в гостиницу «Флодигарри», где я получила доступ в номер и собрала свои вещи. Оттуда один из официантов, живущий в Портри, подвез меня. А потом я села на автобус, направляющийся из Скай прямо в Инвернесс. И затем оказалась на малюсеньком самолете, доставившем меня в Эдинбург.

Я много плакала, если не сказать больше.

Но теперь покончила со слезами. По крайней мере, мне не хочется снова реветь. Мое сердце умерло, я ведь так жаждала этого. Дурман от «Новакайна» окутывает меня, и я перестаю чувствовать. Боль, которую я ощущала раньше, когда обнаружила правду о Кейре, была безумно мучительной. Мне казалось, что меня снова подстрелили, но на этот раз пуля погрузилась глубоко внутрь, в то место, где я никогда не смогу ее достать. Она сидит там сейчас, чернеет и гниет, и лишь это онемение позволяет мне дышать.

Все, что произошло... я словно забыла обо всем.

Наверное, так я разбираюсь с ситуацией. Вычеркиваю все произошедшее и хороню глубоко внутри себя. Так намного легче, чем остаться и встретиться с болью лицом к лицу.

Но я не могу все забыть, еще нет.

Кейр врал мне.

Я и не представляла, каким было его прошлое.

Ну, не совсем так. Я спрашивала его, был ли он в армии, потому что кое-что в его поведении наводило меня на подобные мысли. Но когда он ответил «нет», я поверила ему.

И когда он не ответил на вопрос, причинял ли он кому-то боль, я понятия не имела, что сама была человеком, пострадавшим от его действий.

Прошедшее время. Настоящее время.

Он причиняет мне боль таким образом, который даже не может себе представить.

Понимаете, когда он сказал мне, что совершенное Льюисом Смитом было его ошибкой, я знала, это чушь собачья. Если бы все было ясно с самого начала, у нас бы никогда не было такой проблемы. Льюис Смит, которого я теперь считаю больше человеком, чем монстром, был забытым системой солдатом со своей собственной войной. Независимо от того, что Кейр сделал или не сделал, сказал или не сказал, попытался остановить его... Ну, у меня такое чувство, что я тоже знаю Льюиса. Я смотрела ему в глаза и видела мужчину, который никогда не слушал доводы разума. Никогда не слушал Кейра, и так и не получил помощи.

Отчасти мне больно за Кейра, за груз, который он несёт.

Часть меня ненавидит его за ложь и за то, что предал мое доверие.

Мне столько раз причиняли боль, и он был единственным кто...

Это не важно.

Все кончено.

Зашитная стена упала, и я снова собираю свою жизнь по осколкам.

Мы возвращаемся домой, и я иду прямиком в свою комнату. Откладывая сумки в

сторону, не разбирая их. Прямо сейчас я не могу заниматься ими. Не хочу снимать одежду и находить вереск, который сорвала на лугу. Или песчинки в сандалиях с прогулки по пляжам. Или рюмку, которую я подняла на бензоколонке где-то в середине путешествия. Не хочу видеть ничего из этого. Просто хочу перемотать свою жизнь на месяц назад и притвориться, что никогда не встречала Кейра МакГрегора.

В дверь стучат. Я вздыхаю и, как раздражительный подросток, говорю:

— Кто там?

— Твоя сестра, — раздраженно кричит Кристина. — Что значит, кто там? Открой дверь, ты, тролль. У меня есть виски.

Снова вздыхаю и сползаю с кровати, затем ковыляю к двери и открываю ее.

Кристина смотрит на меня большими глазами. Когда ее волосы убраны назад, ее лицо выглядит круглее и моложе. Я словно смотрю на нее десятилетнюю, когда она постоянно не давала мне покоя, заставляя играть с ней. Я делала это, потому, что чувствовала себя плохо. Ведь это был единственный способ быть сестрой. Я не могла вести себя как настоящая сестра, не могла ее защитить.

Сменяю гнев на милость.

— Ладно, — говорю ей, забирая бутылку из ее рук. — Входи. Но, чур, никаких вопросов.

Я подхожу к кровати и сажусь. Кристина протягивает бокалы, которые принесла с собой, и, наливая виски, я вспоминаю Кейра. Нашу дегустацию в Скори. Мои руки начинают дрожать. Я вынуждена на мгновение остановиться и сделать глубокий вдох, чтобы снова не начать рыдать.

Когда я заканчиваю, Кристина поднимает свой бокал.

Я поднимаю свой.

— Выпьем за то, что ты дома, — говорит она, и тут я вспоминаю то, как мы с Кейром пили виски.

Черт. Да перестань уже думать о нем. Он врал тебе. И облажался.

Все кончено.

Я чокаюсь с ней и одним обжигающим глотком, выпиваю напиток.

— Черт побери. Джессика, — широко раскрыв глаза, комментирует Кристина. Она еще не притронулась к виски.

Я кашляю и сразу наливаю себе ещё.

— Что я могу сказать, эта страна так влияет на меня.

Она делает маленький глоток, морщится, но продолжает смотреть на меня.

— Как и мужчины, — комментирует она.

Пристально смотрю на неё.

— Я же сказала, не хочу об этом говорить.

— Отлично. Тогда я буду. — Она садится на пол у моих ног, скрестив свои, и мое сердце поражает резкая боль, когда я вспоминаю, что точно так же она делала в детстве.

— Знаешь, я была не очень-то счастлива, когда ты уехала с ним. Имею в виду, я не знала этого парня, ты не знала этого парня. Я хотела, чтобы он мне нравился, но ни один парень никогда не был достаточно хорош для тебя, Джесс, особенно сейчас. Но знаешь что? Ли tot, кто взглянул на вещи объективно. Он сказал, что в последнее время ты была счастливее, чем когда-либо. И знаешь, что я сделала? Я послушала своего мужа. И решила, что он прав. Потому что он часто бывает прав. Понимаешь, я в курсе, что тебе не нравится Ли, но он действительно высокого мнения о тебе.

Не могу сдержать смех. Звук резкий и кислый.

— Ли? Он ненавидит меня.

— Нет. Ты его ненавидишь.

Я вздыхаю, чувствуя себя дерьямово.

— Я не испытываю к нему ненависти...

— Он тебе не нравится. И это нормально. Ты и не обязана обожать его до тех пор,

пока уважаешь тот факт, что я люблю его.

Никогда не слышала, чтобы она говорила так смело. Я печально улыбаюсь ей.

— Конечно, я это уважаю. И знаю, он хорошо относится к тебе.

— Так и есть. И более того, он на моей стороне. Он знает, когда я веду себя как ребенок, а когда падаю духом. Он может отличить эти два состояния. В первом случае он ставит меня на место. А во втором протягивает руку и помогает подняться. Я думала, что у вас с Кейром так же. Он вытащил тебя, когда ты нуждалась в этом больше всего.

Я слышу ее слова. И знаю, что это правда. Я понимаю, что Кейр вытащил меня. Разбудил. А затем я рухнула вниз. Но мой мозг сосредоточен не на этом.

— Что ты имеешь в виду... ты падаешь духом?

Кристина делает большой глоток виски. Проглатывает напиток и искоса смотрит на меня.

— Джессика. Да ладно. Знаешь, ты никогда не говорила об этом. Мы никогда не говорили об этом.

Могу лишь смотреть на неё. Она говорит правду, но не уверена, сколько ещё правды я могу вынести.

— И я знаю, почему, — продолжает она. — Потому что ты боишься. Опасаешься, что тебе будет больно, так что ты просто уходишь, как делаешь прямо сейчас с Кейром.

Слова почти повергают меня в шок.

— Что? — моргаю я, глядя на неё.

Она сочувственно наклоняет голову в сторону.

— Он звонил мне раньше.

— Что? — кажется, я не могу произнести любое другое слово.

Кейр звонил Кристине?

Боже мой. Что он ей сказал?

Она видит страх на моем лице.

— Все в порядке, — быстро говорит она. — Он просто спросил, благополучно ли ты добралась до дома. Я сказала ему, что мы забираем тебя из аэропорта. Ты даже представить не можешь, насколько, казалось, он рад это слышать. Как будто он думал, что ты умерла. Он признался, что обманывал тебя. И рассказал мне правду. Сказал, что сожалеет, что ты была особенной, и пожелал нам счастья и все.

Мои лёгкие словно наполнены водой. Все эмоции застрияли там, борются с волнами. Но рядом нет Кейра, который мог бы поплыть за мной и вытащить меня на берег.

— Я не... — наконец-то удаётся сказать мне. — Я не убегаю. Я защищаю себя.

— Знаю, — мягко заверяет меня она. — Так же ты делала, когда ушла из дома.

Резко смотрю на неё, чувствуя себя как раненное животное.

— Все нормально, — говорит она. — Тогда я не понимала, почему ты ушла, но когда стала старше, поняла. Я знала, что тебе пришлось защищаться. Я не хотела, чтобы папа причинил боль и тебе.

Я едва дышу.

— Ты зовёшь его «папа»? — с отвращением спрашиваю я.

Она улыбается.

— Да. Потому что он был моим папой. Твоим тоже. В некотором роде чудовищем, ужасно больным человеком. Он испортил жизнь мне, маме, тебе. Но все же был папой, понимаешь? Я все еще считала его своим отцом, хотя мне и жаль. Ты все еще можешь... попытаться вспомнить хорошее, когда в памяти сохранилось лишь плохое. Возможно, сейчас самое подходящее время сделать это. Держаться за небольшие приятные моменты твоей жизни. Они ничего не извиняют. — Она тихо выдыхает. — Просто они могут сделать жизнь немного легче, когда ты не ненавидишь своё прошлое.

Она говорит так же, как Кейр, когда делился воспоминаниями о своём детстве. Как сильно он ненавидел и боялся своего отца, но все еще мог с нежностью вспоминать ту поездку и не чувствовал вину за это.

Слезы щекочут нос, лицо горит. Я быстро моргаю, не желая снова плакать.

— Джесс, — говорит Кристина. — Я не виню тебя за то, что он сделал. И никогда не думала, что это твоя вина. Как я могла? Мы не говорили об этом... но все, что я могла сделать, это молиться, чтобы он никогда не пошел за тобой. И он так и сделал. Я много раз спрашивала маму, и знаю, что он не прикасался к тебе. Тебя пощадили, и да, тебе повезло, но я была очень счастлива, что ты смогла оставаться чистой. Что тебе не нужно было проходить через то, через что прошла я. Ты не должна была защищать меня. Ты должна была любить меня. Именно так ты и делала.

Комок стоит у меня в горле. Я моргаю, горячие слезы размывают зрение.

— Прости, — отвечаю Кристине. — Я тоже тебя люблю. И ненавижу себя за то, что он сделал с тобой.

Она делает глубокий дрожащий вдох, ее голубые глаза - глаза моей матери, глаза отца - становятся влажными.

— Я знаю. Знаю. Потому что ты такая. Принимаешь на себя чужую вину и проблемы, а еще и разбираешься со своими собственными. Но ты не разбираешься, ты тонешь. Ты слишком требовательна к себе. Всегда была и всегда будешь. И знаешь, я тоже такая. Достаточно долго я не знала, как жить с тем, что со мной сделали. Но потом ты ушла. Остались лишь мы с мамой. И я научилась быть сильной ради нас обоих. Научилась разбираться со своим дерзьмом. С девятнадцати лет я ходила к психологу и лишь в прошлом году перестала. Ли ходил со мной, по крайней мере, последние два года.

Вытираю слезы.

— Как это вообще возможно?

Она пожимает плечами и тянется к виски. Я вручаю ей бутылку.

— Думала, что ты не хотела знать, поэтому не сказала тебе. Я полагала, что ты тоже ходишь к специалисту.

— Нет. Но я думала об этом.

— Да, из-за ноги. Сама по себе причина достаточно веская. Но дело не только в твоей ноге, Джесс. У тебя позади есть целая жизнь, с которой нужно разобраться. Тебе необходимо перестать притворяться, что с тобой все в порядке. Что ты достаточно сильная и можешь разобраться со всем самостоятельно. Надо взглянуть правде в глаза и исправить все, даже если это больно.

Она наливает себе стакан, а затем наполняет мой.

— И ты должна позвонить Кейру и подарить ему свое прощение. Мужчина заслуживает этого.

Я протестую.

— Я злюсь не на то, что он думает, он сделал. Я злюсь из-за того, что он обманывал.

— Но разве ты не понимаешь, почему он обманывал? Не из-за злого умысла, Джесс. Он солгал, потому что любит тебя.

Нерешительно смотрю на неё.

— Он тебе это сказал?

— Нет. Как я уже говорила, он сказал, что ты особенная. Но я узнаю особенное по тому, как парень говорит. Он влюблен в тебя. Черт, я знала это в тот день, в больнице, когда тебе снимали гипс. Он не мог отвести от тебя взгляд. Смотрел на тебя так, словно однажды собирается жениться на тебе.

Ой.

Боже, это чертовски ранит.

— Он полюбил меня из чувства вины, — слова выходят вместе со всеми моими страхами.

— Так вот как ты меня любишь? — спрашивает она. — Из чувства вины?

— Нет, — ахаю я. — Конечно же, нет.

— А почему тогда у него должно быть иначе? — Она встает. — Мне лучше пойти к

Ли. Если я не посмотрю с ним этот проклятый марафон «Еще по одной», он съест все чипсы.

Она начинает идти к двери и оглядывается на меня через плечо.

— С тобой все будет хорошо, ты ведь знаешь? Просто... впусти его. Снова. Иногда что-то нужно сделать дважды, прежде чем оно окончательно устроится. Но только впусти его.

Кристина закрывает за собой дверь, и я остаюсь с бутылкой виски и горой слов.

Глава 19

Кейр

Мне стоит позвонить ей.
Я говорю это себе по несколько раз на дню.
Надо позвонить ей и дать знать, что я здесь.
Но, как и раньше, не делаю этого.
Потому что слишком боюсь. И, как и все опасения, с которыми я сталкивался раньше, конкретно это берет надо мной верх.

После того, как Джессика ушла, я был сам не свой. Боялся за нее. Я никогда не видел ее такой злой, и знаю, что предал ее. Приехав обратно в отель и обнаружив, что она уже ушла, я забеспокоился (пребывая в отчаянии, я случайно выбрал длинную дорогу до отеля). Я переживал, что она покинула Скай на автобусе и пыталась попасть на самолет. Волновался, когда позвонил Кристине, чтобы узнать, слышала ли она что-то от сестры.

Я все еще беспокоюсь. Не так сильно о благополучии Джессики, потому что знаю, что теперь, когда она вернулась сюда, к семье, с ней все будет хорошо. Я переживаю о том, что ранил ее настолько сильно, что она больше никогда не сможет доверять мне.

А значит, я все еще не теряю надежды.

Даже если это кажется бесполезным.

Единственное хорошее во всем этом то, что Брик связался мной, и на неделе мы переписывались. Он живет в Абердине, и в ноябре я планировал приехать к нему в гости. Будет неплохо поговорить с кем-то, кто понимает. Кто был со мной там.

— Так ты собираешься позвонить ей или как? — спрашивает Лаклан.

Мы в пабе «Сент-Винсент». Трудно избавиться от старых привычек. Место рядом с моей квартирой и да, я прихожу сюда в надежде увидеть ее. В этот вторник я притащил с собой Лаклана.

На самом деле никогда не думал, что, будучи выздоравливающим алкоголиком, он когда-нибудь появится в таком месте. Но, если честно, это было его предложение. Я взял обычное пиво, он - безалкогольное, и мы сели в углу, спиной к другой части паба.

Он сказал мне, что ему необходимо научиться быть среди людей, которые пьют алкоголь. Он не пьет уже год и, хотя продолжает работать над собой каждый день, он должен посмотреть правде в глаза.

Так или иначе, каждый раз, когда мой кузен разговаривает со мной, мне кажется, что он использует метафоры из моей жизни. Может быть, мы очень похожи.

Мы говорили о татуировках и о том, что он хотел сделать изображение Кайлы на задней поверхности икры. И я начинаю думать о Джессике, насколько я допускаю идею о винтажном изображении русалки на руке.

— Я не сталкер, — говорю ему, объясняя, почему не собираюсь звонить ей. Прочищаю горло. — Ну, больше нет.

Теперь он знает всю правду. Господи, он даже и глазом не моргнул, когда я рассказал ему, что девушка, с которой я виделся, есть та пострадавшая, которую ранил Льюис. И попросту говоря, я выслеживал ее, чтобы попытаться исправить причиненный ущерб, прежде чем влюбился. Ладно, он немного удивился. У Лаклана есть собственные демоны, но подобное для него в новинку.

— Ты мог бы написать ей, — возражает он. — Это не так по-сталкерски.

Я вздыхаю.

— Я писал. Через несколько дней после того, как вернулся в Эдинбург. Я писал ей. И не получил ответа. Она ведь могла сменить номер, и я ни за что не стану звонить ее сестре. В этой семье все отчаянно защищают друг друга.

— Ну, тогда тебе придется сражаться за нее.

Он говорит это так просто.

— Как? Нарисоваться у ее дома с магнитофоном на плече?

— Свидание с самим собой. — Он улыбается мне. Несколько девушек заходят в бар и начинают распинаться:

— О, мой бог, это Лаклан МакГрегор! — ахают они. Кажется не важно, что мужчина помолвлен и в следующем году женится. Все в Эдинбурге в курсе этого, потому что, предполагается, это будет гребаная свадьба века.

Девушки хихикают и садятся за соседний стол. Я знаю, что к тому моменту, когда он соберется уходить, они уже подойдут к нему и попросят автограф.

Естественно, он делает вид, что ничего не замечает.

— Конечно, Бумбокс - отличный ход, — продолжает он. — Но самое лучшее, что ты можешь сделать, это попытаться стать лучшей версией себя. Ты должен изучить свои болевые точки и поработать с ними. Как следует. Мне пришлось обратиться за помощью. Пришлось перестать пить, начать общаться с психотерапевтом, и привести себя в чувство, решая свои проблемы. Взглянуть в лицо своим демонам, страхам, да и самому себе. Речь шла не о том, чтобы плыть по течению. Кайла заслуживала большего, чем мужчину, который просто выживает. Она заслуживала того, кто знал, как быть лучше, и кто стремился к этому. Вот кем я стал. Кто я до сих пор.

Черт. Да я словно говорю с Тони Робинсом^{xii}.

— Кстати, — говорит Лаклан, беря свой напиток. — Я разговаривал с отцом. Он сказал, что его приятель продает гараж около Лита. Почти пятьдесят лет он принадлежал их семье. Но парень стареет, а его сын не хочет заниматься этим бизнесом. Отец упомянул твое имя. Может быть, вы могли бы договориться. Ты сказал, что у тебя есть сбережения...

Он дает мне контакты этого парня, и впервые за долгое время я ощущаю надежду. Настоящую и реальную, сияющий слабый свет в темноте. Не только из-за перспективы снова открыть свой собственный гараж, но и перспективы снова заполучить Джессику. Быть лучшим мужчиной, чем вчера.

Перед тем, как мы уходим, девушки подходят к нашему столу. Хихикают, флиртуют и просят Лаклана подписать их подставки. Он говорит, что подпишет, только если они пожертвуют деньги в его приют для животных. Только заставив их сделать это с помощью своих телефонов, он подписывает подставки.

Но так как девушки, похоже, не очень рады, что им приходится платить за автограф, он целует каждую из них в щеку и позирует для совместной фотографии. От чего те приходят в восторг. И собаки, почти наверняка, тоже счастливы.

А я... теперь у меня такое чувство, что я точно знаю, что надо делать.

Глава 20

Джессика

— Мне одеться как Леди Гага или Дейнерис Таргариен? У меня есть парик с длинными светлыми волосами, и я не знаю, что с ним делать.

Отрываюсь от своего пива и удивленно смотрю на Анну.

— Что?

— На следующей неделе Хэллоуин. Я устраиваю вечеринку, помнишь? Ты придешь.

Медленно киваю.

— Ага, только вечеринка для друзей твоей дочки. А им лет по одиннадцать.

Она пожимает плечами.

— И что с того? Кто сказал, что я не могу повеселиться на вечеринке собственной дочери?

— Никто не говорит, что ты не можешь, — подчеркиваю я. — Я говорю, что я не могу.

— У меня есть пиво, — садясь на стул, говорит Анна. — Для нас, не для детишек.

— Ее глаза мерцают. — О, и Тед мог бы привести друга.

Я прищуриваюсь, глядя на нее. Примерно в то же самое время, когда мы с Кейром расстались - около трех недель назад, если вы считаете, я-то, конечно, нет - Анна начала встречаться с парнем по имени Тед. Я никогда не видела его, но знаю, что она очарована им. Полностью. Что здорово. На самом деле. Имею в виду, она заслуживает любви.

Но теперь она одержима идеей свести меня с одним из друзей своего парня. А мое сердце слишком разбито, чтобы даже рассмотреть такую возможность. Не думаю, что легко забыть кого-то вроде Кейра. Может быть, даже не в этой жизни.

— Не надо на меня так смотреть, — говорит Анна. — Я знаю, что Кейр оказался мудаком, но ты должна двигаться дальше.

Брр. Мое сердце болит. По-настоящему.

— Он не был мудаком, — бормочу я, пытаясь дышать. — А просто вруном.

Она поднимает бровь.

— Это вроде как одно и то же, нет?

Делаю еще один глоток пива.

Нет. Это не то же самое. Кейр лгал по миллиону причин, и каждая из них неправильная. Но я знаю его достаточно хорошо - знала - чтобы понять, эти причины исходят из правильного места. Появляются из-за страха. Из-за чувства вины. О которых я знаю слишком много. Он любил меня так, как мог. Но этого было недостаточно, чтобы уберечь от предательства.

Плохо, что все закончилось так, как закончилось. Все могло быть идеально. Так и было. Несмотря на все наши ошибки, недостатки и секреты, мы все еще знали и видели друг друга на другом уровне. Мы понимали, кто мы на самом деле.

И Кейр. Бедный Кейр все время страдал, живя с этим чувством стыда. Каждый раз, когда он смотрел на мою ногу, он, должно быть, обвинял себя в произошедшем. Я поражена тем, насколько хорошо ему удавалось скрывать это. В некотором смысле он был сильнее, чем я думала.

Боже, я скучаю по нему. Каждой частичкой души. Ночью тяжелей всего, когда я тянусь к нему, а его нет рядом. Лишь холодное пустое место.

Внутри я ощущаю то же самое. Пустоту. Холод. Усталость.

Анна вздыхает, вырывая меня из моей боли.

— Прости, — тихо говорит она. — Я знаю, что он действительно зацепил тебя. Я уже давно не видела, как ты улыбаешься.

— Пиво помогает, — тихо отвечаю я, делая еще глоток. Затем вздыхаю. — Встречи

тоже помогают.

Сейчас вечер вторника и, когда мы допьем пиво, направимся на встречу. Вполне очевидно, что мы не в «Сент-Винсенте». Я даже не могу ходить по той стороне дороги, потому что очень боюсь наткнуться на Кейра. Так что мы нашли паб в противоположном направлении. Когда Кристина подвозит меня сюда, я заставляю ее высадить меня подальше от района, где обитает Кейр МакГрегор.

Встречи немного помогли мне. Периодически я рассказываю группе больше о Кейре и о том, что он сделал, а не о своей травме. Возможно, это неправильно. Я чувствовала, что заслужила обе трагедии. Теперь я просто чувствую, что со мной поступили несправедливо, словно вселенная узнала о моих планах и спутала их.

Однако это шаг в правильном направлении. После откровенного разговора с Кристиной, мне удалось избавиться от части вины. Я тоже начала ходить к психотерапевту. Уже посетила пару сеансов, пытаясь разобраться во всем. Предстоит много работы, но я с оптимизмом смотрю в будущее, веря, что стану сильнее.

Что касается ноги, шину сняли, хотя я все еще использую трость. И я не против. Это прогресс. Физиотерапия проходит тяжело. Кэт проверяет меня на прочность, и мы начали использовать водную терапию. Поэтому я часто вспоминаю Кейра и время, когда он возил меня в бассейн.

Как он нес меня в воде, сильный и нежный, и испытывал мои границы, делая все что угодно, чтобы сделать меня сильнее.

Тьфу. Блин. Я когда-нибудь смогу спокойно думать о нем?

— Тебе все еще снятся кошмары? — спрашивает Анна.

Я удивляюсь ее вопросу.

— Ты о чем?

— Раньше ты рассказывала, что тебе часто снится, будто Льюис Смит бежит за тобой по аллее.

Правильно. По иронии судьбы кошмары и панические атаки прекратились, когда я встретила Кейра. Он заставлял меня чувствовать себя в безопасности, слово ничего не могло навредить мне.

— Давно не снилось такое, — отвечаю ей.

— Отличный знак, — говорит она. — Мне потребовалась масса времени, прежде чем мне перестали сниться сны о пожаре. Но когда это произошло, я знала, что моя душа смогла двигаться дальше. Понимаешь? Она больше не цеплялась за то событие.

Мне это нравится. В этом есть смысл.

Моя душа перестала цепляться за прошлое.

Единственная проблема заключалась в том, что моей душе хочется двигаться лишь в одном направлении.

К нему.

Мы допиваем пиво и выходим на улицу. Весь день шел дождь — привет осень — хотя сейчас прекратился. На улице темно и повсюду лежат листья. Я крепче заматываю шарф вокруг шеи, когда мы направляемся в церковь. Стрелки часов на башне — драматический силуэт против тусклого неба.

Анна продолжает болтать о Теде. Она не может молчать, и, честно говоря, мне приятно знать, что она счастлива.

Мы заходим в церковь, и я ни на минуту не забываю, как трудно было забираться на эти каменные ступени. От этого атмосфера становится более значимой.

— Нужна минутка? — спрашивает Анна, когда я останавливаюсь в конце прохода, смотря вниз на алтарь и гигантский орган за ним.

— Нет, — отвечаю ей. — Я в порядке. — Я говорю «спасибо» во многих других местах.

Мы идем вниз по лестнице в подвал и занимаем места в круге. Последние, как обычно.

Немного улыбаясь, Пэм встает перед нами, сжимая ладони.

— Сегодня вторник, — говорит она. — Как самочувствие?

— Хорошо, — отвечает большинство из нас, в то время как Реджи, ветеран, говорит, — дерньово.

Обычно так начинается наша встреча. Затем Пэм обойдет всех и спросит каждого отдельно, как прошла его неделя. А потом, когда все закончится, будет ждать, хочет ли кто-нибудь поговорить о чем-то конкретном.

— Прежде чем мы начнем сегодня, — начинает Пэм, пару секунд глядя на меня, прежде чем отвести взгляд. Мне кажется, или я видела в ее глазах намек на беспокойство?

— Я хочу, чтобы вы все знали, у нас новый член группы.

Все оглядываются друг на друга, в удивлении поднимая брови. Новенький? Нет. Все здесь.

Затем я замечаю пустой стул впереди, рядом с Пэм.

— Чем больше, тем веселее, — бурчит Реджи с полным ртом песочного печенья.

— Итак, — говорит она, оглядывая всех нас. — Ему есть что рассказать. Он, как и все мы, жертва ПТСР. Но он много лет живет с этим расстройством, не обращая на него никакого внимания. Даже не признавая его. Он ветеран, как и вы, Реджи. Сражался на войне в Афганистане.

Все внутри меня сжимается, и Анна с любопытством смотрит на меня.

Пэм продолжает:

— Не хочу говорить слишком много, лучше узнаем обо всем из его уст. Надеюсь, нам удастся заставить его почувствовать себя достаточно хорошо, чтобы вернуться. Я видела, как с помощью этой группы многие из вас смотрят в лицо своим демонам, и им удается выйти из этой схватки сильнее, чем они были. И я искренне верю, что каждый заслуживает подобного шанса.

И теперь Пэм недолго смотрит на меня, взглядом пытаясь что-то сказать мне, прежде чем посмотреть на кого-то за моей спиной.

— Итак, — говорит она, указывая на лестницу за моей спиной, — это Кейр.

Нет.

Не может быть.

Я даже не могу повернуть голову, чтобы посмотреть.

Кейр идет мимо стульев, направляясь прямиком к Пэм.

Это он. Действительно он.

Он останавливается в передней части комнаты и смотрит прямо на меня.

А я не могу даже дышать.

Он выглядит так же великолепно, как я помню. Знаете, когда думаешь, что до сих пор любишь кого-то, воспоминания искажают прошлое, заставляя образ этого человека выглядеть лучше, чем он был.

Это не тот случай.

Его глаза прекрасного зеленого цвета, смотрят на меня так, что я понимаю, он видит все мои чувства и боль. Небольшая борода на его сильной челюсти. От вида его губ я ощущаю тепло. Мое тело отлично помнит, каково было ощущать их.

Он все такой же высокий и доминирующий. И теперь, когда я знаю его, что он пережил, кем он был, я вижу силу в нем. Он всегда выглядел как человек, привыкший командовать. Как человек, обученный сражаться. Защищать. Не знаю, почему мне понадобилось так много времени, чтобы понять это. Невозможно упустить напряжение в его взгляде, его властные манеры, то, как он идет сквозь толпу.

Опять же, есть и другая сторона. Та, которая заставляет его испытывать страх посреди ночи. Причина, по которой он должен быть здесь.

— Всем привет, — говорит он с сильным акцентом. И я дрожу, вспоминая звук моего имени на его губах. — Меня зовут Кейр МакГрегор. Последние восемь лет я провел в Королевском шотландском драгунском полку. Последнее звание - младший капрал. Как

вы знаете, меня направили в Афганистан. Я... — он замолкает и смотрит в сторону, почесывая за ухом, — честно говоря, не знаю, с чего начать. Я долго избегал чего-то подобного. Сторонился говорить об этом. Сторонился всего. Я многое видел, много сделал. И хранил все внутри. Хочется все это отпустить, но не знаю как.

— Это, правда, он? — шепчет Анна мне на ухо. — Твой Кейр?

Я едва могу кивнуть, мои глаза прикованы к нему. Потому что я боюсь, вдруг отведу взгляд, и он исчезнет.

— Просто расскажи, о чем думаешь именно сейчас, — говорит Пэм, садясь рядом с ним, в то время как он остается стоять. — Мы никуда не спешим. Никто не сможет сразу разобраться в твоей истории. Для того чтобы добраться до сути, уйдет немало времени, даже если поначалу кажется, что многое на виду. Мы должны изучить ее постепенно, поэтому расскажи нам первую часть.

Кейр напрягается, взглядом снова находя меня.

— Хорошо. Ну, полагаю, не стоит ходить вокруг да около. Из всего, что я видел и сделал, есть кое-что, что мучает меня больше, чем все остальное. Недавно нас отправили обратно в Афганистан, помочь афганской полиции в обеспечении защиты от талибов. Предполагалось, что все будет легко. В некотором роде так и было. Но из-за подобной беспечности произошла ошибка.

Затаив дыхание, я слушаю его историю. Настоящую историю.

— Я ехал со своими людьми, когда нас атаковал террорист-смертник. Он появился из ниоткуда. Скука, простота операции, тот факт, что война для нас закончилась — из-за всего этого мы стали думать, что угроза исчезла. И у нас больше нет врагов. Что сейчас воевали афганцы, а не мы. Я стал думать так же и впервые ошибся. За секунды до того, как мир взорвался, я понял, что-то не так. У меня было это чувство. То, которое вы ощущаете нутром, оно сильнее, чем интуиция. Я должен был что-то сказать. Но я промолчал. Затем произошел взрыв, и все изменилось. — Он ненадолго закрывает глаза, скжимая губы. Я вижу, ему невероятно сложно открывать душу перед незнакомцами.

Но я также понимаю, он делает это не для них. А для меня. Он выбрал такой способ впустить меня к себе в душу.

Кейр с трудом слатывает.

— В тот день мы потеряли двух людей. Моих людей. Людей, которых я должен был защищать. Я подвел их как начальник. Потерпел неудачу. И я знаю, вы скажите, мне не следует винить себя, но я виню. Постоянно. Каждый день. Потому что, если бы я был лучшим солдатом, лучшим человеком, они всё еще были бы живы.

Достаточно долго он задумчиво смотрит в пол, и Пэм открывает рот, чтобы заговорить. Но Кейр продолжает:

— В тот день умерли двое. Еще один человек умер позже. В армии он был моим самым близким другом. Мы говорили обо всем, даже о чувствах, — признается он с грустной улыбкой: — Какие, к черту, разговоры по душам, когда борешься с террористами, но мы открывали душу друг другу. И так было правильно. Но, чем больше мы доверяли друг другу, тем более опасным и запутанным все становилось. Потому что мой друг начал терять рассудок. Он рассказал мне о своих страхах: он подумывал причинить боль себе или кому-то другому. Убить людей, чтобы они знали, каково это, жить в страхе. Я попытался рассказать об этом командованию, но дело заглохло. Психические расстройства не воспринимают всерьез. В конце концов, его уволили за дезертирство.

Я чувствую, что скоро узнаю ее. Его ужасную правду. Брови Кейра нахмурены, он делает глубокие вдохи через нос, пытаясь оставаться сильным.

И мне больно видеть его таким.

— Его звали Льюис Смит, — говорит Кейр. Несколько ахов слышится в комнате, все поворачивают головы в мою сторону. Эти люди — мои люди, и они знают историю Льюиса Смита как свои пять пальцев.

А я сижу на месте и смотрю на него широко открытыми глазами. Потому что происходящее касается лишь нас. Прямо сейчас, мы единственные здесь, кто имеет значение.

— И я уверен, вы знаете, что с ним случилось, — хрипло продолжает Кейр. — Что он сделал с Джессикой. Я тоже это знал. Я видел ее лицо в новостях, и я... — он замолкает, на глазах видны слезы. — Я знал, что должен был помочь ей. Не знал как, но чувствовал, что должен ей все, что у меня было. Но как может кто-то настолько испорченный и безнадежный как я, помочь такому человеку, как она? Я не знал, но собирался попробовать. И я попытался. По счастливой случайности я нашел ее, хоть и искал с самого момента инцидента. Я нашел ее прямо напротив этой церкви, в пабе, и я... влюбился.

— Боже мой, — шепчет Анна, сжимая мою руку.

Другие присутствующие тоже шепчут что-то, но я слышу лишь его слова.

Влюбился.

Он прочищает горло.

— Я познакомился с ней, а потом, со временем, наше общение перестало иметь отношение к долгу. Я влюбился и стал заботиться о ней. Но понимал, что живу ложью. Она понятия не имела, кто я на самом деле. Что я несу ответственность за то, что с ней случилось. Но я ничего не мог с этим поделать. Я был слабым и напуганным. Я любил ее и сделал бы все, лишь бы не потерять ее. Даже если это означало скрыть от нее правду. — Он смотрит прямо на меня. — Вот она - правда. Это все. И я думаю, что самым болезненным за всю мою жизнь, учитывая службу в армии, детство и тот ужас, в котором я тогда жил, было потерять ее.

В комнате повисает тишина. Никто не двигается. И не произносит ни слова. Кейр стоит на месте и смотрит на меня, взглядом умоляя о прощении.

И хотя мне все еще больно, ведь он обманывал и так долго закрывался от меня, я прощаю его. Думаю, я всегда была готова простить его, вот почему мне так больно.

— Джессика, Рыжик, — продолжает он, поднимая подбородок. — Прости, что я обманул тебя. Это было неправильно. И подобному поведению нет оправдания, ведь ты просила меня быть честным с тобой. Ты заслуживаешь лучшего, чем то, что я тебе дал. Может быть, даже лучше, чем я могу дать тебе. Но я люблю тебя. Это всегда было правдой. Я люблю каждую разбитую часть твоей души и то, насколько хорошо она подходит к моей сломанной душе. — Он ненадолго отводит взгляд, вытирая уголки глаз. Выпускает дрожащих вздох. — Не знаю, как вы, люди, делаете это. Очень тяжело стоять здесь и говорить. Но я рад, что решился. И что бы ни случилось, я собираюсь вернуться. Возможно, не сюда. Не хочу вторгаться в пространство Джессики. Вы ее семья, и она много рассказывала о вас. Но я буду продолжать говорить. Я отказываюсь быть человеком, который прячется от правды.

Я едва могу дышать. В горле пересохло, нос горит и щиплет от надвигающихся слез. Огонь горит в моем сердце, удерживая меня на месте, красивое пламя, горящее только для него.

Я люблю тебя.

Люблю тебя.

Люблю.

— Спасибо, Кейр, — наконец говорит Пэм. Затем застенчиво смотрит на всех нас, она тоже вот-вот расплачется. — Bay, довольна впечатляющая история.

Кейр лишь кивает.

— Спасибо, что позволили высказаться, — грубо говорят он.

И начинает уходить.

— Кейр! — кричит она вслед, поднимаясь со стула. — Ты можешь остаться. Уверена, Джессика не возражает.

Все, включая Кейра, снова смотрят на меня.

Он качает головой.

— Будет неправильно. Это ее безопасное место. Еще раз спасибо вам.

Он начинает идти мимо стульев и останавливается, когда доходит до меня. Мое сердце замирает, а тело напрягается.

Кейр наклоняется, пальцами проводя по моему плечу, из-за чего моя кожа начинает гореть.

— Если когда-нибудь тебе понадобится компания, ты знаешь, где меня найти, — шепчет он мне на ухо. Его слова попадают мне прямо в сердце.

Затем Кейр идет вверх по лестнице и исчезает.

А я практически падают от тяжести в груди.

Он был здесь.

А теперь ушел.

Я стою на ступенях церкви.

На улице идет дождь, ветер срывает листья с ветвей.

Через дорогу находится паб «Сент-Винсент». Свет, льющий из его окон, обещает безопасное убежище.

Последние двадцать минут я стою здесь, под аркой.

Все остальные, даже Анна, ушли домой. Осталась лишь я. Я написала Кристине, что приеду домой на такси, и не уверена во сколько.

Потому что все не может закончиться вот так.

Я не могу отпустить его, когда он находится всего лишь через дорогу. Он мужчина с большим багажом и огромным сердцем, и я принадлежу только ему.

Я осторожно спускаюсь по ступенькам, теперь по большей части избегая трости, так как собственным ногам доверяю больше, и перехожу улицу. Дойдя до противоположной стороны, я понимаю, что вымокла, ведь у меня нет зонта. Но это неважно. Я этого не чувствую.

Из паба доносятся разговоры, столики на улице пусты, лишь пепельницы заполнены водой. Вода стекает из желобов. Я открываю дверь и встречаю несколько любопытных взглядов, запах жареного масла из фритюрницы и эля, уютное освещение.

Это место - безопасное убежище, но я ищу человека, который является моим безопасным убежищем.

И нахожу его за нашим обычным столиком.

Он пьет пиво.

И читает книгу.

Я на полпути к нему, когда он поднимает глаза и замечает меня.

Его глаза расширяются. Бокал с пивом в руках дрожит, и он ставит его на столик.

Я замираю на месте. Его взгляд приковывает меня к месту и говорит мне все необходимое.

«Мне жаль», — говорит он.

И я надеюсь, что по моим глазам он понимает то же самое.

«Мне тоже жаль».

Затем мужчина встает со своего барного стула, немного задевая меня, когда проходит мимо, и я прихожу в себя. Направляюсь к Кейру и указываю на место за его столиком.

— Здесь занято?

— Я придерживал его для кое-кого.

Поднимаю бровь.

— Да? И для кого?

— Для любви всей моей жизни, — отвечает он с дрожью в голосе.

О, черт. Я-то думала, что мы могли бы пошутить, весело провести время. А он сразу возвращает меня в реальность.

Прекрасную реальность.

Я медленно выдыхаю, хватаясь за спинку стула, чтобы не упасть.

— Кейр, — начинаю говорить я.

Он качает головой.

— Не надо. Не говори ничего. Прости меня. Прости за все, и мне жаль, что я пришел на твою встречу. Это не попытка вернуть тебя...

— Да?

— Нет. — Он задумчиво наклоняет голову. — Хорошо. Попытка. Но я имел в виду все, что сказал. Мне нужна помощь. Я хочу этой помощи. Думаю, сознаться в этом, и есть первый шаг.

— Согласна.

— Я просто... — Он ставит локти на стол, соединяя ладони, и смотрит на стену. — Без тебя я не могу спать. Не могу чувствовать. Мир кажется другим, на вкус все иначе. Джессика, до тебя я едва жил, потом появилась ты и заставила меня заботиться и беспокоиться о ком-то, кроме себя. Ты заставила меня посмотреть в темноту и найти в ней свет... Я не могу...

Он тяжело вздыхает, опираясь лбом на руки. И не говорит ничего, лишь дышит.

Я протягиваю руку и кладу ее на его руки.

— Кейр, — мягко говорю я. — Я все еще люблю тебя. Чувства не исчезли. И не думаю, что когда-нибудь исчезнут. — Он медленно поднимает голову, чтобы посмотреть на меня. В его глазах осторожность, но ему так хочется верить мне. — Ты предал мое доверие. Потребуется время, чтобы преодолеть такое.

Он кивает.

— Я знаю. Мне так жаль, я знаю...

— Но это не займет много времени, — быстро добавляю я, пока он снова не начал извиняться. — У меня уже было несколько недель, чтобы переварить все, и правда заключается в том, Кейр, что ты причинил мне боль. Но больней всего мне от того, что мы не вместе. Я не хочу, чтобы между нами все было вот так. Я хочу быть с тобой, вечно.

Его ноздри расширяются, когда он пытается глубоко дышать, слушая меня. Вглядывается в мое лицо.

— Ты, правда, имеешь это в виду? — шепчет он.

Нежно улыбаюсь ему.

— Да, именно это я и имею в виду. А теперь, могу я присесть?

У него уходит пара секунд, чтобы все понять. Его глаза загораются, он садится прямее.

— Только если ты сядешь здесь, — говорит он, похлопывая по скамье рядом.

Я направляюсь туда, и, прежде чем успеваю присесть, Кейр встает и удерживает мое лицо в руках.

— Спасибо, что простила меня, — говорит он, глядя мне в глаза и кончиком носа прикасаясь к моему.

— Спасибо, что открылся мне.

— Я весь твой, Рыжик. Полностью. Плохой, хороший, настоящий. Только твой.

Он целует меня так, что я ощущаю этот поцелуй каждой частичкой души. Я таю в его объятиях и растворяюсь в нем. Он все для меня.

Мой мужчина.

Зашитник.

Спаситель.

Моя любовь.

Эпилог

Кейр

Семь месяцев спустя

— Эй, Рыжик, — зову я, лежа под «Астон Мартином». И не простым, а Манипенни, который принадлежит моему кузену Бригсу.

— Они с Наташой ушли принести нам пива, — говорит Бригс.

Выкатываюсь из-под машины и смотрю на своего кузена, беззаботно опирающегося на стойку в гараже.

— Когда ты пришёл? — спрашиваю я его.

Он вздыхает.

— Если бы ты не слушал так громко эту идиотскую музыку, узнал бы о моем приходе еще пять минут назад.

Встаю и хватаю тряпку с капота, вытирая руки.

— Это не идиотская музыка, — говорю я Бригсу. — Это Foreigner. Жизнь в Лондоне действительно изменила тебя.

Он закатывает глаза.

— Жизнь в Эдинбурге изменила тебя. Я думал, что грязного, как обезьяна механика чаще встретишь в Глазго.

Я подхожу к мини-холодильнику и издаю стон, замечая, что там нет пива. Беру бутылку колы и использую дверцу холодильника, чтобы открыть ее.

— Вот тут я и не знаю, заставить тебя раскошелиться или же сделать тебе семейную скидку, Профессор, — добавляю я, делая глоток лимонада. — Колы?

Бригс качает головой.

— Достаточно честно, — говорит он. — Всем ясно, что ты, вероятно, зарабатываетешь здесь больше, чем я.

Ухмыляюсь и пожимаю плечами.

— Может быть.

Прошло уже семь месяцев с тех пор, как мы с Джессикой начали строить совместную жизнь. Многое изменилось. Мы оба начали ходить к психологу, по одному и иногда вместе. Каждый вторник мы оба посещаем встречи для тех, у кого ПТСР. Постоянно боремся за то, чтобы быть выше прошлого, оставаться храбрыми не бояться всего произошедшего. Подобное требует не малых усилий, и иногда мы сопротивляемся, потому что оба были разбиты и испытали много боли. Чем глубже погружаешься в терапию, тем боли становятся больше. Процесс не быстрый, и облегчение не мгновенное. Каждая неделя - новый вызов.

Но мы становимся сильнее. Каждый по отдельности и в отношениях. И мы на сто процентов честны друг с другом, а это значит, что мы поддерживаем друг друга.

Я упоминал, что мы помолвлены? Расскажу об этом позже.

В настоящее время Джессика работает неполный день в общественном центре, с помощью йоги помогая людям с ограниченными возможностями. Сначала она начала учить тех, у кого были травмы, подобные ее. Это был способ проверить ее тело, одновременно помогая другим. Но, чем больше она этим занималась, тем больше понимала, что долгое время была на неправильном пути.

Йога, как она всегда верила, помогала исцелить душу. И, хотя ей это часто удавалось, она всегда помогала обычным, практически здоровым людям. Но тут обнаружила, что ей гораздо выгоднее обратить внимание на того, кто действительно нуждался в ней, тех, кого часто упускали из виду. Пожилые люди, инвалиды, люди, возможности которых ограничены. Она была счастлива использовать йогу, чтобы достучаться до этих людей, воодушевить их и дать им покой, которого они заслуживают.

Ее дела идут хорошо, и амбиции тоже растут. По вечерам Джессика ходит на занятия, чтобы получить возможность открыть собственную студию, как она первоначально планировала. Студия будет специализироваться на тех, у кого особые потребности и ограничения. У Джессики огромное сердце, и она, сознательно или нет, помогает улучшить мир, пусть и с помощью йоги.

Что же касается меня, ну, вот он, гараж. Я сделал решительный шаг и вложил в него все свои сбережения. Дела идут отлично. Я снова стал работать руками, собирая вместе кусочки головоломки, и мне это нравится. Назовите меня обезьяной, да как угодно, но нет ничего приятнее, чем расслабиться в конце дня зная, что твои руки что-то исправили.

Но, конечно, есть причина, почему Бригс здесь. Сегодня они с женой, Наташей, впервые навестили нас. Она на последних месяцах беременности и ей не до путешествий, но сейчас особый случай.

На следующей неделе Лаклан и Кайла женятся. Подготовка к свадьбе века идет полным ходом. На самом деле, весь последний месяц я не видел Лаклана, полагаю, он был занят. И я слышал, разворачивается какая-то семейная драма, связанная с его внезапно появившейся биологической матерью. Но вся семья в городе.

Мой брат Мал и моя сестра Мэйзи, которых я не видел много лет. Моя мать и отчим. Еще кузен Брэм и его девушка, брат Брэма - Линден с женой и новорожденным малышом. Многие люди собрались в одном и том же месте впервые за очень долгое время.

А значит Бригс выбрал прекрасное время, чтобы приехать сюда из Лондона на «Астон Мартине» и использовать дешёвую рабочую силу в моем лице. На этот раз я закрою глаза на его поведение.

Кроме того, Джессике не помешает женская компания, в которой она нуждается. Ее ближайшая подруга Пола живет в Лондоне, а Анна переехала в Файф.

Джессика и Наташа отлично поладили. Если они не вдвоем, значит, Наташа занята с Кристиной. Знаете, сестра Джессики тоже беременна. Слишком много эстрогена вокруг.

Видимо и для Бригса, раз он зависает в моем гараже.

— Ну, — спрашиваю я Бригса, — как так вышло, что меня не пригласили на твою свадьбу?

— Никого не приглашали, — отвечает он, пристально глядя на меня голубыми глазами. Его взгляд всегда немного нервирует. — Мы никому не говорили. Дай угадаю, на твою нам тоже не дождаться приглашения?

— Мы ещё даже не начали планировать торжество, — отвечаю ему.

Это не совсем правда. На самом деле, мы настроены провести свадьбу зимой на Северо-Шотландском нагорье. Но оба настолько заняты, что еще ничего не продумали. Хотя, точно знаю, что рассматриваем замок в Вике как идеальное место для церемонии. Даже после пары плохих моментов, в целом, воспоминания хорошие. Я думаю, Джессика выбирает это место из символизма. Тогда замок заставил ее упасть на колени, а теперь она возвращается с высоко поднятой головой. Я же предпочитаю это место из-за того, что будет чертовски здорово пожениться в замке.

Звуковой сигнал возвращает меня в настоящее. Двери гаража распахиваются, и мы видим, как Джессика подъезжает на «Ягуар», улыбаясь мне. Она с легкостью выходит из машины, в то время как Бригс подходит к пассажирской двери, чтобы помочь Наташе.

Джессика хромает - и так будет всегда - но она в отличной форме. Спасибо йоге, физиотерапии и просто позитивному настрою. Мне нравится думать, что секс тоже помогает.

Что же касается Наташи, она похожа на слониху. Правда красивую, но она чертовски огромна и готова взорваться. Мы все время шутим над ней.

— А ты уверена, что во время церемонии не отойдут воды? — спрашиваю я Наташу, пока Джессика ставит пиво в холодильник. — Или все же планируешь отвлечь

внимание на себя и исполнить главную роль?

— Ой, как смешно, придуорок, — отвечает она, глядя на меня, пока Бригс берет ее за руку. — Если у меня отойдут воды, это будет подарок для них. Их первый тест в качестве женатой пары. Поверь мне, в их жизни будет много дурацких тестов.

Бригс закатывает глаза.

— Так драматично.

— Это все гормоны, — парирует она, потирая живот. — Сейчас же вытащите из меня этого ребёнка!

Джессика подает Бригсу бутылку пива, а Наташе бутылку воды, которую та вырывает у нее из рук, ворча слова благодарности. Затем она приносит пиво мне, улыбаясь так, что я забываю обо всем вокруг, словно здесь лишь мы вдвоем.

Я притягиваю ее к себе, целую в макушку, вдыхая ее аромат. Боже, я так люблю эту женщину. Эта мысль поражает меня, как всегда и бывает. Именно поэтому я сделал ей предложение совершенно неожиданно. За завтраком она попросила меня передать ей миндалевое молоко, а я выпалил:

— Я чертовски люблю тебя, выйдешь за меня? — И все.

Романтично? Нет.

Но на сто процентов честно и полностью отражает настоящих нас?

Да.

— И что теперь? — спрашивает Наташа. — Вы втроём наброситесь на пиво, а я выпью тонну воды?

Я киваю на дверь. Гараж находится в Лите, и океан всего в нескольких кварталах от нас.

— Спустимся на берег, возьмём рыбы с картошкой.

Глаза Наташи загораются.

— Вот теперь ты дело говоришь.

Мы медленно собираем вещи и покидаем здание, выходя на яркое майское солнце. Я опускаю дверь гаража и запираю ее. А потом, держась за руки с Джессикой, мы идем по улице. Весна ощущается в воздухе и в том, как легко мы идем вперед, направляясь в будущее.

КОНЕЦ

ⁱ 188 см.

ⁱⁱ 160 см.

ⁱⁱⁱ «Тайна» (также «Секрет»; англ. The Secret) - псевдонаучный фильм, выпущенный кинокомпанией «Prime Time Productions» в 2006 году, по которому впоследствии вышла одноименная книга Ронды Берн. В фильме обобщаются некоторые идеи «философии нового мышления», в частности - способность человека силой своей мысли влиять на окружающую реальность, способность к самоисцелению, материализация страхов и желаний.

^{iv} Будем здоровы (гэльск.)

^v основная военная база Великобритании в Афганистане

^{vi} Дымный (торфяной) виски – это виски, солод для которого просушивался с использованием торфа. Спейсайд (англ. Speyside) — долина реки Спей, известная самыми знаменитыми в мире винокурнями, производящими виски

^{vii} Трудности не страшат

^{viii} современная палеолитическая диета состоит из еды, доступной в наши дни и включает в себя: рыбу, мясо и птицу предпочтительно травяного откорма, овощи, фрукты, корневища и орехи. При этом она исключает зёрна, молочные продукты, бобовые, сахар и обработанные масла

^{ix} мультиплексионный персонаж детективных нуар-романов о кролике Роджере, созданных писателем Гэри Вульфом, а также последующих комиксов, киноадаптации и мультсериалов

^x маршрут по северному побережью Шотландии протяженностью 516 миль

^{xi} герои «Башни Фолти» или «Отель Фолти Тауэрс» - британский комедийный телесериал, созданный Джоном Клизом и Конни Бут

^{xii} американский писатель, предприниматель, оратор и бизнес-тренер, занимающийся темой саморазвитиях и

имеющий неоднозначную репутацию. Автор бестселлеров по лайф-коучингу